

99
20/2

Л-50

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-биографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложениемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

6303. ✓
2978 ✓
✓
✓
✓

Приложение къ журналу „Нива“ за 1903 г.

Профессиональный союз
РГБ — СССР
Заводский Комитет
ЗАВОДА № 518
194

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРСА, Памбл. пр., № 29.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

(АВТОБІОГРАФІЯ ПРАОТЦЕВА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Я думаю, что я долженъ непременно написать свою повесть, или лучше сказать — свою исповѣдь. (Такъ начинается эта автобіографія.) Миѣ это кажется вовсе не потому, чтобы я находилъ свою жизнь особенно интересною и назидательною. Совсѣмъ нѣтъ: исторіи, подобныя моей, по частямъ встрѣчаются во множествѣ современныхъ романовъ — и я, можетъ-быть, въ значеніи интереса новизны, не расскажу ничего такого новаго, чего бы не зналъ или даже не видалъ читатель, но я буду рассказывать все это не такъ, какъ рассказывается въ романахъ — и это, миѣ кажется, можетъ составить нѣкоторый интересъ и даже, пожалуй, новость, и даже назиданіе.

Я не стану усѣкать однихъ и раздувать значеніе другихъ событій: меня къ этому не выпуждаетъ искусственная и неестественная форма романа, требующая закругленія фабулы и сосредоточенія всего около главнаго центра. Въ жизни такъ не бываетъ. Жизнь человѣка идетъ какъ развивающаяся со скалки хартія, и я ее такъ просто и буду развивать лентою въ предлагаемыхъ мною запискахъ. Кромѣ того, здѣсь, можетъ-быть, представитъ нѣкоторый интересъ, что эти записки писаны человѣкомъ, который не будетъ жить въ то время, когда его записки могутъ быть доступны для чтенія. Авторъ уже теперь стоитъ выше всѣхъ предразсудковъ или предвзятыхъ задачъ всякихъ партій и направленій и ни съ кѣмъ не хочетъ зашрывать; а это, на-

дѣюсь, встрѣчается не часто. Я пишу свою повѣсть съ дѣтства, съ самыхъ первыхъ своихъ воспоминаній: шаче нельзя. Англичане это прекрасно поняли и давно для осязательнаго изображенія характеровъ и духа человѣка начинаютъ свои романы съ дѣтства героевъ и героинь. Ребенокъ есть тотъ же человѣкъ въ миниатюрѣ, которая все увеличивается.

«Дити—это отецъ будущаго человѣка», говорятъ любящіе эффектъ французы, а здравый смыслъ нашихъ предковъ еще глубже и проще выразилъ это поговоркою: «каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку».

Итакъ, прежде чѣмъ вы наступите на мою отшельническую могилу, не откажитесь подойти къ моей дѣтской колыбели,—иначе, я боюсь, вы, какъ и другіе, будете пеломѣвать: зачѣмъ я очутился въ скитѣ?

Поэтъ Бенедиктовъ, произведеніями котораго я вдохновлялся въ дни моей юности (я былъ юнъ тогда, когда еще юноши любили поэзію), однажды нанугалъ меня. Вычитавъ у него, что «счастье пание» не что иное, какъ «перль, опущенный на дно», и что «кто лѣниво влагу тянетъ и боится что хмѣльна», то «слабый смертный, не достанетъ онъ жемчужнаго зерна», я плѣнился другимъ образомъ, образомъ человѣка, который, «согрѣвъ въ душѣ отвагу, вдругъ изъ чашки до чиста гонить жизненную брагу въ распаленныя уста». Я съ дѣтства уже приспособлялся припасть—и безъ передышки, безъ удержа, выпить мою чашу, достать со дна ея заветный перль, и я ее вынулъ и—слышу надъ собою:

Вотъ счастливецъ! дотянулся;

Чашу разомъ о-земь хлопъ...

Браво, браво! оглянулся,

А за нимъ отверстыи гробъ.

Да, это такъ: за мной отверстыи гробъ—и въ виду ег^о я обращуся къ моей колыбели и попробую разетавить легкіи вѣхи для обозначенія моихъ скитальничествъ между двумя крайними точками бытія.

Я былъ страшный путникъ: бодрый, но неудержимо стремищійся впередъ, я безпрестанно терялъ тропу, путался, и когда я хотѣлъ поправиться, то выходило, что я не зналъ куда повернуть и еще хуже залутывался. Единственный поворотъ, сдѣлавъ который я немножко ориентировался,

это — тропа въ скитъ. Только усѣвшись здѣсь, въ этой старой вышкѣ, гдѣ догораеть моя лампада, послѣ думъ во тьмѣ одинокихъ ночей, я приучилъ себя глядѣть на все мое прошлое, какъ на тѣ блудящія огоньки, мерцающіе порою надъ кладбищемъ и болотомъ, которые видны изъ моей кельи. Поздно вижу я, что искалъ свѣта и тепла тамъ, гдѣ только былъ одинъ заводящій въ трясину блескъ, и что вмѣсто полной чашки, которую я хотѣлъ выпить, я «скушая вкусила мало меду и се азъ умираю».

Но начнемъ ab ovo, если не съ самой колыбели, то хоть съ той поры, какъ я себя помню. Это тоже въ своемъ родѣ моментъ довольно оригинальный и, вѣроятно, не совѣмъ такой, какой сберегся у каждаго для перваго воспоминанія.

Я въ первый разъ созналъ свою индивидуальность съ довольно возвышенной точки: я держался обѣими руками за нижнюю планку рамы и висѣлъ надъ тротуаромъ за окномъ пятого этажа.

Случай этотъ былъ никогда предметомъ болышихъ толковъ одного густонаселеннаго польскаго города, гдѣ тогда стоялъ кавалерійскій полкъ, которымъ командовалъ мой отецъ; руки мои ослабѣли и готовы были выпустить раму, вдругъ меня за нихъ кто-то схватилъ и втянулъ въ комнату.

Для моихъ родныхъ и домашнихъ навсегда осталось тайною: какъ я очутился за окномъ. Прислуга, смотрѣнію которой я былъ порученъ, увѣрила, что меня сманулъ и вытянулъ за окно бѣсъ; отецъ мой увѣрилъ, что виною всему мое фантазерство и распущенность, за которыя моя мать терпѣла вѣчныя гоненія; а мать... она ничего не говорила и только плакала надо мною и шептала:

— Чтѣ такое дѣлается въ твоёмъ маленькомъ сердечникѣ и въ твоёмъ головникѣ?

Но все это уже было, разумѣется, послѣ, а я буду поспѣдователемъ въ этомъ разсказѣ.

Я выльзъ за окно и повисъ на подоконникѣ, когда родителями моихъ не было дома—и оттого доставленный мною имъ сюрпризъ имѣлъ сугубый эффектъ: возвращаясь домой въ открытой коляскѣ, они при поворотѣ въ свою улицу увидали массу народа, съ ужасомъ глядѣвшую на домъ, въ которомъ мы жили,—и, взглянувъ сами по направленію, куда смотрѣли другіе, увидали меня висѣщаго на высотѣ

восьми сажень и готового ежеминутно оборваться и упасть на тротуарныя плиты.

Съ матушкой сдѣлался тяжкій и глубокой обморокъ, изъ котораго ее едва могли вывести, межъ тѣмъ какъ отецъ въ это время успѣлъ взбѣжать наверхъ въ свою квартиру и, схвативъ меня за руки, спасти отъ неминуемаго паденія.

Я лучше и яснѣе всего въ жизни помню вечеръ этого дня: я лежалъ въ дѣтской, въ своей кровати, задержанной голубымъ ситцевымъ пологомъ. Послѣ своихъ эквилибристическихкихъ упражненій я уже соснулъ крѣпкимъ сномъ — и, проснувшись, слышалъ, какъ въ столовой, смежной съ моею дѣтскою комнатою, отецъ мой и нѣсколько гостей вели касавшуюся меня оживленную бесѣду, межъ тѣмъ какъ сквозь ткань полога мнѣ былъ виденъ силуэтъ матери, поникшей головой у моей кровати.

— Этотъ мальчишка — какое-то замѣчательное явленіе въ природѣ, — говорилъ мой отецъ, и при этомъ высказалъ опасеніе, что изъ меня современемъ непременно выйдетъ какой-нибудь совершенно неспособный къ жизни фантазёръ. — Всмотритесь вы въ его глаза, — продолжалъ отецъ: — онъ все какъ будто что-то ловить взоромъ и къ чему-то стремится... И не забудьте, что этотъ взглядъ у него таковъ съ самой минуты его рожденія. Я помню, когда меня привели къ пеленальному столику, на которомъ его управляла бабка, — онъ не плакалъ, а превнимательно разсматривалъ ея лицо — и потомъ, переведа глаза еще выше, началъ еще внимательнѣе разглядывать пестрый трафаретъ комнатнаго карниза. Я тогда же сказалъ: «Э, да это, кажется, въ свѣтъ пришелъ новый верхолецъ, которыхъ и безъ него довольно».

— Однако, вы могли въ этомъ ошибиться, — отвѣчалъ ему одинъ изъ гостей и другъ нашего дома.

— Да, — отвѣчалъ отецъ: — но у меня вѣрный глазъ, и я не ошибся. Моя жена, — даромъ, что она лютеранка, — она вѣрить въ русскаго Бога и привѣщаетъ разныхъ монаховъ и странниковъ, которыхъ я, между нами сказать, терпѣть не могу; но представьте вы себѣ, что одинъ изъ такихъ господъ, какой-то Павлинъ, до сихъ поръ иногда пишущій намъ неностижимыя письма, смыслъ которыхъ становится яснѣе послѣ какого-нибудь непредвидѣннаго событія, недѣли три тому назадъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ, между

всякимъ вздоромъ, было сказано: «а плодъ Богу предназначенъ Онъ ангеломъ заповѣсть сохранить во всѣхъ путяхъ и на рукахъ его возьмутъ и не разбѣтятся». Повѣрьте, я далекъ отъ суевѣрій, и самъ недавно проучилъ одного ксендза, который показывалъ фальшивое чудо, — но я увѣренъ, что моему мальчишкѣ, когда онъ остался одинъ, здѣсь въ комнатѣ непременно что-нибудь померещилось — и онъ потянулся за этимъ видѣниемъ и очутился за окномъ.

Услыхавъ этотъ разговоръ, я началъ припоминать, какъ это было — и, дѣйствительно, вспомнилъ, что передо мною несло что-то легкое, тонкое и прекрасное: оно тянуло меня за собою, или мнѣ только казалось, что оно меня тянетъ, но я бросился къ нему и... очутился въ описанномъ положеніи, между небомъ и землею, откуда и начинается рядъ моихъ воспоминаній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отцу, вѣроятно, очень не нравились и мой характеръ, и моя наружность, но крайней мѣрѣ я привыкъ такъ умо-заключать, судя по немногимъ моимъ столкновеніямъ съ виновникомъ моего бытія. Если батюнкѣ приходилось видѣть меня, когда онъ былъ въ духѣ, онъ обыкновенно бралъ меня за ухо и говорилъ:

— Учись, братецъ, всему полезному, а то, если будешь безполезенъ, я тебя въ уланы отдамъ.

Я этого ужасно боялся и ревностно учился всему, чему меня учили.

Если батюшка былъ не въ духѣ, — что съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни случалось довольно часто, — то тогда онъ просто былъ страшенъ: онъ краснѣлъ въ лицѣ, металъ ужасные взгляды, топталъ ногами и рвалъ все, что ему попадалось подъ руку. Когда поднималась такая буря, всѣ въ домѣ проникались трепетомъ и старались, какъ птицы передъ грозой, спрятаться куда понало, пока эта буря пронесется. Съ отцомъ на это время оставались матушка и старшій высокій девицкѣ. Я не знаю, какъ они ладили съ безмѣрною раздражительностью и вспыльчивостью моего отца, но помню, что при всей моей тогдашней младенческой малосмысленности я постигалъ ихъ величіе — и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ въ исполненные небесной кротости глаза

моей прекрасной матери и въ маленькое сморщенное лицо денщика, худенькаго солдата Окулова.

Я не зналъ, какъ мать и Окуловъ управлялись со вспыльчивостью моего отца, но только онъ имъ повиновался и успокаивался.

Но, наконецъ, выдался случай, который и ихъ вліяніе сдѣлалъ безполезнымъ; это было такимъ образомъ: отецъ мой получилъ полкъ, въ которомъ прежде служилъ и съ которымъ былъ во множествѣ сраженій. Полкъ этотъ тогда только-что возвратился изъ похода и находился въ сильномъ беспорядкѣ: люди были дурно одѣты, лошади искалѣчены; а между тѣмъ, ему черезъ мѣсяцъ назначенъ былъ смотръ отъ такого лица, отъ котораго всецѣло зависѣла вся отцова карьера. Матушку это ужасно встревожило. По обычаю полковыхъ дамъ тогдашняго времени, она достаточно понимала требованія и условія военной службы и знала характеръ лица, которому отецъ мой долженъ былъ вывести на смотръ свой разстроенный полкъ. Это былъ человекъ не злой и даже, пожалуй, по-своему добрый, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно схожій по характеру съ отцомъ моимъ: онъ былъ горячъ, вспыльчивъ и потому весьма часто несправедливъ. Матушка ждала большихъ непріятностей отъ встрѣчи этихъ двухъ характеровъ въ лицѣ подчиненнаго и начальника. Плохой, богадѣльный видъ полка долженъ былъ произвести самое дурное впечатлѣніе, а никакихъ надеждъ нельзя было возлагать на то, что осматривающее лицо войдетъ въ разборъ причинъ, поставившихъ полкъ въ такое положеніе. Отцу оставалось: или отказаться отъ полка, или же обмундировать и ремонтировать его на свой счетъ. Считаая первое знакомъ недостойной трусости, отецъ рѣшился на второе; но это требовало большихъ денегъ, которыхъ у моего отца не было и которыхъ онъ ни у кого не могъ занять въ странѣ, гдѣ къ намъ относились враждебно. Тогда мать, всегда бывшая утѣшителемъ ангеломъ всѣхъ скорбящихъ и сѣтующихъ, поѣхала со мною въ Лифляндію къ бабушкѣ, вдовѣ барона, нѣкогда служившаго въ русской службѣ, — откуда мы и возвратились съ значительною суммою, которой было достаточно на то, чтобы привести нашъ полкъ въ сколько-нибудь приличный видъ. Деньги эти были выручены залогомъ довольно богатаго имѣнія, составлявшаго собственность моей бабушки

матери и ее сестеръ. Слѣбный залогъ былъ сдѣланъ на самыхъ невыгодныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, но тягость эта значительно уменьшалась несомнѣнною надеждою скорой и легкой расплаты. Полкъ тогда давалъ командиру хорошія средства, которыми гнушаться было не въ духѣ времени, а къ тому же вскорѣ послѣ смотра предстояло полученіе ремонтныхъ денегъ, которыя могли съ излишкомъ погасить всю сумму займа. Однимъ словомъ, во всемъ этомъ не предвидѣлось ни малѣйшаго затрудненія—и отецъ мой принялся за дѣло съ свойственною ему неутомимою энергіею. Въ полковыхъ швальняхъ и мастерскихъ кипѣла горячая и безустанная работа, въ которой кромѣ своихъ людей участвовали наемные мастера, какихъ только гдѣ-нибудь могли отыскать въ окружной чертѣ. Подручные люди отца оказывали ему самую ревностную помощь: одни закупили коней, другіе занимались ихъ выѣздкою и обученіемъ, третьи—пригонкою вещей и амуниціи и т. п. Времени до смотра оставалось очень не много, и потому многое дѣлалось на-спѣхъ, неаккуратно; на одно затрачивалось болѣе чѣмъ слѣдовало, другое дѣлалось кое-какъ. Будучи самъ человекомъ очень честнымъ, отецъ мой страдалъ излишнею до-вѣрчивостію и терпѣть не могъ никакой подозрительности; это благородное свойство его души послужило ему немножко во вредъ: занятыхъ суммъ не достало, и матушка нашлась вынужденною занять еще нѣсколько тысячъ подъ вексель на покупку инструментовъ для полковой музыки. Но зато теперь уже все было произведено на славу и притомъ поспѣло въ срокъ къ своему времени. Я помню, какъ, передъ самымъ смотровымъ днемъ, музыканты принесли къ намъ на дворъ старые, измятые и изломанные инструменты и вмѣсто нихъ взяли изъ высокой каменной кладовой блестящія новыя трубы, на которыхъ тутъ же и сыграли передъ окнами матери «Коль славенъ панъ Господь въ Сіонѣ».

Въ прелестныхъ глазахъ матери сіяла безпредѣльная радость и благодарность Небу, Которое помогло ей все это устроить для спокойствія мужа. Она заплакала—и, выславъ музыкантамъ вина и ассигнацію, бросилась на колѣни и, прижавъ меня къ своей груди, стала молиться...

Въ эту минуту въ ее комнату вошла мой отецъ: онъ былъ очень доволенъ, но озабоченъ и, повидимому, хотѣлъ

тотчасъ же выйти назадъ,—но, увидавъ молящуюся мать, самъ сталъ на колѣни, положилъ молча земной поклонъ—и, восклонясь, обнялъ матушку и меня и, поцѣловавъ насъ обоихъ, сказалъ:

— Каролина! ты самый лучший ангелъ во всей вселенной, а на землѣ тебѣ нѣтъ подобной женщины.

— Не говори этого, Павелъ, — отвѣчала матушка: — это лесть или заблужденіе, но...—добавила она съ такими особенными слезами, какихъ я никогда прежде не видывала: — но объ одномъ тебя прошу: какъ бы ты ни увлекался всѣмъ тѣмъ, что тебѣ покажется прекраснымъ, не отнимай ни одной капли твоей любви отъ сына.

Съ этимъ матушка пододвинула меня рукою къ отцу, а сама сѣла въ кресла и закрыла глаза своими пѣжными бѣлыми руками.

Отецъ мой показался мнѣ очень смущеннымъ: онъ какъ будто застыдился чего-то по поводу приведенныхъ мною краткихъ словъ матери—и, небрежно обнявъ меня, поцѣловалъ въ голову и проговорилъ:

— Да, да; я, братъ Меркуль, тебя очень люблю, но только ты не будь фантазеръ и учись всему полезному, а то я тебя въ гусары отдамъ.

Эта небольшая семейная сцена имѣла важное вліяніе въ моемъ развитіи, какъ потому, что я изъ нея смутно уразумѣлъ тщательно скрываемую отъ меня драму моихъ родителей, такъ и потому, что это единственная и послѣдняя сцена, въ которой я видѣлъ моихъ родителей въ такихъ задушевныхъ отношеніяхъ.

И во всю жизнь мою не переставалъ грустить о томъ, что дѣтство мое не было обставлено иначе,—и думаю, что безудержная погоня за семейнымъ счастьемъ, которой я впоследствии часто предавался съ такимъ безразсуднымъ азартомъ, имѣла первую своюю причиною сожалѣніе о томъ, что мать моя не была счастлива,—что въ семьѣ моей не было того, что зовутъ «совѣтъ и любовь». Я зналъ, что слово «увлеченіе» есть имя какого-то нашего врага.

Увлеченія! Боже мой, какъ печальны ваши слѣдствія и какъ поздно человѣкъ начинаетъ понимать, что, поддаваясь вамъ безъ удержа, — онъ оскорбляетъ не ту узкую мораль, которая въ разныя времена послушна разнымъ велѣніямъ, а рунитъ вѣковѣчный завѣтъ въ разладъ съ которымъ

пѣть мѣста для счастья! Но объ этомъ рѣчь впереди; я могу себя утѣшить, что, занимаясь исторіей моеѣ жизни, я еще не разъ встрѣчу удобный случай обратиться къ этимъ мыслямъ, — а теперь буду непрерывно продолжать мое повѣствованіе, дошедшее до событій, которое я долженъ назвать первою моею катастрофою.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я не имѣлъ болѣе ни времени, ни случая наблюдать отношеній моихъ родителей, потому что отецъ мой скоропостижно умеръ на другой день послѣ описанной мною сцены. Съ этого и началась та катастрофа, о которой я сказала въ концѣ предыдущей главы.

На первый разъ самое ужасное въ этомъ несчастіи была его неожиданность. Люди, которые всякій случай находятъ безразлично удобнымъ для остротъ и насмѣшекъ, говорили, что «полковникъ Праотцевъ зарѣзанъ на славу живой ниткой», но этотъ скверный каламбуръ имѣетъ очень точный смыслъ.

Дѣло было такъ: полкъ отца вышелъ къ смотру въ такомъ блестящемъ состояніи, что осматривающему его лицу не оставалось ничего, кромѣ какъ хвалить и благодарить. Все шло какъ нельзя лучше, но вдругъ... О, ужась! вдругъ высокая особа замѣтила, что на мундирѣ одного изъ солдатъ ослабѣла пуговица. Были ли тому виною поспѣшность работы, или прѣлая нитка, но только, когда особа съ безмѣрною радостью сдѣланнаго открытія дернула эту пуговицу, то злополучная оловянка сію же минуту отвалилась. Особа вскинула и пошла дергать все ниже и ниже, шибче и шибче... За одною пуговицею послѣдовала другая, третья: особа ихъ рвала, рвала съ солдатъ и, наконецъ, въ нестерпимомъ бѣшенствѣ бросилась на самого моего отца съ крикомъ:

— Можетъ-быть, у васъ и у самихъ все на живую нитку? — при чемъ особа схватила отца за пуговицу; но отецъ быстро далъ шпоры коню и, отскочивъ въ сторону, весь побагровѣвъ, отвѣтилъ:

— Не троньте меня, ваше-ство: я щекотливъ.

Особа повернула лошадь назадъ и пошелась, крича по ридамъ:

— Скверно, мерзко!

Мать все это видѣла и слышала, стоя у открытаго окна въ залѣ, гдѣ были приготовлены обѣденный столъ для офицеровъ полка и для самой особы. Теперь этотъ столъ былъ какъ насмѣшка надъ нашей семейной бѣдой. Но это еще была не велика бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, что ждало насъ впереди. Бѣды ревнивы и дружны — и не идутъ въ одиночку, а бродятъ толпами. Прежде чѣмъ матушка могла сообразить и обдумать какъ встрѣтить отца, который долженъ былъ возвратиться въ гнѣвѣ, — двери залы растворились и въ нихъ появился мой отецъ, поддерживаемый двумя денщиками. Онъ молча указалъ глазами на кресло — и когда его посадили, сорвалъ съ себя галстукъ и прохрипѣлъ:

— Пона!

Матушка кинулась къ нему, а онъ схватилъ ее руку, прижалъ ее къ лицу — и тотчасъ же умеръ подъ шопотъ отходной, которую началъ читать надъ нимъ прибѣжавшій священникъ.

Такъ умеръ мой храбрый и честный, изрубленный въ бояхъ отецъ, котораго я мало зналъ и черты котораго въ настоящее время едва могу воскресить въ моей памяти. Едва помню его бравую военную фигуру, коротко остриженную голову, усы и бакенбарды съ сѣдыми концами, горячій рубцовецкій цвѣтъ лица и синіе глаза: вотъ и все.

Совсѣмъ не то съ лицомъ матери. Мнѣ даже становится совѣстно, что я не умѣлъ поровну раздѣлить моихъ привязанностей между моими родителями, — но это уже такъ сложилось. Я беззавѣтно предалъ всю мою душу моей матери, небесный образъ которой безвыходно живетъ въ моей душѣ. Два раза въ жизни, когда я терялъ его, я былъ на краю пропасти и... тутъ снова являлся мнѣ онъ, этотъ священный ликъ съ свѣтлыми кудрями Сіафронѣ и съ глубокими очами познавшаго свѣтъ PROVIDЦА. Матушка была бы красавица, если бы она не была ангеломъ.

Приводя себѣ на память впечатлѣніе, какое производила моя мать на людей, которые ее видѣли въ первый разъ, я всегда приноминаю мнѣніе Сократа, что «познаніе есть только воспоминаніе того, что мы нѣкогда знали». Впервые встрѣчая мою мать, всякій чувствовалъ, что снѣ ее будто когда-то уже встрѣчалъ, и притомъ встрѣчалъ въ необыкновенную для себя минуту; каждому мнилось, что она ему

или уже когда-то едѣла, или еще едѣлаеть что-то доброе и хорошее. Однимъ словомъ, это было доброе, чудное лицо, о которомъ я не буду говорить болѣе — какъ потому, что рискую никогда не кончить съ этимъ описаніемъ, такъ и потому, что вижу теперь передъ собою этотъ священный для меня ликъ, съ застѣливой скромностью запрещающей мнѣ слагать ему мои ничтожныя хвалы.

Послѣ смерти отца, мы съ матушкой остались не только пиццими, но на насъ лежала вина разоренія моей престарѣлой бабки и тетокъ, имѣніе которыхъ, заложенное для моего отца, было продано съ молотка. Вѣды повисели надъ нами тучей: старуха-бабка не вынесла своего горя — и когда ее стали выводить изъ ея родового баронскаго дома, она умерла на порогѣ. Мы этого не видали: мы съ матерью тогда еще оставались въ томъ самомъ городкѣ, гдѣ скончался мой отецъ, и откуда мою мать теперь не выпускали за ея долгъ по векселю, за деньги, взятыя ею на покупку новыхъ инструментовъ для полкового оркестра. Плакать намъ было не изъ чего, такъ какъ все наше имущество заключалось въ небольшихъ походныхъ пожиткахъ, да тѣхъ старыхъ трубахъ, которыя были свалены въ амбарѣ взамѣнъ взятыхъ на мѣсто ихъ новыхъ. Кредиторы должны были убѣдиться въ несостоятельности матушки и разсчитать ея долгъ на мелкіе платежи, какіе она надѣялась производить изъ имѣвшагося въ виду пенсіона за отцову службу.

И, впрочемъ, не помню, какъ шли всѣ эти переговоры и едѣлки, потому что едва ли не первымъ дѣломъ моей матери, послѣ того, какъ она овдовѣла, было отвезти меня въ Петербургъ, гдѣ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ доброжелателей, удалось пріютить меня въ существовавшее тогда отдѣленіе малолѣтнихъ, откуда дѣтей, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, переводили въ кадетскіе корпуса. Зачисленію въ кадеты въ тѣ времена считалось вождѣльнѣйшимъ устройствомъ судьбы мальчика — и матушка, стало-быть, могла не безпокоиться, что уже я непременно выйду въ люди. Пребываніе мое въ отдѣленіи малолѣтнихъ и потомъ въ одномъ изъ столѣчныхъ кадетскихъ корпусовъ ирениознено для меня самыхъ разнообразныхъ воспоминаній, между которыми грустныхъ, конечно, болѣе, чѣмъ веселыхъ, но я не стану заносить ихъ въ свои записки. Мнѣ противно положить своею рукою лишній камень въ прибавку ко всей

тягости, въ такомъ изобиліи набросанной на эти школы. Да и къ чему бы это послужило? Масса описаній темныхъ сторонъ нашей школьной жизни такъ велика, что я не вижу нужды увеличивать ее своими разсказами, тѣмъ болѣе, что я не могу сказать ничего новаго и... долженъ сознаться, что я все-таки чувствую благодарность къ этому заведенію, которое призрѣло и воспитало меня такъ, какъ оно могло и умѣло. Оставленный самому себѣ, на руки безпомощной матери моей, я бы, конечно, былъ еще несчастливѣе — и потому миръ тебѣ, мой дѣтскій пріютъ, видѣнній мои дѣтскія слезы!

Изъ всей школьной жизни упомяну только объ одномъ событіи, въслѣдствіе котораго я неожиданно расстался съ стѣнами заведенія и вылетѣлъ въ жизнь ранѣе положеннаго срока и не въ томъ направленіи, къ которому специально готовился.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не знаю, какъ бы надлежало правильнѣе назвать происшествіе, которое около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ случилось въ одномъ изъ петербургскихъ корпусовъ, именно въ томъ, гдѣ я воспитывался. Я, впрочемъ, не буду разсказывать этой исторіи, малоинтересной для взрослыхъ. Достаточно сказать, что наиболѣе провинившихся (въ томъ числѣ и меня) исключили изъ корпуса для опредѣленія въ статскую службу.

Замыкая этимъ періодъ моей жизни, протекавшей подъ попечительной опекой, перехожу къ началу моего *жизля на волю*, которою я умѣлъ пользоваться не благоразумнѣе, какъ та игучка, которую выпустилъ изъ клѣтки ребенокъ, и которая на первой же кровлѣ попала въ лапы хищной кошки.

Впрочемъ, изгнавъ насъ изъ залы, гдѣ мы были лишены кадетскаго званія, начальство еще не сразу поклянуло насъ на произволъ судьбы. До этого еще долженъ былъ пройти одинъ небольшой интервальный актъ, въ продолженіе котораго мы чувствовали надъ собою руку некаягося о насъ милосердія.

Насъ не прогнали изъ корпуснаго зданія, вѣроятно, принявъ во вниманіе, что намъ рѣшительно некуда было бы дѣться и всѣ мы въ первую же ночь непременно попали бы подъ опеку ночного полицейскаго дозора. Но какъ мы

уже были не кадеты, то корпус находилъ невозможнымъ предоставить въ наше пользованіе ни одного изъ помѣщепій, отведенныхъ кадетамъ. Самое оставленіе насъ въ карцеръ было признано неудобнымъ—и насъ отвели въ одинъ изъ дальнихъ корпусныхъ флигелей, гдѣ въ наше временное пользованіе были предоставлены три большія комнаты нижняго этажа.

Мебели здѣсь рѣшительно никакой не было, но къ ночи солдаты притащили сюда нѣсколько старыхъ, отслужившихъ срокъ матрацовъ и старый же, черный, изрѣванный ножичками, небольшой столъ.

Оглядѣвшись въ своемъ новомъ жильѣ, мы тотчасъ же сдѣлали дальнѣйшую рекогносцировку и открыли, что находимся въ помѣщеніи совершенно изолированномъ и притомъ безъ всякаго контроля.

Это открытіе необыкновенно насъ обрадовало. Мы почувствовали себя на свободѣ, заиграли: «Цыгане вольною толпой по Бессарабіи кочуютъ», потомъ собственными руками разложили матрацы рядомъ по полу и, улегшись на нихъ въ покатку, какъ попало, уснули крѣчайшимъ, сладчайшимъ и безмятежнѣйшимъ сномъ. Утромъ, когда мы еще спали, пришелъ къ намъ офицеръ съ извѣстіемъ, что мы будемъ пользоваться здѣшнимъ пріютомъ до тѣхъ поръ, пока начальство справитъ намъ штатское платье и устроитъ нашу разсылку къ родителямъ. Для послѣдняго распоряженія отъ насъ были потребованы свѣдѣнія о томъ, куда кто можетъ ѣхать, — и мы были расписаны группами по трактамъ.

Тутъ я впервые задумался надъ тѣмъ: куда я приѣду? Матушка, которой я очень давно не видалъ, жила въ Лифляндіи на маленькой мызѣ, оставшейся ей и теткамъ послѣ продажи ихъ имѣнія за отцовъ долгъ. Я началъ размышлять: какова можетъ быть жизнь моей матери въ этомъ положеніи и какъ ее должно поразить мое появленіе? Разсуждая обо всемъ этомъ, я тихонько сплакнулъ и написалъ матушкѣ всю горькую правду о достигшей меня участи. Я утѣшалъ ее, что сдѣлаю для нея жить и безъ усталы работы, но овладѣвшее мною при этомъ смущеніе еще болѣе усиливалось; я вспомнилъ, что я ровно ничего не умѣю тѣшать и въ шестнадцать лѣтъ ѣду къ матери не для облегченія ея участи, а скорѣе для усиленія ея заботъ.

— Я ничему полезному не выучился—и даже въ гусары не пожуе,—размышлять я съ ужасомъ, припоминалъ себѣ отцовы слова. Я видѣлъ, что роковое предчувствіе его надо мною уже начинается сбываться, что я, дѣйствительно, того и гряди, буду фантазёромъ и ничего путнаго въ моей жизни не сдѣлаю.

Но къ значительному облегченію, или, по крайней мѣрѣ, къ отсрочкѣ моихъ скорбей, я не могъ долго держать нити моихъ печальныхъ размышленій: жизнь, которую вели мы въ нашемъ карантинѣ, тому не благопріятствовала.

Насъ, изгнанниковъ, было около сорока человекъ, изъ которыхъ кое у кого нашлись маленькія деньжонки, маленькія разумѣется по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, но по-тогдашнему весьма достаточныя для того, чтобы ходить въ верхнія мѣста театровъ и покупать сообща другія недорогія удовольствія. Въ числѣ послѣднихъ было вино, которое солдаты безпреступно приносили намъ въ нашу казарму. Многимъ вино было еще не по вкусу, и нашлось между нами не мало такихъ, которые и вовсе не могли его пить, но положеніе дѣлъ было таково, что стало нужно пріучаться. Непитущихъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, прозвали «дѣвчонками»,—и за то тѣ, которые не хотѣли быть дѣвчонками, отличались, напиваясь до того, что мы перѣдко должны были отливать ихъ водою.

Межь тѣмъ штатское обмундированье для насъ было готово и на завтра былъ назначенъ разѣздъ буйной компаніи (она стала теперь достойна этого названія). Интересуясь способомъ нашей разсылки, мы узнали, что начальство подрядило нѣсколько «протяжныхъ троечниковъ», распредѣливъ ихъ по трактамъ на большіе города, куда лежалъ путь разсортированнымъ на трактовые пункты пассажирамъ. Пользуясь полною свободою ходить куда хотимъ, мы, разумѣется, сейчасъ же отправились на указанный намъ постоянный дворъ, который былъ гдѣ-то въ Гончарной улицѣ, — и тамъ, подъ темными навѣсами сараевъ этого двора, мы дружески-иззнакомились съ извозчиками, съ которыми должны были ѣхать.

Тутъ я долженъ сказать, что я, къ величайшему моему удовольствію, освободился отъ лифляндской группы, въ которую былъ сначала записанъ, — и переписался въ группу кievскую, потому что матушка, въ отвѣтъ на мое письмо

объ исключеніи меня изъ корпуса, увѣдомила меня, что мнѣ въ Лифляндію ѣхать не за чѣмъ, потому что тамъ она не надѣется найти для меня никакого дѣла, а что она немедленно же пользуется удобнымъ случаемъ переѣхать въ Кіевъ, гдѣ одинъ родственникъ моего отца занималъ тогда довольно видную штатскую должность — и мать надѣялась, что онъ не откажется дать мнѣ какое-нибудь мѣсто по гражданской службѣ.

Это было для меня чрезвычайно радостное извѣстіе; во-первыхъ, я перестала завидовать нашимъ товарищамъ, которые ѣхали въ славянскомъ собратствѣ, между тѣмъ какъ я должна была тинуться съ нѣмцами; потомъ, вмѣсто мизной мазанки въ сѣрой Лифляндіи, я стремился къ «червонной украинѣ», подъ тѣнь ея тополей и черешень, къ ея барвинкамъ, къ Днѣпру, къ святынямъ Кіева, подъ сводъ пещеръ, гдѣ опочили Антоній, Несторъ и Никола князь, сбросившій вѣнецъ и въ рубищѣ стоявшій у воротъ Печерской лавры....

О Боже, какимъ неописаннымъ восторгомъ была полна душа моя при одной мысли, что я все это увижу! Я потерялъ всякое самообладаніе — и, точно оныягѣвъ отъ восторга, почти не обращалъ вниманія на все, что вокругъ меня происходило. Помню только, какъ мы съ участливостью осматривали большія, крытыя троечныя телѣги, въ которыхъ намъ надлежало ѣхать; садились въ нихъ, вылѣзали и снова садились; дѣлили между собою мѣста; осматривали лошадей, цѣнили ихъ, опредѣляли ихъ достоинство, силу и характеръ; потомъ отправились съ своими будущими возницами въ какой-то грязненькій трактиръ, гдѣ пили чай и водку. На этотъ разъ насъ угощали мужики, и мы всѣ пили, — даже тѣ, кто никогда не бралъ въ ротъ капли вина, должны были выпить по двѣ или по три полурюмки сладкой водки.

Черезъ часъ мы всѣ были пьяны, и не знавшие что съ нами дѣлать мужики запрягли парюю одну изъ своихъ крытыхъ телѣгъ, унаковали насъ туда какъ умѣли и отвезли въ корпусъ.

Мы этому нисколько не противились; мы уже освоились съ своимъ безначальнымъ положеніемъ и привыкли считать себя полными казаками, надъ которыми есть Старшего. А потому насъ нисколько не пугала мысль, что мы являемъ

въ корпусъ въ такомъ развращенномъ и омерзительномъ видѣ. Мы ѣхали, расиѣвая военные пѣсни, дрянные романсы, обнимались, барахтались, кривлялись, дѣлали ручки проезжавшимъ дамамъ и вообще вели себя какъ настоящіе пьяницы. Дома солдаты насъ едва уложили, а утромъ едва добудились. На дворѣ уже стояли, погромыхивая тяжелыми бубенцами, толстоногія тройки съ расписными дугами, и въ комнату къ намъ полозъ ѣдкій дымокъ тютюну, который курили ожидавшіе насъ у дверей извозчики.

Сердце ёкнуло: наше пришло до насъ.

— Господи, что-то будетъ?

Солдаты начали выносить наши пожитки и размѣщать ихъ по телегамъ, кто къ которой былъ расписанъ. Шумъ, говоръ, бѣготня, движеніе, все это, при моей больной съ похмелья головѣ, представлялось мнѣ какъ волны хаоса.

Пришелъ корпусный батюшка, покропилъ насъ водой; потомъ казначей далъ намъ по двадцати семи рублей пятидесяти копеекъ денегъ на дорогу, и нагруженные нами повозки, съѣхавъ съ казеннаго двора, тяжело застучали по мостовой, медлительно подвигаясь къ пестрымъ бревнамъ заставы.

Впередѣ былъ длинный, очень длинный путь, о которомъ не могутъ составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія люди, доѣзжающіе нынче отъ Петербурга до Кіева въ трое сутокъ и вдобавокъ безъ всякихъ приключеній. Тогда было не то, особенно съ такими солидными путешественниками, каковы были мы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Намъ, по нашимъ расчетамъ, на этотъ переѣздъ требовалось не менѣе мѣсяца, а нашъ извозчикъ утѣшалъ, что, можетъ-быть, потребуется еще и побольше.

Извозчикъ, для ѣдущихъ на протяжныхъ, это совсѣмъ не то, что кондукторъ для нынѣшняго путешественника, несущагося по желѣзной дорогѣ. Съ извозникомъ сѣдоки непременно сближались и даже сживались, потому что протяжная путина — это часть жизни, въ которой люди дѣлили вмѣстѣ и горе, и радость, и опасности, и всѣ его досады. «Вмѣстѣ мокли и всѣ сохли», какъ выражается извозный людъ. Нашъ извозчикъ, отпавленный везти молодыхъ господчиковъ по кіевскому тракту, былъ небольшой, но очень крѣпкій, коренастый мужикъ изъ повгородской

губерніи. Звали его Кирилль. Онъ былъ раскольникъ, но, вѣроятно, очень плохой, потому что и пилъ, и курилъ, и самъ себя называлъ «попорченнымъ»; но онъ былъ очень веселый и, казалось, добрый малый, отъ сообщества котораго мы пророчили себѣ дорогой не мало удовольствій. Они тотчасъ и начались. Выѣхавъ съ нами изъ Петербурга за московскую рогатку, Кирилль остановилъ у какого-то домника лошадей и объявилъ, что здѣсь живетъ его пріятель Иванъ Ивановичъ Елкинъ, къ которому, если не захватъ и ему какъ слѣдуетъ не поклониться, то намъ въ дорогѣ не будетъ никакой спорыньи.

Мы не прекословили и зашли: это былъ кабакъ, въ которомъ, разумѣется, никакого Ивана Ивановича не было, а сидѣлъ простой цѣловальникъ. Здѣсь мы, по настоянію Кирилы, всё выпили: кто могъ—водки; а кто не могъ пить водки, тотъ пилъ пиво или медъ.

Совершивъ такое возліяніе путевому божеству, всё мы охмѣлили, и, ѣдучи, сначала пѣли свои военныя пѣсни и романсы, а потомъ заснули.

Насъ въ повозкѣ помѣщалось восемь человѣкъ, но какъ мы были всё люди небольшие и покладливые, а къ тому же и пожитками необремененные, то особаго стѣсненія не чувствовали. Но, несмотря на то, что мы соблюдали обычай, указанный намъ Кирилою, и, войдя къ Ивану Ивановичу Елкину, совершили въ честь его возліяніе, путь нашъ не спорился: мы ѣхали, разумѣется, шагомъ, дѣлая не болѣе пятидесяти верстъ въ день, съ передневками черезъ два дня въ третій. Это всякому должно бы показаться чрезвычайно утомительнымъ и скучнымъ, но насъ все занимало: и новые люди, и новыя мѣста,—и мы не погоняли нашего возницу, а добивались только одного, чтобы передповки приходились въ городахъ или по крайней мѣрѣ въ хорошихъ мѣстахъ, которые мы осматривали, кунались и спали. — Къ Иванамъ Ивановичамъ Елкинымъ, которыхъ по дорогѣ было чрезвычайно много и которые всё оказывались добрыми пріятелями Кирилла, мы уже болѣе не заходили—потому ли, что многимъ изъ насъ пришлось дорогою порядочно переболѣть, послѣ петербургскихъ оргій, или потому, что на насъ очень хорошо дѣйствовала природа и новость мѣста и людей, которыхъ мы «изучали» съ отъиною охотою и внимательностью.

Кирилль, который любилъ выпить, но считалъ неумѣстнымъ дѣлать это на свои деньги, покрѣпившись два и види, что изъ насъ ему пѣтъ сотоварищей и хлѣбосо-ловъ, поднялся на штуку: онъ отдѣлилъ у себя на козлахъ такъ-называемую «бесѣдочку», въ которую постоянно при-саживалъ кого-нибудь изъ прохожихъ, и выручаемыя этимъ путемъ деньги считалъ позволительнымъ вручать Ивану Ивановичу Елкину. Пассажировъ этихъ онъ набиралъ вездѣ: по дорогѣ и на почлегахъ по постояннымъ дворамъ, откуда мы обыкновенно съѣзжали чрезвычайно рано. Чтобы не тревожиться утромъ, а также чтобы не платить особыхъ денегъ за ночлегъ, мы все спали въ повозкѣ, — и Кирилль, съѣзжая со двора, не будилъ насъ; а обѣденный покормъ, длившійся часа четыре, мы нерѣдко держали у дороги на лѣсныхъ опушкахъ, или гдѣ-нибудь надъ рѣкою, въ кото-рой непременно купались и иногда по нѣсколько разъ въ самое короткое время.

Сколько-нибудь замѣчательныхъ происшествій съ нами никакныхъ не происходило, но только во всехъ въ насъ въ теченіе немногихъ дней, проведенныхъ въ пути, какъ-то смѣтѣ и рѣче начала обозначаться наша индивидуальная разность. Въ корпусѣ мы все въ общихъ чертахъ харак-тера и взглядовъ походили другъ на друга, — все мы были *кадеты*; а теперь, хотя мы оставались въ своей же одно-кошачьей компаніи, въ насъ обозначались будущіе фаты, цеголи, которые будутъ пускаться ниль въ безпокойномъ вдаль-засматривающимъ воображеніи. Вскорѣ эта разновидность обнаружилась въ весьма осязательной для насъ формѣ.

Въ Твери игать нашъ долженъ былъ уменьшиться. Здѣсь намъ надлежало высадить одного товарища, по фамиліи Волосагина, отецъ котораго служилъ предѣвателемъ какой-то изъ тверскихъ палатъ.

По этому случаю мы сдѣлали въ Твери дневку — и вы-саженный здѣсь товарищъ нашъ пріѣхалъ къ намъ на по-стояный дворъ въ дрожкахъ, запряженныхъ паровъ лоша-дей, и пригласилъ насъ всехъ отъ имени своего отца на вечеръ.

Этотъ товарищъ былъ изъ тѣхъ, которые подавали на-дежду сдѣлаться цеголями и франтами, — и два часа вре-мени, проведенныя имъ въ разлукѣ съ нами въ домѣ сво-

его отца, безмѣрно подвинули въ немъ впередъ эту наклонность. Онъ звалъ насъ привѣтливо, но съ замѣтною побрежностью, и говорилъ съ нами не слѣзая съ дрожекъ, на которыхъ сидѣлъ въ щеголеватомъ новомъ платьѣ, съ тросточкою въ рукахъ, — тогда какъ мы толпились вокругъ него въ запыленные и въ истасканныхъ дорожныхъ курткахъ.

Онъ наслаждался своимъ превосходствомъ и безъ церемоніи сказалъ намъ:

— Только, приглашая васъ къ себѣ въ домъ, я надѣюсь, что вы понимаете, что вамъ надо будетъ привести себя въ порядокъ и хорошенько пріодѣться, а не валить толпою какъ попало; у насъ будутъ гости и будутъ танцовать: вотъ я для этого даже сейчасъ и ѣду купить себѣ и сестрѣ перчатки. Совѣтую вамъ, кто хочетъ танцовать, тоже заготовиться хорошими перчатками, — иначе нельзя.

— Боже мой! какъ это хорошо: будутъ танцовать!

— И у него есть сестра!

— Да одна ли сестра — вѣрно будетъ и еще много дамъ! — воскликнули разомъ нѣсколько голосовъ послѣ того, какъ товарищъ покатишь, обдавъ насъ цѣлымъ облакомъ пыли, — и всѣ мы кинулись къ своимъ узелкамъ, въ которыхъ были увязаны наши штатскіе гардеробы, построенный военнымъ портнымъ.

Восторгъ былъ всеобщій, но непродолжительный, потому что одинъ изъ товарищей, имѣвшій въ задаткъ червя самолюбія, объявилъ, что онъ не пойдетъ, потому что Волосатинъ приглашалъ насъ очень обиднымъ тономъ.

Тонъ! мы, недавніе безцеремонные товарищи, вырывавшіе недавно изъ рукъ другъ у друга кусокъ пирога или булки и не стыдившіеся выпрашивать одинъ у другого самыхъ ничтожныхъ мелочей, — уже теперь разбирали *тонъ!* Да и какъ еще разбирали? хоть бы какому записному дипломату или свѣтскому критику.

Вотъ свѣтъ! вотъ его первое пантіе, неизвѣстно откуда забравшееся въ наду телѣгу, и тутъ же рядомъ несостоятельность его законовъ передъ шопотомъ жгучихъ слѣзъ доброй молодости.

— Да, — заговорили мы: — мы всѣ согласны; Волосатинъ скотипка: онъ очень форситъ, обидѣлъ насъ, но все-таки онъ нашъ товарищъ и мы душно сдѣлаемъ, если пренебро-

жемъ его приглашеніемъ. Онъ одинъ виноватъ; а мы, если не пойдёмъ, — мы покажемъ, что и мы сами невѣжи и не знаемъ какъ должно свѣтскихъ приличій. Принявъ приглашеніе, надо идти.

— Мы оскорбимъ его отца, который насъ звать и который, можетъ-быть, очень заслуженный человѣкъ.

— Какой чортъ «заслуженный»! просто какой-нибудь приказный.

— Но мы теперь и сами пр.... То-есть мы всё теперь статеіе, — отвѣчали мы со вздохомъ.

— И наконецъ, онъ говорилъ, тамъ есть у него сестра, а развѣ можно оказать невѣжливость женщицѣ.

Эта «сестра», мнѣ кажется, очень много значила для всѣхъ насъ: всѣмъ намъ было пріятно называть молодое женское лицо.... стѣнки не устояли. Мы рѣшили перчатокъ не покушать, потому что такой экстренный расходъ быть намъ не по карману, — но, принарядясь въ свои сюртуки, отправились въ качествѣ нетанцующихъ на вечеръ, который для меня имѣлъ очень серьезное значеніе съ довольно непріятными послѣдствіями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Къ немалой нашей досадѣ выходило, что всё мы довольно поотвыкли отъ женскаго общества, которое видѣли еще дѣтьми и въ которое совсѣмъ не умѣли вступить теперь, находясь въ своей страшной неопредѣленной порѣ и въ своемъ неопредѣленномъ положеніи «нетанцующихъ кавалеровъ».

Самый первый шагъ вступленія въ освѣщенный залъ пугалъ и сбивалъ всё наши свѣтскія соображенія, а къ тому же мы никого не знали въ томъ домѣ, куда намъ предстояло предстать, и вдобавокъ насъ некому было откомендовать и представить.

Положеніе было трудное, и оно еще усложнилось тѣмъ, что когда мы явились въ домъ—до нашего слуха долетѣли звуки вальса и сквозь неплотно-притворенныя двери передней, гдѣ мы стояли, ожидая Волосатица, видны были мелькающія нары.

Волосатицъ, за которымъ мы послали человѣка, не выходилъ къ намъ и его невозможно было ждать, потому что, по словамъ лакея, онъ танцовалъ, — невозможно было и

стоять безъ толку и движенія въ передней, тѣмъ болѣе что какой-то пожилой господинъ, котораго мы всѣ приняли за хозяина, проходя черезъ переднюю въ залъ, пригласилъ насъ войти и, взоидя самъ впереди насъ, поцѣловалъ руки двухъ дамъ, сидѣвшихъ ближе ко входу.

Мы длиною вереницею вступили за нимъ и, слѣдуя во всемъ его примѣру, начали по очереди подходить къ ручкамъ всѣхъ дамъ. Неумѣстный пріемъ этотъ, которымъ мы по неопытности своей подражали взонеднему передъ нами другу дома, обратилъ на насъ всеобщее вниманіе, — и я, шедшій впереди лобызавщей руки шеренги, вида смущеніе дѣвицъ и насмѣшки мужчинъ, не звалъ, какъ мнѣ остановиться и куда вести за собой свой гусѣкъ. Я желалъ бы быть лучше поглощеннымъ землею, какъ вдругъ, приклонясь къ рукѣ одной молодой, блѣдной блондинки съ добрыми голубыми глазами, я почувствовалъ, что рука ея, ускользнувъ отъ моихъ губъ, легла на мое плечо, и сама она добрымъ дружескимъ шопотомъ проговорила мнѣ:

Давайте лучше вальсировать!

Я подхватилъ ее — и сначала неловко, а потомъ съ достаточною смѣлостію сдѣлалъ съ нею туръ и посадилъ ее на мѣсто.

Въ этой умѣренности мною, по счастію, руководило правило, по которому намъ на балахъ запрещалось дѣлать съ дамами болѣе одного тура вальса, — и то изо всей нашей компаніи зналъ это правило одинъ я, такъ какъ на кадетскихъ балахъ для танцевъ съ дамами отбирались лучшіе танцоры, въ числѣ которыхъ я всегда былъ первымъ. А не знай я этого, я, вѣроятно, закружился бы до новаго непріличія, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока моя дама сама бы меня оставила.

Но по счастію опытность спасла меня, а моему примѣру послѣдовали и другіе мои товарищи, которыхъ я увидѣлъ вальсирующими, когда опустил свою даму.

— Сядьте возлѣ меня, — пригласила меня моя дама.

Я млѣлъ: она мнѣ казалась прекрасною и такою доброю, что я ее уже безповоротно полюбилъ.

— Мой братъ говорилъ мнѣ, что вамъ далеко еще ѣхать... — начала она.

Ея братъ! Великій Боже! это *она* и есть, она, сама она, его сестра! О вы, души моей предчувствія, сбылись: не-

даромъ меня влекло сюда; недаромъ... итъ, недаромъ: я былъ влюбленъ и притомъ не только безповоротно, но и смертельно влюбленъ!

Я только хотѣлъ бы знать ея имя и... хотя приблизительно: на сколько лѣтъ она меня старше?

Желанія мои сбылись: ко мнѣ подошелъ нашъ блестящій товарищъ Викторъ Волосатинъ — и, отведи меня въ уголокъ, гдѣ были сбиты въ кучу все прочіе товарищи моего бѣдствія, сказалъ:

— Надо же быть такимъ пошлымъ дуракомъ, какъ ты, чтобы, войдя въ залъ, начать прикладываться къ ручкамъ всѣхъ дамъ, и потомъ еще вальсировать въ три ша и безъ перчатокъ... Это можно въ корнсетъ, но въ свѣтъ такъ не поступають.

Я, было, привелъ въ свое оправданіе примѣръ взоседшаго передо мною старичка, но Волосатинъ еще разъ назвалъ меня дуракомъ и растолковалъ, что тотъ старичокъ — его дядя, который держитъ себя здѣсь по-родственному, между тѣмъ какъ я...

Ну да, я и самъ зналъ, что сдѣлалъ ужасный и непростительный поступокъ и достоинъ за то всякой кары, а потому и не возражалъ и не обижался дружескимъ разговоромъ, тѣмъ болѣе, что все это была такая мелочь въ сравненіи съ любовью, которою я пламенилъ къ его прекрасной и доброй сестрѣ, которая (это, впрочемъ, очень большой секретъ) *сама атажировала меня на мазурку*.

Отъ этой радости я просто былъ какъ въ чадѣ и цѣлый вечеръ ни съ кѣмъ не танцевалъ ни одного танца, а все смотрѣлъ изъ-за мужчинъ *на нее*. И что же вы думаете? — она меня понимала: она тоже не танцевала и отказывала всѣмъ, кто къ ней подходилъ. Это было мнѣ очень приятно, и вѣрное сердце мое слало ей тысячу благословеній. Не сводя съ нея глазъ, я все находилъ ее прекраснѣе и прекраснѣе, и она, въ самомъ дѣлѣ, была недурна: у нея были предестынные бѣлокурые волосы, очень-очень доброе лицо и большіе тоже добрые, ласковые сѣрые глаза, чудная шея и высокая, стройная фигура, а я съ дѣтства моего страстно любилъ женщинъ высокаго роста, чему, вѣроятно, не мало обязать стройной фигурѣ А. Пауль Монти, изображеніе которой висѣло на стѣнѣ въ моей дѣтской комнатѣ и дѣйствовало на развитіе моего эстетическаго вкуса. — Къ тому

же, сестра Волосатина мнѣ правилась своимъ поведеніемъ: она не вертѣлась, какъ всѣ дѣвицы, а все болѣе сдѣла со старушками и добродушно спосила тормошеви безирестанно подбѣгавшей къ ней кучерявой брюнетки, къ которой нѣсколько изъ моихъ товарищей относились съ ангажементомъ и получали отказъ. Эта кичливая и вѣтрепая особа все танцовала съ франтами, которые, по моему мнѣнію, не имѣли ровно никакихъ достоинствъ.

Вечеръ прошелъ — и моя блондинка сама отыскала меня глазами и сама выбрала для насъ скромное мѣсто, устроивъ предварительно нѣсколько паръ для моихъ товарищей, у которыхъ, все-таки, не оказалось ни одной такой красивой дамы, какъ моя, а что всего важнѣе: я не думаю, чтобы чья-нибудь другая дама умѣла вести такой оживленный разговоръ. Она все время мазурки проговорила со мною про корпусъ, интересовалась нашею исторіею, нашею прошлою жизнью и, наконецъ, заговоривъ о моихъ планахъ на будущее, сказала, что мнѣ еще необходимо много учиться.

Это меня немножечко обидѣло, но у меня былъ готовъ отвѣтъ, что условіемъ исключенія насъ изъ корпуса было воспрещеніе намъ поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія и обязательство вступить немедленно въ статскую службу. Но у нея тоже не стояло дѣло за отвѣтомъ.

— Учиться вездѣ можно, — отвѣчала она: — даже и въ тюрьмѣ, и на службѣ — и учиться непременно должно не для правъ и не для чиновъ, а для самого себя, для своего собственнаго развитія. Пониманіе есть высочайшее благо.

Мнѣ помнится, что я подъ конецъ мазурки далъ ей слово, что буду учиться и именно такъ, какъ она мнѣ внушала, т. е. не для получения привилегій и правъ, а *для себя*, для своего собственнаго усовершенствованія и развитія.

Страшная, прекрасная и непонятная женщина, мелькнувшая въ моей жизни какъ мимолетное видѣніе, а между тѣмъ мимоходомъ бросившая въ душу мнѣ свѣтлыя сѣмена: какъ много я тебѣ обязанъ и какъ часто я вспоминалъ тебя — предтечу всѣхъ моихъ грядущихъ увлеченій, — тебя, единственную изъ женщинъ, которую я любилъ и не страдалъ, и не каялся за эту любовь! О, если бы ты знала, какъ ты была мнѣ дорога, не тогда, когда я былъ въ тебѣ

влюбленъ моею мальчишеской любовью, а когда и зрѣлымъ мужемъ глядѣлъ на женщину хваленнаго, позднѣйшаго времени и... съ болѣзненной грустью видѣлъ полное исчезновеніе въ новой женщинѣ высокихъ воспитывающихъ молодого мужчину инстинктовъ и влеченій, — исчезновеніе, которое восполнять развѣ *повышія* женщины. выступающія послѣ отшедшихъ новыхъ.

Возвратясь съ вечера, который памъ показался прекраснымъ баломъ, я во всю остальную ночь не могъ заснуть отъ любви, и утро застало меня сидящимъ у окна и мечтающимъ о ней. Я обдумывалъ планъ, какъ я стану учиться безъ помощи учителей, сдѣлаюсь очень образованнымъ человѣкомъ и явлюсь къ ней вполне достойный ея вниманія. А пока... пока я хотѣлъ ей написать объ этомъ, такъ какъ я былъ твердо увѣренъ, что одна подобная рѣшимость съ моей стороны непременно должна быть ей очень пріятна.

Но Кирилль уже запрягалъ своихъ лошадей—и товарищи встали и начали пить чай и собираться въ путь. Письмо надлежало отложить.

Мы съѣли—и я уѣзжалъ безъ малѣйшей надежды узнать даже имя своей дамы, какъ вдругъ недалеко около заставы насъ обогналъ Волосатинъ. Онъ ѣхалъ съ мальчикомъ купаться и везъ передъ собою на бѣговыхъ дрожкахъ закрытую салфеткою корзину.

— Эй, вы, путешественники!—крикнулъ онъ намъ:—вотъ моя старшая сестра шлетъ вамъ пироговъ, ватрушекъ и фруктовъ. Подѣлитесь, да не подеритесь, потому что она любитъ миръ и любовь. А тебѣ, Праотцевъ, она, кромѣ того, посылаетъ вотъ эту какую-то книжницу: это, вѣроятно, за твою добродѣтель, что ты вчера съ нею отъ души отплясывалъ.

Я взялъ съ благоговѣніемъ поданную мнѣ имъ, замечательную въ бумагу, книжечку, но былъ оскорбленъ тономъ, какимъ онъ говорилъ о сестрѣ.

Я даже не удержался и поставилъ ему это на видъ, но онъ нагло расхохотался и отвѣчалъ:

— Да ты ужъ не влюбленъ ли въ Аню? а? Сознавайся-ка, братъ, сознавайся! Вѣдь это съ вами, философами, бываетъ, но только жаль, что сестрѣ скоро тридцать лѣтъ, а тебѣ шестнадцать.

Тридцать!—подумалъ я:—это немножко неприятно!»

А Волосатинъ продолжалъ хвастать своею другою сестрою Юленькой, той самой кучерявой брюнеточкой, которая вчера безпрестанно подлетала къ старшей сестрѣ и тормозила ее,—и затѣмъ онъ уѣхалъ, рассказавъ предварительно, что эта хваленая его сестра выходитъ замужъ за адъютанта и что онъ самъ, вѣроятно, когда-нибудь женится на красавицѣ.

Кто-то изъ насъ шутилъ назвался къ нему па свадьбу.

Позови, моль, насъ, когда будешь жениться.

Но Волосатинъ въ отвѣтъ на это съ оскорбительною практичностью замѣтилъ, что это будетъ видно, смотря по тому, кто изъ насъ какъ сумѣетъ себя устроить въ обществѣ.

Ему казалось, что онъ себя уже отлично устроилъ, и товарищи, вслѣдъ ему, назвали его «отвратительнымъ фатинкою»,—но мнѣ до этого не было никакого дѣла, потому что я былъ влюбленъ и желалъ обращаться въ сферахъ по преимуществу близкихъ къ предмету моей любви. Я быстро распаковалъ привезенную Волосатинымъ корзину и старался какъ, можно болѣе съѣсть присланныхъ его сестрою широговъ чтобы они не доставались другимъ, а между этимъ занятіемъ распечаталъ подаренную ею мнѣ книгу: это былъ романъ Гольдсмита—«Векфильдскій священникъ».

Я въ первый разъ имѣлъ въ рукахъ это сочиненіе и прочелъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, сократившимъ для меня время путешествія до Москвы.

Въ Москвѣ насъ ждалъ маленькій сюрпризъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отказались заходить съ своимъ Кирилломъ къ Ивану Ивановичу Елкину, возникъ нашъ значительно къ намъ охладѣлъ и даже сдѣлался нѣсколько сухъ и суровъ, изъ чего мы дерзнули заключить, что этотъ добрый человекъ не столько добръ, сколько лукавъ и лицемеренъ. По ему самому мы ничѣмъ не обнаруживали нашего открытія, потому что все мы, несмотря на военное воспитаніе, кажется, его порядкомъ побаивались. Въ Москвѣ же онъ насъ нанугалъ и довольно сильно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Такъ какъ мы сами себя мѣстъ для остановокъ не выбирали, а подчинялись въ этомъ опытности и произволу Кирилла, то и въ Москвѣ намъ пришлось пристать тамъ,

гдѣ ошъ хотѣлъ. Здѣсь намъ послужилъ приставникомъ простой постоялый дворъ, гдѣ-то у Рогожской заставы. Намъ, впрочемъ, это было все равно, потому что помещениемъ для насъ, какъ я выше сказалъ, во всю дорогу служила повозка, а разстоянія для насъ тогда не существовали, да и притомъ для насъ въ Москвѣ всякое мѣсто было свято и интересно. При одной мысли, что мы «въ Москвѣ», ни у одного изъ насъ не было другого намѣренія, какъ бѣжать, смотрѣть, восторгаться и надать нищъ (безъ всякаго преувеличенія, мы непременно хотѣли хоть нѣсколько разъ *унасть нищъ*, но намъ удалось сдѣлать это только въ соборахъ, потому что на площадяхъ и на улицахъ такое желаніе оказывалось совершенно неудобноисполнимымъ). Путешествовали мы по Москвѣ по образу пѣшаго хожденія и вообще очень экономничали, такъ какъ видѣли впереди еще очень большой путь, а денегъ у насъ было мало; какова же была наша досада, когда въ Москвѣ намъ пришлось прожить вмѣсто одного два цѣлые четыре, потому что нашъ Кирилль съ перваго же вечера пропалъ, и пропалъ равнымъ-ровнехонько четверо сутокъ! Мы сами поили и кормили его лошадей и нетерпѣливо поджидали его по цѣлымъ днямъ, сидя за воротами на опрокинутой колодѣ, но Кирилль какъ въ воду канулъ. Въ отчаяніи отъ того, что съ нами будетъ, такъ какъ деньги казна отдала Кирилль и никто другой насъ до Кіева не повезетъ, мы жестоко приуныли. Самая Москва потеряла для насъ свою цѣну: всѣ наши обозрѣнія ограничились побѣгушками перваго дня, и затѣмъ мы не осмотрѣли великаго множества мѣстъ, къ которымъ влекли насъ прочитанные въ корпусѣ романы Лажечникова, Мосальскаго и Загоскина. Всѣ мы страшно упали духомъ, а нѣкоторые изъ насъ даже малодушно плакали, и тѣмъ наводили на другихъ еще большее уныніе, дошедшее наконецъ до всеобщаго отчаянія и страха. Къ кому мы ни обращались за свѣдѣніями о своемъ возницѣ, все это было напрасно: никто не давалъ намъ никакого опредѣлительнаго отвѣта; но, наконецъ, какой-то извозчикъ скалился и сообщалъ намъ, требовавъ съ насъ рубль за открытіе томившей насъ тайны, что Кирилль водить по Москвѣ медвѣдя.

Эта невѣроятная новость насъ обрадовала, и встревожила, и огорчила: какъ-до это не стыдно Кириллу, человеку столь обстоятельному и старовѣру, позабыть свое дѣло и предаться

такому пустому шарлатанскому запитію, какъ вожденіе медвѣди?

— Онъ можетъ погибнуть,—предполагали мы и съ минуты на минуту ожидали, что кто-нибудь привезетъ на дворъ и броситъ его несчастный трупъ, растерзанный медвѣдемъ.

Но, наконецъ, къ ночи четвертаго дня Кирилль явился — мрачный и тяжелый, но живой, хотя, впрочемъ, съ несомнѣнными знаками только-что перенесенной тягостной борьбы съ медвѣдемъ: армякъ и рубанка на одномъ плечѣ у него были прорваны насквозь и сквозь прорѣху видѣлось голое тѣло съ страшнымъ синякомъ, лицо возлѣ носа было расцарапано и покрыто черными струпами, а на шеѣ подъ лѣвымъ ухомъ въ складкахъ кожи чернѣла засохшая кровь.

Взглянувъ на него, мы не стали укорять его и только полюбознѣствовали: правда ли, что онъ все это время водилъ медвѣдя?

— Водилъ, чтобъ его проклятаго чортъ ободралъ! — отвѣчать Кирилла и, уткнувшись лицомъ въ сѣно, захрапѣлъ.

Мы тоже не стали его ни о чемъ болѣе разспрашивать и поскорѣе улеглись спать въ своей повозкѣ, а утромъ были пробуждены зычнымъ крикомъ, который раздавался изъ хозяйскихъ комнатъ. Въ этомъ крикѣ среди многихъ другихъ голосовъ мы могли различать и голосъ нашего Кирилла.

— Не водить было тебѣ, подлецъ, медвѣдя! не молоденькій ты, чтобы баловствами заниматься! — выкрикать хозяйниъ.

— Что дѣлать: Господь попустилъ! — отвѣчалъ Кирилла.

— Такъ вотъ за то теперь и оставь намъ на прокормленіе притяжную.

— Помилуй! — просилъ Кирилль: — мнѣ безъ третьей лошади все равно, что пропастъ!

— Ничего; пусть тебя палачъ плетью помидуетъ, а ты оставяи притяжную да и все тутъ: я ужъ два года на тебѣ сорокъ рублей жду, а ты всякій разъ какъ прѣдешь — онять за свою привычку: по Москвѣ медвѣди водить! Итъ; иди, иди, запрягай нару, а лѣвую оставь; не велики твои господчики — парой ихъ довезешь.

Кирилль жалостно просилъ поцады и клялся, что ему парой насъ не довести, потому что ближе къ Кіеву пойдуть большіе нески, и парой ни за что телѣгу не выведешь; но дворникъ былъ неумолимъ и настаивалъ на томъ, чтобы третью лошадь оставить ему: мы-де сю тутъ твоего медвѣдя покормимъ.

Все это насъ ужасно смутило: намъ представлялось и жалостное наше путешествіе на несчастной парѣ вмѣсто тройки, и потомъ намъ чрезвычайно жалко было обреченной на съѣденіе медвѣдю лошади, такъ какъ мы уже успѣли сильно сдружиться съ Кирилиными конями — и особенно лѣвымъ буланымъ мериномъ, у котораго былъ пресвѣтлый нравъ, дозволявшій ему со всѣхъ, кто къ нему подходилъ, срывать шапки, и толстая широкая спина, на которой мы по очереди сживали въ то время, когда буланый ѣлъ на покормѣхъ подь сараями свой овесъ.

Межь тѣмъ какъ мы волновались подобными чувствами — до нашего слуха долетѣли другіе голоса, касавшіеся уже непосредственно насъ самихъ: кто-то давалъ Кирилѣ мысль прижать насъ и потребовать отъ насъ доплаты къ суммѣ, слѣдовавшей ему за нашу провозъ; но Кирилль энергически противъ этого протестовалъ и наотрѣзъ отказался насъ беспокоить, объявивъ, что онъ всю плату получилъ сполна и что это дѣло казенное — и онъ «мошенства» ни за что сдѣлать не хочетъ, а скорѣе пойдетъ куда-то къ начальству и скажетъ: такъ и такъ и т. д.

Мы далѣе не вслушивались — и тронутые благородствомъ Кирилы, рѣшились скорѣе выручить его необходимою суммою, для чего съ каждаго изъ насъ семерыхъ нужно было около шести рублей ассигнаціями. Мы уже развязали свои мѣшочки и складовали эту значительную по нашимъ средствамъ сумму, какъ вдругъ она оказалась вовсе ненужною, потому что утихшій на мгновеніе крикъ снова раздался съ удвоенной силой, и Кирилль, слетѣвъ съ шумомъ и грохотомъ съ крыльца, проворно схватилъ подь-узды свою уже запряженную тройку и свелъ ее со двора, а потомъ вскочилъ на облучокъ и поѣхалъ рысью.

Считая такую скорую ѣзду дѣломъ совершенно необыкновеннымъ, мы выглянули изъ-подъ рогожъ нашей повозки на своего возницу — и, увидавъ его въ какой-то ажитации, снова поспрыгались.

А, можетъ-быть, дурно дѣлаю, вдаваясь во всѣ мелочи нашего перваго путешествія, но, во-первыхъ, все это мнѣ чрезвычайно мило, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ моихъ юношескихъ воспоминаній, а во-вторыхъ, пока я дѣлалъ это путешествіе, оно, кажется, не знаю почему, дѣлало грунтъ для образованія моего характера, развитіе котораго

связано съ исторією бѣдствій и злочлюченій моеѣ послѣдующей жизни.

Московскій медвѣдь, оставшійся для насъ мудрою загадкой, новидимому, произвелъ весьма сильное впечатлѣніе и на самого Кирилу, который совершенно утратилъ на время свою веселость и, сдѣлавшись чрезвычайно молчаливымъ, все выбиралъ пальцами подлинявшіе у него въ бородѣ волосы. На прорѣхи своего платья и раны своего лица онъ не обращалъ никакого вниманія, несмотря на то, что количество поврежденій на его ликѣ, кажется, нѣсколько усилилось послѣ его объясненій съ московскимъ дворникомъ, отъ котораго онъ спасся какою-то неизвѣстною намъ находчивостью.

Три дня послѣ выѣзда нашего изъ Москвы онъ все спалъ: спалъ на стоянкахъ, спалъ и дорогою — и съ этою цѣлю, для доставленія большаго удобства себѣ, никого не подсаживалъ въ бесѣдку, а лежалъ, растянувшись вдоль обонхъ мѣсть, на передкѣ. Лошадьми же править кто-нибудь изъ насъ, но, впрочемъ, мы это дѣлали болѣе для своего удовольствія, такъ какъ привычные къ своему дѣлу кони сами знали, что имъ было нужно дѣлать, и шли своею мѣрною ходюю.

Въ Тулѣ мы высадили еще одного товарища, а въ Орлѣ двухъ — и остались вчетверомъ, изъ которыхъ одному надлежало остаться въ Глуховѣ, другому въ Ивжинѣ, а мнѣ и нѣкоему поляку Краснопольскому вдвоемъ ѣхать до Кіева. Но, однакоже, не всѣ мы доѣхали до мѣсть своего назначенія: намъ суждено было погубить дорогою своего ивжинскаго товарища, маленькаго Книшпенко. Это — небольшое, но очень трагическое происшествіе, которое чрезвычайно меня поразило, особенно своею краткою простотою и неожиданностію.

Я, конечно, зналъ, что всѣ люди смертны, но я... все-таки думалъ, что такое солидное дѣло, какъ умираніе, должно происходить съ нѣкоторою подготовкою, въ родѣ того какъ было съ отцомъ, апоплексическому удару котораго предшествовалъ нравственный ударъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Тулѣ и Орлѣ мы были безпокойны, какъ бы намъ Кирилль опять не повелъ медвѣдя, такъ какъ онъ намъ

уже рассказали, что это такое значило,— и мы изъ словъ его узнали, что въ вожденіи медвѣди никакой настоящей звѣрь этой породы не участвовалъ, а что это было не что иное, какъ то, что Кирилль, встрѣтясь въ Москвѣ съ своими земляками, такъ сильно зашилъ, что вналь въ потемнѣніе разсудка и не помнитъ, гдѣ ходилъ и что дѣлалъ; пока его кто-то изъ тѣхъ же земляковъ отколотилъ и бросилъ у воротъ постоялаго двора, гдѣ мы его ждали въ такомъ ужасномъ перепугѣ и тоскѣ.

Однако, и въ Тулѣ, и въ Орлѣ Кирилль показать характеръ и удержался, да и впередъ обѣщать быть воздерженъ и даже выражалъ твердое намѣреніе, довести насъ до Кіева, оставить навсегда свой извозничій промыселъ и ѣхать домой, гдѣ у него была жена, которая всегда могла его отъ всякихъ глупостей воздержать. Теперь онъ жилъ въ нѣкоторомъ умиленномъ состояніи и, вздыхая, повторялъ прекрасную пословицу, что «земляной рубль тонокъ да дологъ, а торговый широкъ да коротокъ».

Пословицу эту мы хвалили, но все-таки насъ пугала мысль: не прошилъ ли Кирилль въ Москвѣ всѣ деньги, данныя ему за нашу провозъ—и мы хотѣли узнать: будетъ ли ему съ чѣмъ доставить насъ до Кіева? Много церемониться было не изъ чего—и мы откровенно выразили ему наши опасенія; но Кирилль насъ тотчасъ же благородно успокоилъ и притомъ сдѣлать самому себѣ нѣкоторый комментъ, сказавъ, что онъ водилъ медвѣди, держа разсудокъ въ сумкѣ, и шилъ только на чужой счетъ своихъ земляковъ, а всѣ деньги забилъ въ сапоги подъ стельку,— и потому когда товарищи захотѣли снять съ него и проинтъ тѣ сапоги, то онъ тутъ сейчасъ оцувствовался и вскричалъ караулъ, но сапогъ снять не далъ, а лучше согласился претерпѣть неудовольствіе на самомъ себѣ, что и впоследствии дávalо.

Мы проѣхали всю орловскую губернію, встрѣтили въ Упорѣ у сада графа Гейдена первые тополи—и, налюбовавшись ими, вскорѣ перевалили за широкую балку, посреди которой текъ маленькій ручеекъ, служившій живымъ урочищемъ, составляющимъ границу Великой Россіи съ Малороссією.

Теперь переѣзды этотъ ничего не значить для путешественника, да и онъ совершается совсѣмъ не въ томъ мѣ-

стѣ, гдѣ мы перебирались изъ страны «неба, елей и песку» въ страну украинскихъ черешень. Желѣзная дорога оставила далеко въ бокъ характерную мѣстность тогдашней переправы, получившую очень характерное названіе: «Пьяная балка». Здѣсь на одномъ пологомъ скатѣ была великорусская, совершенно разоренная деревушка съ раскрытыми крышами и покосившимися избами, а на другомъ, немножко болѣе крутомъ и возвышенномъ берегу чистенькій, какъ колникъ, малороссійскій хуторокъ. Ихъ раздѣляла только одна *Пьяная балка* и соединялъ мостъ; затѣмъ у нихъ всѣ условія жизни были одни и тѣ же: одинъ климатъ, одна почва, одиѣ перемѣны погоды;—но на орловской, т. е. на великорусской сторонѣ были поражающіе нищета и голодъ, а на малорусской или черниговской вѣяло ишымъ. Малороссійскій хуторъ процвѣталъ, великорусская деревня извелась въ конецъ—и невозможно было рѣшнить: чего еще она здѣсь держится? Въ этой деревнѣ ни одинъ проѣзжій или прохожій не останавливался—какъ потому, что здѣсь буквально не было жилья въ человѣческомъ смыслѣ, такъ и потому, что все населеніе этихъ разоренныхъ дворовъ пользовалось ужаснѣйшею репутациею.

По одну сторону «*Пьяной балки*» была дорогая и скверная откупная водка, по другую—дешевая и хорошая. На самомъ мосту стоялъ кордонъ, бдительно наблюдавшій, чтобы великоруссы не проносили къ себѣ капли малороссійской водки; но пронести ее въ желудкѣ кордонъ не могъ возбранить—и вотъ почему балочники орловской губерніи были такъ отчаянно бѣдны: они постоянно все, что могли, тащили къ жидамъ на малороссійскую сторону и тамъ пропивали все до-чиста.

Въ самой балкѣ всегда стояли караваны телѣгъ: всѣ извозчики и не извозчики, всякая христіанская душа считала необходимою, сдѣлавъ шагъ за малороссійскій рубежъ, сейчасъ же здѣсь намертво напиться дешевою водкою.—и отъ того здѣсь постоянно бывали ссоры, драки и даже нерѣдко убійства, о которыхъ мы много слышали отъ Кирилы, говорившаго о «*Пьяной балочкѣ*» съ восторгомъ, но меньшей мѣрѣ приличествовавшимъ развѣ, наиримѣрь, приближенію вѣрующаго къ Палестинѣ.

— Ахъ!—восклицалъ онъ, осклабясь и простирая руки въ томъ направленіи, гдѣ была «*Пьяная балка*». Восхваляя

это мѣсто, онъ въ восторгѣ своемъ называлъ его не мѣстомъ, а мѣстилищемъ, и говорилъ, что «тамъ идетъ постоянно шумъ, грохотъ, и что тамъ кто ни проѣзжаетъ—сейчасъ начинаетъ пить, и стоять подъ горой мужики и кучи и все водку носить, а потомъ часто бьются, такъ что даже за версту бываетъ слышенъ стонъ точно въ страженіи. А когда между собою надоѣтъ драться, то кордонниковъ бьютъ и даже перѣдко убиваютъ».

Эта картина, новидимому, совершенно плѣнила нашего Кирилла, у котораго на лицѣ уже проходили слѣды московскаго вожденія медвѣды, и мы опасались не развѣшилъ бы онъ въ Пьяной балкѣ снова; но онъ категорически отвѣчалъ, что хотя бы и желалъ, такъ не можетъ, потому что онъ далъ самому Богу зарокъ водки не пить, а развѣ только попробуетъ наливки, что и исполнилъ тотчасъ же, какъ мы перетанцились за логовину на черниговскую сторону.

Всего безобразія этой Пьяной балки я рѣшительно не могу описать: это одно бы составило ужаснѣйшую картину отвратительнѣйшаго жанра. Вездѣ стояли и бродили омерзительно-пьяные мужики; торчали опрокинутые возы, раздавались хриплые голоса; довелось намъ даже слышать и тѣ стоны, которые въ восторгѣ описывалъ Кириллъ, учинившійся здѣсь пьянымъ какъ стелька.

Мы были этимъ несказанно удивлены, но онъ намъ самымъ обстоятельнымъ образомъ разъяснилъ, какъ случилось, что данный Богу зарокъ не помѣнать ему пачануться. Выходило, что, давая зарокъ, онъ умышленно разумѣлъ одну лишь водку настоящаго бѣлаго цвѣта, а ни о какихъ иныхъ наиткахъ не упоминалъ, и потому всякимъ инымъ наиткомъ съ чистою совѣстью могъ наливаться.

Путешествуя далѣе до почлега, онъ останавливался уже у всякой корчмы и все шилъ «чвертку красенькой», причемъ нѣсколько разъ снова начиналъ намъ объяснять, какъ онъ уменъ и предусмотрителенъ въ томъ отношеніи, что далъ зарокъ Богу не пить простой *бѣлой* водки, а насчетъ «цвѣтной или красенькой ничего касающаго не обѣщать». Это его такъ утѣшило и придавало ему такую отвагу, что онъ даже утверждалъ, что Богъ съ него «никакой правы не имѣетъ взыскивать насчетъ того, о чемъ у нихъ договора не было».

Противъ одинъ день, онъ продолжалъ то же самое и на

другой, и все болѣе и болѣе входилъ въ стихъ — и, досадуя, что его никто не потчуетъ, возымѣлъ намѣреніе «хорошо проучить чортовыхъ хохловъ», которые, по его мнѣнію, были до жалости глупы.

Скоро къ тому представился случай: мы проѣзжали какое-то село въ большой праздникъ. Въ корчмѣ была масса народа. Кирилль остановилъ лошадей, зашелъ въ корчму и пропалъ тамъ.

Подождавъ его около четверти часа, двое изъ нашихъ пошли его вызвать, но возвратились съ извѣстіемъ, что нашъ возница затѣялъ какую-то штуку съ хохлами и ни за что не хотѣлъ выходить изъ корчмы.

Штука эта состояла въ томъ, что Кирилль спросилъ у шинкари четвертку водки — и не выпивъ самъ ни одной капли, распотчивалъ ее на трехъ ближайшихъ малороссійскихъ мужиковъ. Тѣ, ничего не подозревая, выпили, а теперь Кирилль объявилъ имъ, что и они, въ свою очередь, каждый должны его потчевать. Мужики почесавшись затребовали каждый по четвертѣ, а нашъ Кирилль, сливъ все это въ одну посуду, поблагодарилъ и выпилъ, уже на сей разъ совѣмъ позабывъ свой зарокъ не пить бѣлой.

При безобразномъ пьянствѣ нашего провожатаго мы какъ-то добрались до Королевца, маленькаго грязнаго городишки, гдѣ тогда шла ярмарка и гдѣ Кирилль снова «надуть проклятыхъ хохловъ», но уже на этотъ разъ его находчивость избрала орудіемъ для обмана насъ самихъ. Онъ устроилъ все это такъ обдуманно, смѣло и тонко, что мы ничего не могли понять до тѣхъ поръ, пока онъ выполнилъ весь свой коварный умыселъ, чрезвычайно насъ тогда обидѣвшій и опечалившій, а нынче, когда я пишу эти строки, заставляющій меня невольно улыбаться.

Надо сказать, что между нами тремя, которыхъ везъ теперь Кирилль, былъ иъкто, котораго я назову Станиславомъ Пеньковскимъ. Этотъ молодой полякъ былъ годами двумя насъ постарше, высокъ ростомъ, довольно мужественнѣе, красивъ собою, при этомъ большой франтъ — и по польскому обычаю франтъ довольно безвкусный.

Подчиняясь своей страсти къ щегольству, онъ въ Москвѣ гунилъ у какого-то своего земляка венгеру съ шнурками и кутасами, яркоцвѣтныя широкія шаровары и красную турецкую ермолку съ синею шелковою кистью; въ этомъ стран-

номъ нарядѣ онъ и Ъхаль, постоянно высовываясь изъ новозки.

Кирилль, какъ только его голова немножко поправилась послѣ московскаго пьянства, обратилъ вниманіе на этотъ нарядъ, и многократно его одобрялъ, а потомъ, вѣроятно вслѣдствіе долгихъ соображеній, нашелъ случай его утилизировать. Началось это съ того, что чуть гдѣ-нибудь на мосту случалась безпорядица и давка — Кирилль просилъ Пенькновскаго высунуться и покричать, что тотъ съ удовольствіемъ и исполнялъ, дѣлая нерѣдко и даже нѣсколько болѣе того, о чемъ просилъ его Кирилль. Такъ, Пенькновскій зачастую, не ограничиваясь крикомъ изъ телѣги, выскакивалъ вонъ—и, выхвативъ у Кирилла его длинный троечническій кнутъ, хлесталъ имъ встрѣчныхъ мужиковъ и ихъ лошадей, отчего послѣднія метались въ стороны и нерѣдко вывали и опрокидывали возы, мимо которыхъ мы потомъ съ торжествомъ проѣзжали среди мужиковъ, снимавшихъ въ страхѣ свои шапки и, вѣроятно, славшихъ памъ тысячи проклятій. Но какъ бы тамъ ни было, а Пенькиновскій вездѣ по дорогѣ производилъ очень большой эффектъ—и Кирилль, находя въ этомъ не малую для себя выгоду, очень часто его хвалилъ и даже угощалъ пивомъ и водкою.

Такъ было во все время путешествія по Великой Россіи.

Вѣхавъ въ Малороссію, Кирилль началъ еще болѣе льстить пану Пенькновскому и увѣрялъ, что ему стоить показаться, такъ дураки-хохлы для него все съ себя поскидаютъ.

Пенькновскому необыкновенно нравилось, что онъ играетъ такую замѣтную роль, и онъ по приглашенію Кирилы началъ съ нимъ заходить во всякую корчму. И что же выходило? Дѣйствительно, чуть, бывало, Пенькиновскій взойдетъ и сядетъ, а Кирилль шепчетъ одно слово шинкарю или шинкаркѣ, какъ тѣ тотчасъ подають имъ обонмъ наливки, сколько они хотять, а также давали и закусокъ, и ни за что не требовали ни гроша, а только, выпроваживая ихъ,—тихонько вслѣдъ имъ плевали.

И и мой другой товарищъ понять не могли: за кого это насъ принимаютъ? Пенькиновскій же увѣрялъ насъ, что все это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ, будто бы, похожъ на казацкаго атамана, въ чемъ его, въ свою очередь, увѣрялъ льстивый и коварный Кирилль. Такъ мы доѣхали

до Королевца, гдѣ суждено было произойти развязкѣ этого пошлаго и смѣшного анекдота.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ярмарка въ Королевцѣ стояла на единственной немощной и чрезвычайно грязной городской площади. Я уже теперь не помню, около какихъ это было чиселъ, но знаю, что время было осеннее. Постоялые дворы вокругъ площади всѣ были заняты — и Кирилль, не въѣзжая никуда на дворъ, остановился за угломъ одного дома у самой площади, выпрягъ здѣсь своихъ коней и, растянувъ хрептугъ, поставилъ ихъ къ корму, а самъ приступилъ къ Пеньковскому съ просьбою пройтись по базару. Кирилль сказалъ, что ему надо купить для себя пару бубенчиковъ, и что будто бы ему гораздо сподручѣе сдѣлать это приобретене вмѣстѣ съ Пеньковскимъ.

Пеньковскій не отказался, и они пошли; а я и другой мой товарищъ, маленькій Книшченко, заинтересованные тѣмъ, неужели имъ и бубенчики достанутся даромъ, — слѣдили за ними издали.

Пеньковскій въ своемъ пестромъ, въ глаза кидающемся нарядѣ шелъ впереди, — а Кирилль, обыкновенно обращавшійся съ нами за панибрата, здѣсь вдругъ какъ-будто провикъ къ Пеньковскому крайнимъ и самымъ подобострастнымъ почтеніемъ. Онъ шелъ сзади и тщательно оберегалъ, чтобы его кто не толкнулъ, а между тѣмъ постоянно шепталъ что-то на стороны встрѣчнымъ людямъ, которые тотчасъ же со страхомъ разступались, и, крестясь, совали Кириллю кто грошь, кто бубликъ, и потомъ, собираясь толпою, издали тянулись за ними со страхомъ, смѣшаннымъ съ neodолимымъ любовиствомъ.

До нашего слуха долетало какое-то чуждое слово, значенія котораго мы не понимали, но видѣли, что вереница, слѣдовавшая за Пеньковскимъ, все увеличивалась. Посреди торга толпа ступилась до невозможности, и сидѣвшія тутъ на землѣ торговки, съ яблоками, булками и плоскою королевскою колбасою, начали подавать сопровождавшему Пеньковского Кириллю каждая отъ своихъ щедротъ: кто булку, кто пару яицъ, кто еще что было подъ рукою; притомъ опять каждая, подавъ эту жертву, набожно крестилась и съ отвращеніемъ плевала въ сторону.

На площади внятиѣе прогудѣю опять то же слово чуждое и незнакомое намъ; слово это было: «качь».

— Катя везуть, московскаго ката въ Кіевъ везуть: жертвуйте кату що-бы милостивѣйше билъ!—шентали со всѣхъ сторонъ—и жертвы до того увеличились, что Кирилль уже былъ значительно ими обремененъ и, замѣтивъ насъ, передалъ намъ долю своего сбора, послѣ чего и отъ насъ тоже всѣ отшатнулись, и пронеслось:

— А се его ученики. Они еще бити не можуть, а тільки привизують.

И намъ пошла особая, добавочная жертва!

Положеніе выехало престранное и, какъ мы понимали, не совсѣмъ ладное; но Пеньковскій, обаянный своимъ великолѣпствомъ, идучи впереди, ничего этого не слыхалъ.

Онъ зашелъ въ балаганъ и купить, или даромъ взять, бубенчики, положилъ ихъ въ карманъ и, погромыхивая ими, пошелъ еще съ большимъ эффектомъ; зашелъ въ палатку, гдѣ продавали вино и гдѣ были разные пьяные люди. Однако, несмотря на то, что всѣ эти люди были пьяны, чуть только они взошли и Кирилль кивнулъ имъ головою на Пеньковскаго — они перестали шумѣть и потребовали для него ценокуинного вина. Кирилль оставилъ здѣсь Пеньковскаго, а самъ, изрядно пьяный, вернулъся къ телѣгѣ съ цѣлымъ ворохомъ разныхъ закусокъ и гостинцевъ. Онъ живой рукой заложилъ лошадей — и мы подѣхали къ куреню, гдѣ оставался великолѣпный Пеньковскій.

Услышавъ звонъ нашихъ новыхъ бубенчиковъ, онъ вылезъ изъ-подъ грязной палатки—и мы поѣхали.

У насъ былъ цѣлый сборъ пироговъ, рыбы, колбасъ, яиць, вина, рѣпы, табаку и моркови, которую немилосердно христалъ подгулявшій Кирилль; но тутъ вдругъ случилось неожиданнѣйшее и казуснѣйшее происшествіе: не успѣли мы отѣхать и трехъ верстъ отъ города, какъ насъ обогнала тарантасъ, запряженный тройкою лошадей. Назъ было велѣно остановиться — и краснолицый господинъ съ военною осанкою потребовалъ отъ насъ наши бумаги. Военный господинъ просмотрѣлъ ихъ — и непосредственно за тѣмъ, сбивъ съ Кирилы шапку, началъ таскать его за вихры и бить по щекамъ.

Кто былъ этотъ быстрый на руку королевещій началь-

никъ—это такъ и осталось намъ неизвѣстно, но мы ему были очень благодарны, что онъ проучилъ Кирилу, а главное—открылъ намъ, что коварный мужиченко выдавать нашего великолѣннаго товарища за московскаго палача, котораго онъ, будто бы, везетъ въ Кіевъ польскую графиню наказывать, а насъ двухъ выдавалъ за его учениковъ.

Всѣ мы этимъ очень обидѣлись, а Пенькновскій потребовалъ отъ Кирилы объясненій: неужто онъ смѣлъ называть его палачомъ? Но жестоко выпоротый Кирилль, хрустя во рту оставшеюся у него морковью, отвѣчалъ:

— Ну, такъ что же тебѣ изъ того за бѣда?

— Какъ что за бѣда? Я не хочу быть палачомъ.

— Ну, не хочешь, такъ и не будешь.

— А какъ же смѣлъ ты меня называть палачомъ?

— Эко важность какая: какъ смѣлъ? Антирессуются: что такого за пестраго чорта везешь? Я и сказала, что везу палача въ Кіевъ; за то же тебѣ вездѣ почтенье было, а меня отодрали.

Пенькновскій пожалъ плечами — и, быстро сбросивъ съ себя свои яркія шаровары, сказалъ намъ:

— Господа, мы одурачены.

Мы согласились; но нашли, что все-таки Кирилль досталось хуже всѣхъ, потому что у насъ пострадала репутація, а у него спина, отъ которой онъ жестоко крихтѣлъ и нѣсколько дней не могъ разогнуться. Мы же съ своей стороны дали другъ другу слово, что эта исторія останется между нами. Нынѣ я впервые нарушаю это слово, но дѣлаю это, впрочемъ, съ совершенно покойной совѣстью, потому что оба лица, которымъ я обязался молчать, уже давно погибли отъ двухъ случайностей: Кнышенко утонулъ въ рѣкѣ Сеймѣ, а гибель послѣдняго, т. е. Пенькновскаго, дѣло позднѣйшей эпохи; но маленький Кнышенко утонулъ на третій же день послѣ описаннаго королевскаго событія—и утонулъ этотъ бѣдный ребенокъ неожиданно, весело и граціозно, какъ жилъ, но, однако, его смерть была для меня ужаснымъ, потрясающимъ событіемъ. Она дала мнѣ первый поводъ къ нѣсколькимъ рановременнымъ размышленіямъ о непрочности всего земнаго, и о тщетѣ и несбычивости самыхъ ближайшихъ надеждъ. Это сдѣлалось потомъ моею болѣзью, которая мнѣ во многомъ вредила и во многомъ была полезна.

Кнышенко былъ добрый и очень пѣжрый мальчикъ: онъ пламенно любилъ свою мать, говорилъ о ней съ восторгомъ и стремился къ ней съ какою-то болѣзненною страстностію. У него была тетрадка, въ которой онъ ежедневно зачеркивалъ дни разлуки — и, не зачеркнувъ только трехъ дней, разстался съ нею навѣки. Я видѣлъ въ этомъ злую насмѣшку рока.

Кнышенко умеръ такимъ образомъ: мы пріѣхали въ красивое мѣстечко Батуринъ, бывшую столицу Мазены, гдѣ есть развалины гетманскаго дома и опустѣлый дворецъ Разумовскаго. Объявъ всѣ достопримѣчательности этого мѣстечка, мы, не смотря на позднее время года, вздумали сами половить въ рѣкѣ Сеймѣ здѣшнихъ знаменитыхъ раковъ. Раздѣвшись, мы спустились въ воду и стали шарить подъ корчами и береговыми уступами. Кнышенко при этомъ трусилъ надъ «катомъ» Пенъковскимъ, который оказывался чрезвычайно неловкимъ въ ловлѣ, между тѣмъ какъ Кнышенко оказывался очень ловокъ въ трунении — и такъ донекъ Пенъковского своими насмѣшками, что тотъ бросился на него съ поднятымъ кулакомъ. Кнышенко началъ отбивать его, поднимая въ лицо его тучу брызгъ и... вдругъ исчезъ въ облакѣ этихъ брызгъ и болѣе не показался. Онъ, вѣроятно, остушился и попалъ въ одинъ изъ глубокихъ, тинистыхъ омутковъ, которыхъ въ этой рѣкѣ чрезвычайно много; а можетъ-быть, съ нимъ случился ударъ, такъ какъ всѣ мы послѣ королевецкой оргіи все-таки были еще немножко пьяны.

Исторія эта падѣлала намъ множество тяжелыхъ и самыхъ неприятныхъ хлопотъ и продержала насъ въ Батуринѣ около четырехъ сутокъ, пока утопленника достали, вскрыли и похоронили.

Въ эти дни мы, разумѣется, совсѣмъ протрезвились, и бѣдная душа моя, открывъ всю бездну своего глубокаго паденія, терзалась немилосердно. Въ погибели Кнышенко я видѣлъ несчастіе, которое ниспослано намъ въ наказаніе за наше безчиное поведеніе: за питье сладкой водки и наливкокъ, и въ особенности за оскорбленіе нравственности вольнымъ обхожденіемъ съ королевецкими ярмарочными красавицами. Разстрошенные кутежами, нервы мои помогли моему страданію, а вдобавокъ Кириллъ въ это время вѣроятно вспомнилъ совѣты, данныя ему въ Москвѣ, чтобы онъ по-

прижалъ насъ, — и вотъ онъ вздумалъ теперь воспользо-
ваться сдѣланною намъ задержкою и, придравшись къ ней,
потребовалъ съ насъ возмѣщенія его убытковъ въ размѣрѣ
цѣлыхъ ста рублей (разумѣется ассигнаціями).

Не знаю: какъ бы я отнесся къ такому нечестному и
наглому требованію при другихъ обстоятельствахъ, но въ
эту пору я былъ радъ всякой новой карѣ — и съ удоволь-
ствіемъ отдалъ все свои деньги до послѣдней копейки, такъ
что «кату» уже пришлось дополнить очень немного.

Бѣхали мы послѣ этого скучно: въ новозкѣ для насъ двухъ
открылся просторъ, пользуясь которымъ Пенькновскій все
спалъ въ-растяжку, а я вздыхалъ и размышлялъ о томъ,
какъ поразить вѣсть о смерти Книженко его родителей,
которые, вѣроятно, насъ встрѣтятъ въ Нѣжинѣ. Я часто
плакалъ и молился, чтобы Богъ далъ мнѣ благодать слова,
способнаго хотя немного облегчить скорбь бѣдныхъ роди-
телей моего товарища. Я все подыскивалъ удобныхъ из-
реченій для выраженія той моей мысли, что ихъ сыну,
можетъ-быть, совсѣмъ не худо, потому что мы не знаемъ,
что такое смерть: можетъ-быть она вовсе не несчастіе, а
счастіе.

Впослѣдствіи, встрѣтивъ эту самую мысль у Сократа въ
его отвѣтной рѣчи судьямъ, приговорившимъ его къ смерти,
я былъ пораженъ: откуда могъ взять эту мысль я, будучи
мальчикомъ и невѣждою. Но, тѣмъ не менѣе, какъ бы тамъ
ни было, а *мы сошлись съ Сократомъ* въ то время, когда
я зналъ о «великомъ старцѣ» только то, что, судя по ви-
дѣннымъ нѣкогда бюстамъ этого мудреца, онъ былъ очень
некрасивъ и очевидно не имѣлъ военной выправки, безъ
которой человѣку трудно держать себя съ достоинствомъ
въ хорошемъ обществѣ.

Со мной происходилъ ужасно тяжелый нравственный пе-
реворотъ, достигшій, наконецъ, до такого экстаза, что я не
видѣлъ средствъ оставаться въ живыхъ — никому не от-
крывъ сей мрачной бездны моего паденія. Я хотѣлъ бы
написать объ этомъ матушкѣ, но мнѣ показалось, что она,
какъ близкое лицо, не перенесетъ всего ужаса, какимъ долж-
на была объять ея чистую душу моя исповѣдь. Я рѣшилъ
подождать пока пріѣду и тогда лично открыть матери сиѣ-
дающую меня скорбь, не иначе, какъ съ немедленнымъ же
обѣтомъ посвятить всю мою остальную жизнь исправленію

моихъ недостойнствъ и загладить ихъ подвигами добра и самопожертвованія.

Подвиги—это была всегдашняя мечта; самоотреченіе и самопожертвованіе—это *идея*, въ которую болѣе или менѣе ясно отформировалось это упорное и нетерпѣливое мечтаніе.

Смѣшно; но тотъ сдѣласть мнѣ большое одолженіе, кто не станетъ смѣяться надъ этими смѣшными порывами, такъ какъ я не знаю ничего лучше ихъ,—и горе тому, кто не вкушалъ сладостнаго желанія страданія за другихъ! Онъ не знаетъ лучшаго и чистѣйшаго удовольствія, какое возможно человѣку испытать на землѣ.

Но возвращаясь къ тогдашнимъ моимъ затрудненіямъ въ потребности исповѣди и въ обрѣтеніи благодатныхъ словъ, которыя могли бы облегчить скорбь родителей, потерявшихъ сына.

Я этимъ былъ такъ занятъ, что, молясь о помощи свыше, началъ ощущать вблизи себя въ повозкѣ чье-то присутствіе,—присутствіе многихъ, очень многихъ существъ, которыя бѣжали со мною и понимали мои думы, въ глубочайшей тайнѣ хранимыя отъ моего возницы и оскверненнаго товарища.

Мы прѣѣхали въ городокъ Борзну, на который теперь болѣе тоже не лежитъ главный путь къ Кіеву. Эта Борзна—до жалости ничтожный и маленькій городокъ, при первомъ взглядѣ на который становится понятенъ крайній предѣлъ того, до чего можетъ быть мелка жизнь и глубока отчаянная скука. Не тоска,—чувство тяжелое, но живое, сочное и подвижное, имѣющее свои фазы и переходы, — а сухая скука, раздражающая человѣка и побуждающая его дѣлать то, чего бы онъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать.

Мнѣ казалось, что эта скука точно здѣсь виситъ въ воздухѣ: и не успѣвъ я стать на ноги, какъ она уже охватила меня точно сируть или пивка и неодолимо начала присасываться къ моему сердцу. Я вышелъ за ворота постоялаго двора — и, взглянувъ на пустую площадь и на украшавшую ее тюрьму, ощутилъ неодолимую потребность бѣжать и скрыться. Мой извозчикъ, мой товарищъ, самая тѣлѣга, въ которой я путешествовалъ,—были мнѣ противны, они служили мнѣ напоминаніемъ тягостныхъ и отвратительныхъ событій. У меня уже была *испорченная жизнь*—

и мнѣ хотѣлось оплакать и сбросить ее. Я увидалъ гдѣ-то за соломенными крышами стройные конусы зеленыхъ, въ рядъ вытянутыхъ тополей—и бросился къ нимъ, надѣясь найти тутъ отдыхъ отъ сжимающей мое сердце тоски, и я бѣжалъ не напрасно. Видѣнные мною деревья стояли въ рядъ, окаймляя заборъ, за которымъ ютился довольно чистенькій домикъ съ надписью, возвѣщавшею, что здѣсь помещается городская больница.

Это было претихое мѣсто, какъ разъ идущее подъ стать тому, чего я искалъ. Между тополями и темнымъ заборомъ была довольно глубокая, заросшая травкою канавка, въ которую я юркнулъ какъ хорь—и, упавъ на ее дно, легъ лицомъ ницъ къ землѣ и заплакалъ.

Я оплакивалъ свою *погибшую жизнь*, свое глубокое, нравственное паденіе, странно разстроенное мое воображеніе и нервы и доведшее меня до отчаянія, что я, сопріячась безднѣ грязныхъ пороковъ, уже недостойнъ и не могу взглянуть въ свѣтлые глаза моеи матери,—что я лишилъ себя права обнять ее и принять ее поцѣлуй на мое скверное лицо, которое дѣйствительно осуздось и жестоко измѣнилось. Это произошло отъ большого нравственнаго страданія и мукъ, которыя я нещадывалъ, казня себя за всю развращенность, столь быстро усвоенную мною съ тѣхъ поръ, какъ я очутился на волѣ. Оплакивая въ канавкѣ свое паденіе, я проникался духомъ смиренія: я порицалъ свободу (и это такъ рано!) и жаждалъ какой-то сладкой неволи и тосковать о какомъ-то рабствѣ, — рабствѣ сладкомъ, добромъ, смирномъ, нокорномъ и покойномъ,—словомъ: о рабствѣ пріязни и попечительной дружбы, которая бы потребовала отъ меня отчета и нанесла бы мнѣ заслуженные мною укоры, нанесла бы тономъ глубокимъ и сильнымъ, но такимъ, который бы неизбежно смягчался и открывалъ мнѣ будущее въ спокойномъ свѣтѣ. Но гдѣ же такой другъ, передъ которымъ бы я могъ подвергнуть себя такому сладостному самобичеванію?—Гдѣ? Великій Боже! Меня словно осыпало горячимъ пескомъ: какъ же я смѣю роптать, что у меня нѣтъ друга! Какъ могъ я въ эти минуты позабыть о ней, о той доброй сестрѣ моего тверского товарища, которая умѣла такъ ловко поправить мою ошибку на вечерѣ у ихъ отца и такъ великодушно меня обласкала и прислала мнѣ на дорогу книгу и пироговъ? Развѣ это еще не дружба, и

притомъ болѣе чѣмъ обыкновенная дружба — дружба съ женщиной!

О, какое это было сладостное воспоминаніе! Я почувствовалъ въ сердцѣ болѣзненно сладкій уколъ, который, подыскивая сравненіе, могу приравнять къ прикосновенію гальваническаго тока; свѣжая, я лучше бы хотѣлъ сказать: *глубкая* молодая кровь ртутью пробѣжала по моимъ жиламъ, я почувствовалъ, что я люблю и по всей вѣроятности самъ взаимно любимъ... Иначе это не могло быть! Я вскочилъ на ноги, схватился руками за грудь и занатался. Мнѣ показалось, что въ этой сорной канавѣ я какъ будто снова нашелъ мою потерянную чистоту, — и вотъ я, упершись руками въ края канавы, выскочилъ и бросился бѣжать со всѣхъ ногъ въ городъ. Здѣсь я купилъ въ лавкѣ бумаги и конвертъ и сѣлъ за столомъ въ кухнѣ писать письмо къ моей пафосской богинѣ, въ которой женщина для меня ни мало не затмевала божественный, мною созданный образъ; я любилъ ее, но не иначе, какъ смертный можетъ любить богиню, — и не предполагалъ, чтобы несомнѣнная ее любовь ко мнѣ имѣла другой характеръ, несоответствующій разницѣ нашихъ отношеній.

Я хотѣлъ бы слушать ее, но слушать какъ внушеніе; я хотѣлъ бы даже прикоснуться къ ней, но не иначе, какъ прикоснуться устами къ краю ее одежды.

То, что я танцевалъ съ нею, представлялось мнѣ ужаснымъ оскорбленіемъ ея величія — и я съ этого началъ мое весьма почтительное, но безмѣрно глупое письмо.

Совершая этотъ безумный поступокъ, я находилъ его прекраснымъ и не видалъ никакой неловкости въ томъ, что пишу въ неизвѣстный мнѣ домъ, къ совершенно почти незнакомой мнѣ дѣвушкѣ.

Но тѣмъ хуже было для меня — по всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ въ бреду совершеннаго поступка.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Письмо выходило чрезвычайно пространное и, какъ мнѣ тогда казалось, необыкновенно трогательное и душевное. Въ послѣднемъ, я думаю, я нимало не ошибался, потому что искреннѣе меня тогда не могла быть и сама отвлеченная искренность. Начавъ, какъ я сказалъ выше, съ того, что возвелъ Nathalie Волосатину въ санъ богини, я про-

силъ у нея прощенія въ томъ, что огорчилъ ее моею невоспитанностію, — и далѣе пространно описывать ей мое душевное состояніе и объяснять причины, отъ которыхъ оно произошло, т. е. я выисповѣдался, что пилъ вино и вообще *палъ*; но, однако, по счастью, я еще какъ-то удержался — и скорбя о своемъ паденіи, ничего не открылъ насчетъ королевскихъ ярмарочныхъ дамъ подъ шатрами, а объяснялъ ужасъ и низость своего паденія экивоками. Я просилъ сестру Волосатина обдумать мое ужасное положеніе и примѣнить къ нему — если не ко мнѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ ея брату, моему товарищу, который по его лѣтамъ и неопытности могъ подвергнуться тѣмъ же искушеніямъ, какими былъ искушенъ и я, и потомъ поднасть подъ тѣ же муки раскаянія, какими я страдаю. Все, чего я хотѣлъ отъ нея для себя, я выпрашивалъ у нея для ея брата и потому считалъ его въ это время моимъ лучшимъ другомъ и такъ къ нему и относился въ письмѣ, которое передъ выѣздомъ своимъ изъ Борзны сдалъ на почту.

Но зачѣмъ я все это сдѣлалъ? Этотъ поздній вопросъ возникъ во мнѣ почти немедленно же послѣ того, какъ соломинныя борзенскія кровли утонули въ туманной чертѣ горизонта и я остался самъ со своими думами. Мало-помалу мною начали овладѣвать сомнѣнія: позволительно ли было съ моей стороны такое письменное обращеніе къ дѣвушкѣ, которую я видѣлъ всего одинъ вечеръ? Послѣ нѣкоторыхъ соображеній мнѣ начало казаться, что это не совсемъ позволительно, — и чѣмъ я болѣе размышлялъ, тѣмъ эта неумозволительность становилась все яснѣе и возмутительнѣе. Къ тому же я теперь не могъ отвѣчать за каждое выраженіе моего письма, потому что хотя у меня и было черновое, но я, переписывая на-бѣло, кое-что измѣнилъ и — какъ мнѣ теперь казалось — во многихъ мѣстахъ весьма прозрачно обнаруживалъ свою возвышеннѣйшую любовь къ моей корреспонденткѣ. А что, если это письмо попадетъ кому-нибудь изъ ея семейныхъ, или она сама покажетъ его своему брату? О, какой стыдъ и ужасъ! Какъ они будутъ надо мной смѣяться? Или вдругъ *ея* отецъ напишетъ объ этомъ моей матери и, пожалуй, приложитъ въ подлинникъ мое письмо?.. Великій Господи! мнѣ показалось, что я этого не вынесу — и для спасенія своей чести мнѣ тогда по меньшей мѣрѣ должно будетъ застрѣлиться.

Я умолялъ Кирилла вернуться назадъ въ Борзну, съ тою цѣлю, чтобы выпросить у почтмейстера назадъ мое письмо; но Кирилла, сдѣлавшійся послѣ постигнутой его подъ Королевцемъ непріятности чрезвычайно мрачнымъ, не хотѣлъ меня слушать. Вообще теперь при выѣздѣ изъ городовъ онъ обнаруживалъ большую торопливость и безпокойство и ни за что не хотѣлъ остановиться; да къ тому же я и самъ скоро понялъ, что возвращеніе было бы теперь бесполезно, потому что я подалъ письмо передъ самымъ отправленіемъ почты, которая теперь мчитъ мое письмо на сѣверъ,—межъ тѣмъ, какъ я, зтополучный, самъ неуклонно тянусь на югъ, гдѣ, однако, меня найдеть и постигнетъ какое-то роковое и неотразимое послѣдствіе посланной корреспонденціи.

Никакая помощь, никакая поправка были невозможны,—и я, упавъ на дно телѣги, сгоралъ со стыда и не видѣлъ никакого спасенія отъ неминуемаго позора, въ неотразимости котораго меня совершенно уиѣрило мое безпокойное воображеніе.

Но, впрочемъ, какъ застрѣлиться мнѣ очень не хотѣлось, то я скоро занялся подъыскиваніемъ другого подходящаго средства, обратясь къ которому, я только умеръ бы для людей, а для самого себя былъ бы живъ.

Передо мной мелькнулъ монастырь—и я счелъ эту мысль за благодѣтельное наптіе свыше.

«Что же,—думалъ я,—мнѣ дѣйствительно остается одно: скрыться навсегда въ стѣнахъ какого-нибудь монастыря и посвятить всю будущую мою жизнь искупленію безразсудствъ моей глупой молодости.»

Въ святой простотѣ ума и сердца, я, находясь въ преддверіи лабиринта, думалъ, что я уже прошелъ его и что мнѣ пора въ тотъ затонъ, куда я, какъ сказочный ерпъ, попалъ, исходивъ все океаны и рѣки и обивъ все свои мышцы и перья въ борьбѣ съ волнами моря житейскаго. Я думалъ, что я дошелъ до края моихъ безразсудствъ, когда только еще начиналъ къ нимъ получать смутное влеченіе. Но какъ бы тамъ ни было, а желаніе мое удалиться отъ міра было непреложно—и я рѣшилъ немедленно же приводить его въ дѣйствіе.

«Поостригусь,—думалъ я,—и тогда извѣщу матушку, что я уже не отъ міра сего, а причина этого навсегда останется моею глубокою тайною.»

Въ Нѣжинѣ я убѣждалъ въ какой-то городской монастырь и потребовалъ, чтобы меня проводили къ настоятелю; но настоятель былъ въ отлучкѣ и въ его отсутствіи монастыремъ правилъ монахъ, котораго я назову отцомъ Діодоромъ.

Мнѣ было нѣкогда ждаты — и я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили отцу Діодору; а самъ остался въ монастырскомъ дворикѣ. Я хотѣлъ избѣжать встрѣчи съ родными покойнаго. Книшеники, для которыхъ не выдумалъ никакого утѣшительнаго слова, потому что мою сократовскую мысль о томъ, что смерть, можетъ-быть, есть благо, всякій разъ перебывали слова переведенной на русскій языкъ греческой гѣсенки, которую мнѣ пѣвала матушка. Въ этой гѣсенѣ поется, какъ одинъ маленький мальчикъ освѣдомляется у матери: зачѣмъ она груститъ объ умершей его сестрицѣ, маленькой Зоѣ, которая, по собственнымъ же словамъ матери, теперь «уже въ лучшемъ мірѣ, гдѣ Божьи ангелы живутъ и ходятъ розовыя зори». И что же? бѣдная мать, зная такія хорошія слова утѣшенія для другихъ, сама не утѣшается ни свѣтомъ зорь, ни міромъ ангеловъ, и груститъ, что

У бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣткомъ и мотыльками
Забавляется она.

И чувствовалъ, что на такую грусть рѣшительно ничего не отвѣтишь, и бѣжачъ отъ разрывающей душу тоски. Потомъ, во-вторыхъ, я былъ увѣренъ въ живой для себя потребности бесѣды съ духовнымъ лицомъ насчетъ своего намѣренія поступить въ монастырь.

Но представьте же себѣ, что случилось здѣсь съ этимъ моимъ намѣреніемъ! Холодный осенній вѣтеръ, влою вертѣвшійся на небольшомъ монастырскомъ дворѣ, привелъ меня въ отвратительнѣйшее безпокойное состояніе. Невольно наблюдая мятущееся безпокойство внѣ келій, я проникалъ моимъ воображеніемъ внутрь ихъ и убѣждался, что здѣсь вездѣ непокой и смятеніе. — что за всякою этой стѣною, передъ каждою тренещуцею лампадой тренещеть, мятется и поетъ человѣчeskій духъ, подражая смятенію, вою и дождающему шуму этого вѣтра.

Отцу Діодору было лучше бы не принимать меня, но

обстоятельства такъ благопріятствовали моему ходатайству, что я былъ допущенъ въ очень большую и довольно хорошо убранную келью, гдѣ во второй — слѣдовавшей за залой — комнатѣ увидаль на диванѣ свѣжаго, здороваго и очень полнаго грека, въ черной полубархатной рясѣ съ желтымъ фуляровымъ подбоемъ и съ глазами яркими, какъ вспрыснутыя прованскимъ масломъ маслины. Передъ почтеннымъ инокомъ стояла старинная бронзовая чернильница и такой же бронзовый колокольчикъ, а сбоку его въ креслѣ сидѣла розовая дама, передъ которою на столѣ были разставлены четыре тарелки, изъ коихъ на одной были фиги, на другой фундуки, на третьей розовый рахатъ-лукумъ, а на четвертой какое-то миндальное печенье и рюмка съ санторинскимъ виномъ, распространившимъ по комнатѣ свой неприятный аптечный запахъ.

Эта обстановка немножко не совсѣмъ шла подѣ статью моему аскетическому настроенію, для собесѣдованія о которомъ я сюда явился.

Отецъ Діодоръ (это былъ онъ), встрѣти меня, показавъ на кресло *vis-à-vis* съ угощавшейся у него дамой и спросилъ меня съ сильнымъ греческимъ акцентомъ, что мнѣ отъ него нужно.

Я весьма не смѣло объяснилъ съ замѣшательствомъ зачѣмъ пришелъ. Инокъ слушалъ меня, какъ мнѣ показалось съ первыхъ же моихъ словъ, безъ всякаго вниманія, и во все время — пока я разъяснялъ мрачное настроеніе души моей, требующей уединенія и покоя, — молча подвигалъ то одну, то другую тарелку къ своей гостьѣ, которая была гораздо внимательнѣе къ моему горю: она не сводила съ меня глазъ, преглуцо улыбалась и чавкая крахмалистый рахатъ-лукумъ, который липъ къ ея розовымъ деснамъ.

Когда рѣчь моя была кончена, великолѣпный отецъ Діодоръ позволилъ въ колокольчикъ и велѣлъ вошедшему служкѣ подать «цаскумъ на кофе».

— Съ молѣкомъ, или безъ молѣкомъ? — спросилъ молодой вертлявый греческій служка.

— Безъ никому, — отвѣчалъ иннокъ Діодоръ и опять началъ угощать свою гостью, не обращая никакого вниманія ни на самого меня, ни на мои остающіеся безъ разрѣшенія вопросы, о которыхъ я и самъ въ эти минуты пересталъ думать и разсуждать: зачѣмъ эти два грека говорятъ

между собою по-русски, когда имъ очевидно гораздо удобнѣе было бы объясняться по-гречески?

Межь тѣмъ служка подаль чашку кофе и графинчикъ рому, выразившій собою какъ видно то «безъ никому», о которомъ сказалъ ему монахъ.

Я кофе выпилъ, но отъ рому отказался, несмотря на то, что меня имъ сильно потчивали и самъ отецъ Діодоръ, и его гостя, говорившая очень мягкимъ добрымъ голоскомъ на чистомъ малороссійскомъ нарѣчїи, которое мнѣ очень нравилось всегда и нравится понынѣ. Но мнѣ нужно было не угощеніе, а отвѣтъ на мои скорбящїе запросы, — а его-то и не было. Монахъ и дама молчали, я ждалъ отвѣта— и ждалъ его втуне. Тогда я рѣшился повторить свой вопросъ и предложилъ его въ прямой формѣ, требующей прямого же отвѣта.

— Это вы надо презде спросить съ маминькомъ, съ маминькомъ.

Я сказалъ, что мой отецъ уже умеръ.

— Спросить съ маминькомъ,—отвѣчалъ отецъ Діодоръ и сейчасъ же вышелъ въ другую комнату, откуда, впрочемъ, черезъ минуту снова появился и пригласилъ туда и меня, и свою даму.

Здѣсь намъ открылся довольно хорошо сервированный столъ, уставленный разными вкусными блюдами, между которыми я обратилъ особенное вниманіе на жареную курицу, начиненную густой манной кашей, яйцами и изюмомъ. Она мнѣ очень понравилась—и я непритворно оказалъ ей усердную честь, запивая по настоянію хозяйина каждый кусокъ то сладкимъ лонелемъ, то санторинскимъ, которое мало-помалу все теряло свой вначалѣ столъ неприятный для меня запахъ, а подъ конецъ даже начало мнѣ очень нравиться.

Я приходилъ въ прекрасное настроеніе духа, совсѣмъ не похожее на то, въ какомъ я явился въ греческую обитель,— и замѣчалъ, что то же самое происходило и съ моимъ хозяиномъ, который сначала молчалъ и какъ будто тиготился мною, а теперь сдѣлался очень привѣтливъ и даже очень говорливъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Достопочтенный отецъ Діодоръ вообще очень плохо выражался по-русски, но говорилъ охотно. Подыскивая слова,

онъ въ интервалахъ причмокивалъ и присасывалъ, сластилъ глазами, помогалъ себѣ мимическими движеніями лица и изображалъ руками все то, что, по его мнѣнію, было недостаточно ясно выражено его словомъ.

— Пцю, пцю, пцю,—зачмокалъ онъ вдругъ, самъ начиная говорить о моемъ желаніи поступить въ монастырь,—желаніи, которое онъ ни одобрялъ, ни порицалъ, но проводилъ ту мысль, что мнѣ въ монастырь собираться рано: что прежде надо «всего испытать». «Всего, пцю, пцю, пцю, всего, всего», смаковалъ онъ, показывая руками во всѣ стороны.

Присутствовавшая при этомъ гостья, однако, улыбаясь, замѣтила, что если все испытать, то тогда, пожалуй, въ монастырь «и не захочется»; но отецъ Діодоръ утверждалъ, что человѣку есть опредѣленіе, котораго онъ никакъ не сбѣгнетъ, и при этомъ ставилъ себя въ примѣръ. Онъ разсказалъ слѣдующее.

— Насъ было цетыре брати,—началъ онъ:—и ми всѣ, всѣ какъ есть, послѣ на царскій служба и били войны. Старсій братъ Костаки посолъ митосъ пѣхотосъ ипццю... вотъ такъ! (монахъ, сжавъ кулакъ, выпустилъ средній и указательный пальцы, промаршировалъ ими по столу и опять произнесъ: «вотъ такъ». Этимъ онъ наглядно изобразилъ, что такое пѣхота, и потомъ продолжалъ): Другой братъ Дмитраки посолъ въ кавалерія (при чемъ отецъ Діодоръ посадилъ два пальца своей правой руки на указательный лѣвой—и, сдѣлавъ на нихъ маленький объѣздъ вокругъ тарелки, пояснилъ: «вотъ такъ, кавалерія». Затѣмъ снова разсказъ): третій Мануэлѣсъ посолъ митосъ артилеріосъ (при этомъ правый кулакъ отца Діодора быстро вскочилъ на лѣвый и поѣхалъ на немъ по столу, какъ на лафетѣ, а третій палецъ онъ выставилъ впередъ и очень наглядно изобразилъ имъ сидящую на лафетѣ пушку). Пуски, пуски!—заговорилъ, указывая на этотъ палецъ, отецъ Діодоръ:—вотъ такъ: пуски!—И вслѣдъ за симъ онъ, весь сугубо оживившись, воскликнулъ:—а я, самый маленькій, самый мизинчикъ, посолъ митосъ флѣтосъ,—вотъ такъ.

Тутъ разсказчикъ эффектно положилъ кисть одной руки на другую, такъ что большіе пальцы приходились съ двухъ противоположныхъ сторонъ—и, подвигая ладонями по воздуху, гребъ большими пальцами точно веслами и приговаривалъ:

— Флётъ, воть такъ: флётъ! И,—продолжалъ Діодоръ:— когда я просоль насквозь весь цѣлый свѣтъ, то у меня били всѣ разные ордены и кресты, дазе съ этой сторона (онъ указалъ рукою отъ одного своего плеча на другое), и одна самая большая крестъ не умѣстился и тутъ повисъ,— заключилъ онъ, показавъ, что орденскій крестъ, для котораго уже не было мѣста у него на груди, кое-какъ долженъ былъ помѣститься на шеѣ.

Но не смотря на всю эту массу, почтенный отецъ Діодоръ, однако, попалъ въ монахи и указывалъ мнѣ на это, какъ на знакъ воли Промысла, а потомъ пошелъ еще храбрѣе и храбрѣе: онъ рассказывалъ намъ о храбрости давнихъ и недавнихъ греческихъ грековъ въ родѣ Колокотрони, Ботцариса и Бобелины, а отъ нихъ непосредственно переносился къ нашему балаклавскому баталіону, героизмъ котораго выходитъ еще грандіознѣе.

— О, наша балаклавской баталіонъ, великая баталіонъ, она никому не спигался, восторженно говорилъ Діодоръ и при этомъ рассказаль, что будто бы этотъ славный баталіонъ греческихъ геросевъ когда-то однажды на смотру одному лицу показаль, чтѣ такое значить греки. Это было такъ, что будто бы лицо, осматривая разныя войска, привѣтствовало всѣхъ словами: «здорово, ребята!» и всѣ русскія войска на это привѣтствіе, конечно, отвѣчали радостнымъ крикомъ: «здравія желаемъ, вашество». Но когда лицо крикнуло то же «здорово, ребята» баталіону, то греки будто только посмотрѣли одинъ на другого, почмокали и, покачавъ головами, перешепнулись: «Чтѣ мы за ребята? мы греки, а не ребята», и промолчали. Видя это, начальникъ снова повторилъ: «здорово, ребята», но мудрые греки снова переглянулись и снова нашли, что они не ребята, и потому опять не откликнулись. Тогда будто бы начальникъ этотъ «билъ не глушій въ своя голова» и, догадавшись, сказалъ «зласковымъ» голосомъ:

— Калисперось, греки!

А тѣ вдругъ, какъ одинъ полозили:

— Калякалитрумъ, вашество! такъ воть чтѣ значить греческій целовѣкъ! Греческій целовѣкъ самая умный целовѣкъ! — похвалявалъ мнѣ своихъ соотчичей подгулявшій отецъ Діодоръ—и я не знаю, про какія бы еще греческія чудеса онъ мнѣ не рассказаль, если бы служка не доложилъ,

что къ монастырю подѣхала наша повозка и мои спутники зовуть меня ѣхать.

Въ самомъ дѣлѣ на дворѣ уже вечерѣло, и я простился съ хлѣбосольнымъ Діодоромъ и уѣхалъ, напутствованный его благословеніемъ, просфорою, бутылкою санторинскаго вина и увѣреніемъ, что всякому человѣку положенъ свой предѣлъ, котораго онъ не обѣзжитъ.

— Если будетъ предѣлъ, то и зенился и будетъ у тебя орденъ съ энта сторона до энта сторона, а одна не помѣстится и тутъ на шеѣ повиснетъ, а все чернѣй клобукъ попадешь.—увѣрялъ онъ меня напослѣдяхъ, и увѣрялъ, какъ я теперь вижу, чрезвычайно прозорливо и обстоятельно; но тогда я его словамъ не повѣрилъ и самого его счелъ не за что иное, какъ за гуляку, попавшаго не на свое мѣсто.

Полагаю, что причина подобнаго легкомыслія съ моей стороны должна была заключаться въ крайней сжатости и небрежности пренодаванія священной исторіи въ нашемъ корнусѣ.

Но въ тѣ юные годы и при тогдашней моей невѣжественности и неопытности я ничего этого не понималъ, и пророчества отца Діодора пустилъ по вѣтру вмѣстѣ со всѣми его нескладными разказами о его братьяхъ, отличавшихся въ пѣхотѣ, при пусакахъ и во флотѣ, и о всей греческой храбрости, и о находчивой политичности знаменитаго, но уже болѣе несуществующаго въ Россіи греческаго балаклавскаго баталіона.

Но какъ бы то ни было, внутренній голосъ внутренняго чувства обманулъ меня уже два раза: разъ въ канавѣ, когда я почувствовалъ возрожденіе къ новой жизни и тотчасъ же сдѣлалъ новую глупость, написалъ письмо въ Тверь, — второй разъ теперь въ монастырѣ, гдѣ я мечталъ встрѣтить успокоеніе и нашелъ рахатъ-лукумъ и прочее, что мною описано.

— Гдѣ же, гдѣ же покой?—допрашивалъ я себя, докапчивая свое путешествіе грустный и унылый. Я былъ въ отчаяніи, что только лишь ѣдучи къ мѣсту своего назначенія я уже перепортилъ всю свою жизнь: я находилъ, что эта жизнь жестоко меня обманула; что я не нашелъ въ ней и ужъ, конечно, не найду той правды и того добра, для которыхъ считалъ себя призваннымъ. Я боялся какъ бы послѣ всего этого мнѣ не довелось еще открыть, что и

мать моя, можетъ-быть, не совѣтъ такое глубокое и возвышенно-благородное созданіе, какимъ я себя ее воображалъ. По мѣрѣ своего собственнаго паденія я все болѣе и болѣе раздражался и дѣлался мизантропомъ. Въ этомъ лежалъ задатокъ моего спасенія.

Природа моя требовала реакціи, но возбужденіе ея должно было прійти откуда-то извнѣ.

Въ такомъ именно состояніи былъ я, когда увидѣлъ блестящій крестъ кievской печерской лавры и велѣдъ за тѣмъ, передо мною открылись кievскія высоты со всею чудною нагорною панорамою этого живописнаго города. Я съ жадностію обозрѣвалъ это мѣстоположеніе и находилъ, что братья Кій, Щекъ и Хоревъ обладали гораздо болѣе совершеннымъ вкусомъ, чѣмъ основатель Москвы бояринъ Кучка и закладчики многихъ другихъ великорусскихъ городовъ. При самомъ первомъ взглядѣ на Кіевъ дѣлается понятно, почему святые отшельники нашей земли избирали именно это мѣсто для перехода съ него въ высшія обители. Кіево-печерская вершина — это русская ступень на небо. Здѣсь, у подножія этихъ горъ, изрытыхъ древле-русскими христіанскими подвижниками, всякій человекъ, какъ у подножія Сіона, становится хоть на минуту вѣрующимъ; необходимость глядѣть вдаль и вверхъ на эти уносящіяся подъ небо красоты будить душу — и у нея, какъ у отогрѣвающейся на подъемѣ орла, обновляются крылья.

Сухменная философія моя развѣялась подъ свѣжимъ вѣтромъ, которымъ насъ охватило на днѣпровскомъ паромѣ, и я вступилъ на кievскій берегъ Днѣпра юношею и сыномъ моей родины и моей доброй матери, которую такъ долго не видалъ, о которой нѣкогда столь сильно тосковалъ и грустилъ и къ ногамъ которой горѣлъ нетерпѣніемъ теперь броситься, и, обнявъ ихъ, хоть умереть подъ ея покровомъ и при ея благословеніи.

Я не замѣчалъ, въ какомъ состояніи находились мой Кирилль и мой товарищъ въ то время, когда мы проѣзжали низкія арки крѣпостныхъ воротъ, и самъ себя не помню какъ благодаря Кириллиной расторопности и толковитости, мы остановились у одного низенькаго домика, на окнахъ котораго я увидалъ въ тамбурѣ визанція бѣлыя штурцы, какія любила по вечерамъ дѣлать моя матушка, а за ними вѣдали на противоположной стѣнѣ въ скромной черной рамѣ

даво знакомую мнѣ гравюру, изображавшую Фридриха Великаго съ его штабомъ.

Не было никакого сомнѣнія, что здѣсь, именно здѣсь, живетъ моя прелестная мать.

Я взвизгнулъ, затрясся и, свалившись съ тѣлѣги, бросился къ низенькимъ желтымъ дверямъ, но онѣ были заперты. Еле держась на дрожавшихъ ногахъ, я сталъ отчаянно стучать въ нихъ и... мнѣ сначала показалось въ ближайшемъ окнѣ блѣдное, какъ бы испуганное лицо; затѣмъ послышался шумъ, за дверью пронесли быстрые легкіе шаги, задвижка щелкнула — и я упалъ на грудь высокой доброй старушки, черты которой только могли напомнить мою мать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я не помню, какъ исчезли съ моихъ глазъ Кириллъ и мой Пеньковскій,—но они во всякомъ случаѣ сдѣлали это какъ-то такъ хорошо и деликатно, что ни одной минуты не помѣшали мнѣ любоваться священными чертами лица моей неимоверно-постарѣвшей матери.

Тому, кто не зналъ ее шесть лѣтъ назадъ, въ ея нынѣшнемъ благородномъ, полномъ возвышеннѣйшаго выраженія лицѣ все-таки было бы трудно угадать ту очаровательную, неземную красавицу, какою она была въ роковой годъ смерти отца. Нѣжно-прозрачное лицо ея теперь было желто—и его робко оживлялъ лихорадочный румянецъ, вызванный тревогою чувствъ, возбужденныхъ моимъ прибытіемъ; злато-кудрые ея волосы, какихъ я не видалъ ни у кого кромѣ путеводаго ангела Тови, на картинѣ Ари Шефера,—волосы легкіе, нѣжные и въ то же время какіе-то смиренномудрые, подернулись сѣдною, которая покрыла ихъ точно прозрачною дымкой; они были по-старому зачесаны въ локоны, но этихъ локоновъ было уже не много,—они уже не волновались вокругъ всей головы, какъ это было встарь, а только напоминали прежнюю прическу середи, вокругъ висковъ и лба, межъ тѣмъ какъ всю остальную часть головы покрывала черная кружевная косынка, красиво завязанная двумя широкими лопастями у подбородка. Ростъ и фигура, превосходной формы руки и строгій поставъ головы на античной, слегка лишь пожелтѣвшей шеѣ—были все тѣ же; но губы поблѣднѣли, и въ голубыхъ,

полныхъ ласки и привѣта, глазахъ блуждалъ какой-то тревожный огонь.

Не сводя глазъ съ матушкинаго лица, я созерцалъ ее въ безмолвномъ благоговѣнн, стоя передъ нею на колыньхъ и держа въ своихъ рукахъ ея руки. Матушка сидѣла въ креслѣ и также молча смотрѣла то на меня, то на небольшой акварельный портретъ, который стоялъ возлѣ нея на крышкѣ ея открытой рабочей шкатулки.

Это былъ портретъ моего покойнаго отца, на котораго я теперь былъ поразительно похожъ, и хотя въ этомъ обстоятельстве не было ничего удивительнаго, но матушка была этимъ видимо сильно занята. Высвободивъ изъ моихъ рукъ свои руки, она въ одну изъ нихъ взяла этотъ портретъ, а другою приподняла волоса съ моего лба — и, еще пристальнѣе взглянувъ на мнѣ въ лицо, отодвинулась и прошептала:

— Какое полное повтореніе во всемъ!

Въ этомъ восклицанн мнѣ послышалось что-то болѣзненное, что-то такое, чему мать моя, какъ будто, въ одно и то же время и радовалась, и ужасалась. Она, должно-быть, и сама это замѣтила и, вѣроятно, сочтя неумѣстнымъ обнаруженіе передо мною подобнаго чувства, тотчасъ же подавила его въ себѣ — и, придавъ своему лицу простое выраженіе, договорила съ улыбкою:

— Если замѣнить этотъ пушокъ на твоей губѣ густыми усами, бросить нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ голову и немножко постарить лицо, ты былъ бы настоящій двойникъ твоего отца. Это обѣщаетъ, что ты будешь имѣть недурную наружность.

Желая блеснуть умомъ и серьезностью, я кашлянулъ и хотѣлъ сказать, что наружность не много значить; но матушка точно прочла мою мысль и отвѣтила на нее, продолжая рѣчь свою:

— Хорошая форма имѣеть много привлекательнаго, — сказала она: — въ хорошей формѣ надо стараться имѣть и хорошее содержаніе, — иначе она красивая надпись на дурномъ товарѣ. Ты, впрочемъ, очень счастливъ — рано испыталъ несчастіе: я увѣрена, что оно дало тебѣ хорошій урокъ.

Это меня ужасно тронуло, и я еще жарче принялъ къ матушкинымъ рукамъ и на нихъ изъ глазъ моихъ полились обильныя слезы.

— Ты не плачь,—продолжала матушка нѣжнымъ и ласковымъ, но какъ будто нѣсколько дѣловымъ тономъ: — тебѣ теперь нужны не слезы, а душевная бодрость. Ты лишень самаго величайшаго блага — правильнаго образованія, но Богъ милосердъ: можетъ-быть, мы не только ничего не потеряемъ, а даже выиграемъ. А о томъ, что ты потерялъ нѣсколько правъ или служебныхъ привилегій—не стоить и думать. Все дѣло въ облагороженіи чувствъ и просвѣщеніи ума и сердца, чего мы съ тобою и станемъ достигать, сынъ мой, и въ чемъ намъ, надѣюсь, никто не помѣшаетъ.

Я вздрогнулъ: это были почти тѣ же самыя слова, какія я слышалъ въ Твери отъ сестры Волосатина, которой я написалъ и послалъ свое глупое письмо. Недавистное воспоминаніе объ этомъ письмѣ снова бросило меня въ краску, и я, продолжая стоять съ поникшею головою передъ моею матерью, долженъ былъ дѣлать надъ собою усиліе, чтобы понимать ея—сначала безъ всякаго труда до глубины души моей проникавшія—рѣчи.

А матушка все продолжала ласкать меня своею рукою по лицу и по головѣ—и въ то же время излагала мнѣ, что ею уже предпринято для того, чтобы прерванное образованіе мое не остановилось на этомъ перерывѣ, и что она еще намѣрена сдѣлать въ этихъ же цѣляхъ. Передо мною открывался обширный и обстоятельно обдуманый планъ, который показывалъ мнѣ, что я жестоко ошибался, почитаая себя уже совсѣмъ вырвавшимся на волю,—и въ то же самое время этотъ планъ знакомилъ меня съ такою стороною ума и характера моея матери, какихъ я не видалъ до сихъ поръ ни въ одномъ человѣкѣ и уже никакъ не подозрѣвалъ въ моея маман, при мечтахъ и размышленіяхъ о которой передо мною до сихъ поръ обыкновенно стояли только нѣжная заботливость и доброта. Тѣдучи къ ней изъ корпуса, я хотя и не былъ намѣренъ отвергать ея материнскаго авторитета, но все-таки въ сокровѣннѣйшихъ своихъ мечтахъ я лелѣялъ мысль, что мы съ нею встрѣтимся и станемъ жить на равной ногѣ, даже пожалуй съ нѣкоторымъ перевѣсомъ на мою сторону, такъ какъ я *мужчина*. Теперь на дѣлѣ, на первыхъ же порахъ, выходило совсѣмъ другое: я видѣлъ, что я еще мальчикъ, судьбою котораго намѣрена властно распорядиться хотя очень добрая и попечительная, но въ то же время неуклонно-твердая воля.

Матушка сообщила мнѣ, что, приѣхавъ мѣсяць тому назадъ въ Кіевъ, она уже устроила, что дядя дастъ мнѣ мѣсто въ своей канцеляріи, но что это мѣсто будетъ, разумѣется, самое незначительное и по моимъ обязанностямъ, и по вознагражденію, которое я буду получать за мою службу.

— Но это и справедливо, и прекрасно, — говорила она, поднявъ меня съ полу и занявшись приготовленіемъ для меня чая изъ чистенькаго томпаковаго походнаго самовара моего отца—самовара, который я очень хорошо помнилъ и который теперь принесла очень опрятно одѣтая пожилая женщина въ темномъ платьѣ и въ бѣломъ чепцѣ. — Это *справедливо*, — продолжала матушка: — потому что ты, не будучи подготовленъ ни къ какой полезной дѣятельности, не можешь претендовать на лучшія мѣста, которыя должны принадлежать достойнѣйшимъ; и это *прекрасно*, потому что при незначительныхъ обязанностяхъ по службѣ у тебя будетъ оставаться много времени на полезныя занятія для обогащенія свѣдѣніями твоего ума и развитія твоего сердца.

Въ способахъ достиженія этого развитія и обогащенія матушка явилась такою же основательною, какъ и во всемъ томъ, что я отъ нея уже слышалъ. Усадивъ меня сбоку отъ себя за столъ, къ корзинкѣ съ булками и стакану чаю, она сообщила мнѣ, что, уладивъ мое поступленіе на службу (къ чему я былъ обязанъ при моемъ исключеніи изъ корпуса), она обратилась къ свѣдующимъ людямъ, съ помощью которыхъ такъ же тихо и благонадежно устроила для меня возможность заниматься науками. Она сказала мнѣ, что и самый городъ Кіевъ она выбрала для нашего житія, во-первыхъ, потому, что не хотѣла, чтобы я проводилъ юность между чужеземнымъ населеніемъ въ Лифляндіи, которая хотя и была ея родиной, но для меня не годится. Матушка высказала, что, будучи сыномъ русскаго человѣка, я долженъ возрасти и воспитаться въ преданіяхъ и симпатіяхъ русскаго края; а потомъ она указала вторую причину выбора Кіева: эта причина заключалась въ томъ, что здѣсь есть университетъ, который она назвала источникомъ свѣта, проливающимъ свои лучи на все, что становится въ возможной къ нему близости.

И все это слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя и не совсѣмъ ясно понималъ, какое просвѣтительное вліяніе можетъ имѣть университетъ чрезъ одно пребываніе съ

нимъ въ болѣе или менѣе близкомъ сосѣдствѣ... По матушка и это точно сейчасъ же прозрѣла и какъ бы въ скобкахъ разъяснила мнѣ распространеніе въ обществѣ добрыхъ и высокихъ идей посредствомъ обращенія съ просвѣщенными людьми, руководящими образованіемъ университетскаго юношества.

Меня поражала и эта простота и ясность ея взгляда, и ея спокойное *savoir faire*, съ которымъ она все располагала, какъ будто играла по нотамъ. Особенно же меня удивила ея прозорливость, съ какою она словно читала въ умѣ моемъ и тотчасъ снѣшила разъяснить все, что мнѣ было неясно. Но что всего болѣе на меня дѣйствовало — и дѣйствовало благотворнѣйшимъ образомъ — это опредѣленность ея сужденій, полныхъ, точныхъ, основательныхъ, такъ что къ нимъ не нужно было просить у нея никакихъ прибавленій, точно такъ же, какъ отъ нихъ ничего нельзя было бы отнять безъ ущерба ихъ полнотѣ и положительности.

Самыя мельчайшія детали составленнаго ею для меня плана уложены были въ такой незыблемый кодексъ, что совершеніе его въ этомъ родѣ уже, кажется, ничего нельзя было придумать.

Да простить мнѣ читатель (если таковой будетъ у моихъ записокъ), да простить онъ мнѣ, что я ниже этихъ строкъ сейчасъ приведу въ дословномъ изложеніи разговоръ, послѣдовавшій между мною и моею матерью.

Нѣтъ нужды, что въ немъ не будетъ эффектныхъ *crescendo* и *forto*, а все просто и плавно, какъ безстрастный діалогъ. Я его упомянулъ весь, отъ слова до слова, въ теченіе очень многихъ лѣтъ, а это несомнѣнное ручательство, что въ немъ есть *нѣчто* способное вѣзаться въ память.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

— Ты будешь спать вотъ тамъ, — сказала матушка, указавъ мнѣ на небольшую комнату влѣво отъ гостиной, гдѣ мы пили чай: — а вотъ здѣсь направо — точно такая же моя комната. Тутъ все наше помѣщеніе, какимъ мы можемъ располагать, и намъ большаго не нужно, — милліоны людей, гораздо болѣе насъ имѣющіе права на большія удобства, лишены и такихъ. Это очень жалко, но пособить этому не

еть нашихъ силахъ, а притомъ же это, вѣрно, такъ нужно, или такъ угодно Богу.

Она при этомъ слегка наморщила свой античный лобъ и подавила вздохъ, который свидѣтельствовалъ, что она искренно смущается тѣмъ, что у нея съ сыномъ есть для двоихъ три комнатки, между тѣмъ какъ у другихъ, боже насъ достойныхъ, — этого нѣтъ.

Затѣмъ она продолжала:

— Сегодня ты отдохнешь отъ дороги, и мы кое-куда сходимъ: не въ люди, а въ церковь, гдѣ ты долженъ помолиться за своего отца и попросить себѣ благословенія на твои начинанія; потомъ я тебѣ покажу городъ, который имѣетъ очень много интересныхъ мѣстъ и прекрасныхъ видовъ. Позже передъ вечеромъ къ намъ придетъ одинъ мой новый другъ, профессоръ духовной академіи Иванъ Ивановичъ Алтанскій;—это очень умный, скромный и честный человекъ, при которомъ я прошу тебя держать себя въ разговорахъ скромно и разсудительно. Лучше всего говори меньше и больше слушай его: это самое умное правило, сохраняющій которое никогда не кается. Въ десять часовъ Иванъ Ивановичъ отъ насъ уйдетъ: онъ очень аккуратенъ и это его часъ; а онъ такъ благоразуменъ, что не отступаетъ безъ нужды отъ своихъ правилъ. Нынче мы, ради дня твоего приѣзда, позволили себѣ полѣниться, а съ завтрашняго дня и мы будемъ подражать доброму примѣру Ивана Ивановича и начнемъ блюсти свое правило. Мы будемъ вставать не очень рано—не ранѣе семи часовъ. Это вовсе не обременительно, а напротивъ даже здорово, да и ты, я думаю, точно такъ же вставалъ и въ корпусѣ?

— Да-съ, маман,—отвѣчалъ я, кашлянувъ, и эти почти первыя слова, произнесенныя мною въ домъ моей матери, прозвучали такъ младенчески робко, что я даже сконфузился дѣтскою интонаціею, съ которою ихъ выговорилъ, и снова откашлялся, стараясь показать, что ребячливость моего голоса произошла отъ случайности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣжить гортань на случай умѣстнаго произнесения поваго слова.

— Вотъ и прекрасно,—продолжала мать:—значитъ, вставанье въ семь часовъ не будетъ для тебя обременительно?

— Нисколько, маман.

— Въ полчаса ты окончишь свой туалетъ...

— О, маман, даже гораздо скорѣе.

— Въ излишней поспѣшности нѣтъ нужды, да и въ ней мало толку. Нужно дѣлать все въ свое время, тогда у человѣка достанетъ времени все сдѣлать умно и спокойно. Въ половинѣ восьмого мы, стоя вмѣстѣ, прочтемъ главу изъ нѣмецкой библіи. Это моя всегданняя лютеранская привычка съ дѣтства, которую я удержала и принявъ православіе. Къ тому же это будетъ тебѣ нѣкоторою практикою въ нѣмецкомъ языкѣ, который ты долженъ знать какъ изъ уваженія къ національности твоей матери, такъ и потому, что онъ имѣетъ обширную и едва ли не лучшую литературу...

— Но, маман, — перебилъ я, покраснѣвъ отъ своей смѣлости: — развѣ вы православная? (Я зналъ, что мать моя при жизни отца была лютеранкой — и дѣйствительно очень изумился, когда она упомянула вскользь о своемъ православіи).

— Да, — отвѣчала матушка: — Богъ одинъ и христіанство полно и совершенно въ ученіи всѣхъ церквей, — но крайней мѣрѣ, я имѣю такое мнѣніе объ этомъ предметѣ, — но я нашла, что матери все-таки гораздо удобнѣе исповѣдывать ту вѣру, въ ученіи которой она должна воспитать своихъ дѣтей. Я православная потому, что такимъ долженъ быть ты. Но это мое дѣло, а мы будемъ знакомиться съ нашимъ уставомъ, которому я положила слѣдовать. Окончивъ чтеніе библіи, мы будемъ пить нашъ чай; потомъ девятый часъ пройдетъ въ занятіяхъ греческимъ языкомъ, который очень интересенъ и изученіе котораго тебя, конечно, чрезвычайно займетъ. Отъ девяти до десяти мы будемъ заниматься исторіей, — я хочу провѣрить твои знанія, и за этимъ же легкимъ предметомъ ты немножко отдохнешь отъ перваго урока. Затѣмъ одиннадцатый часъ отдадимъ латинскому языку и потомъ будемъ завтракать, послѣ чего ты будешь ходить на службу. Чтѣ ты тамъ будешь дѣлать въ канцеляріи — я этого, конечно, не знаю, но старайся, разумѣется, все, чтѣ тебѣ поручатъ, дѣлать усердно и аккуратно. Я думаю, что ты будешь просто переписывать какія-нибудь бумаги. Ничего, не пренебрегай и этимъ; все, чтѣ человѣкъ себѣ усвоилъ, ему на что-нибудь пригодится, особенно же тебѣ практика въ письмѣ можетъ быть очень полезна. Сколько я могла замѣтить по твоимъ письмамъ, у

тебя довольно неразборчивый почеркъ, а это очень дурно и невѣжливо: благовоспитанный человѣкъ всегда долженъ писать такъ, чтобы чтеніе его письма не затрудняло читающаго. Или ты, можетъ-быть, только ко мнѣ такъ небрежно писалъ?

— Мамап, какъ вы это можете думать?!

— Нѣтъ, я этого и не думаю, а я только провѣряю тебя. Извини меня: вѣдь давно не видались. Но я продолжаю: въ три часа ты будешь возвращаться — и это будетъ часъ нашего обѣда; потому ты имѣешь цѣлый часъ въ твое собственное распоряженіе. Въ пять часовъ будетъ приходиться Иванъ Ивановичъ, и у васъ съ нимъ начнется урокъ по математикѣ и по всѣмъ другимъ наукамъ, въ которыхъ я не могу быть тебѣ полезна. По его словамъ, тебѣ не тяжело будетъ заниматься два часа, а онъ такой знатокъ въ этомъ дѣлѣ, что его во всемъ надо слушаться. Притомъ же онъ такъ талантливо преподаетъ, что мнѣ будетъ большимъ удовольствіемъ присутствовать при вашемъ урокѣ.

— О, мамап, вы такъ милостивы! — пролепетала я, чувствуя, что у меня горять уши и заплетается языкъ отъ страха передъ этой строгой программой ожидающей меня развѣренной и развѣшенной жизни.

Но матушка отклонила отъ себя мою благодарность и сказала, что она намѣрена это дѣлать для себя самой, потому что не знаетъ лучшаго удовольствія, какъ учиться.

Впоследствии я узналъ, что въ этомъ случаѣ она говорила мнѣ правду только отчасти; то-есть, она дѣйствительно любила учиться, но главная ея цѣль присутствовать при всѣхъ моихъ занятіяхъ заключалась въ поощреніи меня къ тѣмъ довольно утомительнымъ трудамъ, на которые она меня обрекала.

А труды эти были еще не всѣ исчислены: у нея еще былъ *supplément* моего дня, который она оставила pour la bonne bouche. *Supplément* этотъ заключался въ томъ, что въ восьмомъ часу къ намъ будетъ ежедневно заходить дочь моего профессора Ивана Ивановича, молодая дѣвушка Хариточка, о которой мамап отозвалась съ необыкновенною теплотою, какъ о прелестнѣйшемъ во всѣхъ отношеніяхъ созданіи.

— Она здѣсь по сосѣдству беретъ отъ семи до восьми часовъ урокъ музыки и пѣнія, — объяснила мамап: — а по-

томъ заходить ко мнѣ — и мы съ нею часть занимаемся англійскимъ языкомъ, что мнѣ доставляетъ большое удовольствіе, потому что мой маленькій другъ Харита — очаровательнѣйшее дитя и притомъ занятіе съ нею мнѣ доставляетъ практику въ англійскомъ языкѣ, который я, ни съ кѣмъ не говоря на немъ, могла бы рисковать позабыть. Теперь, — добавила матушка, — я надѣюсь, этотъ рискъ немножко уменьшится, потому что ты за компанію съ Харитой, конечно, захочешь быть моимъ вторымъ ученикомъ, и потомъ мы, вѣроятно, скоро найдемъ возможность сдѣлать этотъ языкъ нашимъ домашнимъ разговорнымъ языкомъ вперемежку съ французскимъ, на которомъ будемъ объясняться до обѣда. Если Богъ намъ поможетъ, все это пойдетъ стройно и пресвело, а въ то же время это сблизитъ тебя съ достойнѣйшимъ семействомъ Альтанскаго, который вызвался давать тебѣ почти даровые уроки, потому что онъ не хочетъ брать деьги, а будетъ заниматься съ тобою за мои уроки его дочери. Видишь ли, какъ твоя мать съ Божіею помощію успѣла все это устроить ко всеобщей выгодѣ и удовольствію.

— О, превосходно, тата, превосходно!

— Да; и у насъ еще отъ половины девятаго часа до полуночи всякій день будетъ оставаться цѣлая бездна свободнаго времени для удовольствій. Въ это время Харита намъ всегда что-нибудь сыграетъ на фортепiano... Ты узнаешь его или нѣтъ, нашъ старый фортепiano? онъ довольно пожилъ и поѣздилъ по свѣту, но еще служить — и мы на немъ себѣ недурно аккомпанируемъ и поемъ сообща маленькіе тріо и романсы. У Ивана Ивановича очень недурной баритонъ, а у тебя, вѣроятно, тоже найдется какой-нибудь голосокъ, потому что... у твоего отца былъ прекрасный голосъ, а ты во всемъ на него похожъ. Но если бы и не такъ, для домашняго пѣнія въ своемъ кружкѣ можно пѣть и съ незначительнымъ голосомъ, — тутъ все дѣло въ нѣкоторомъ умѣнны, а я въ этомъ кое-что смыслю и помогу тебѣ. Въ десять часовъ наши гости обыкновенно уходятъ къ себѣ: Иванъ Ивановичъ готовится къ лекціямъ, а Харита распорядится хозяйствомъ, такъ какъ она, бѣдняжка, имѣла несчастіе годъ тому назадъ осиротѣть послѣ смерти матери. Мы же съ тобой съ этихъ поръ вольные казаки: ты мнѣ часокъ считаешь какою-нибудь русскую

повѣсть или романъ, а въ одиннадцатъ мы разоидемя по своимъ комнатамъ, чтобы часъ передъ своимъ имѣть время обдумать проведенный день и написать, если нужно, какія-нибудь письма нашимъ далекимъ друзьямъ, которыхъ не можемъ видѣть. Видь у тебя, надѣюсь, завязаны какія-нибудь связи съ лицами, переписка съ которыми можетъ доставить тебѣ удовольствіе?

Это былъ ужасный вопросъ, при которомъ я, разумѣется, сію же минуту вспомнилъ мое борзенское посланіе къ тверской барыниѣ, и хотѣлъ бы провалиться сквозь землю.

— Mais oui, mais comment donc, mais sans doute, maman... то-есть нѣтъ, маман... я никому не общалъ,— пролетѣла я, краснѣя и туня въ столь глаза, со страхомъ, что моя мать прочтетъ въ нихъ безпощадный мой позоръ и безчестіе.

Но—увы!—весь этотъ маневръ былъ совершенно напрасенъ: чѣмъ я тщательнѣе старался быть скрытнымъ, тѣмъ легче и яснѣе читала мать сокровенную тайну души моеи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Матушка, разумѣется, не могла точно отгадать характера моихъ корреспондентныхъ чудотвореній любовнаго характера, но ясно видѣла, что простой вопросъ ея смутилъ меня,—и я чувствовалъ, какъ ея умный, проникательный взглядъ упалъ на мое лицо и пронзилъ меня до самаго сердца, запывшаго и затрениваемаго отъ страха: что если моя пошлая выходка какъ-нибудь откроется... Что если матушка узнаетъ, что я влюбленъ... или былъ влюбленъ, потому что теперь уже во мнѣ не оставалось и слѣда моеи любви къ тридцатилѣтней тверской барыниѣ, а все существо мое было поглощено и проникнуто страхомъ и благоговѣніемъ къ другой женщиѣ, которая шестнадцать лѣтъ тому назадъ дала мнѣ бытіе и теперь давала мнѣ *жизнь*.

Однако безмѣрное материнское милосердіе смилостивилось надо мною,—и матушка, не предлагая мнѣ никакого новаго вопроса о корреспонденціяхъ, замѣтила только, что переписка—очень важная вещь и притомъ вещь очень полезная, ибо ею поддерживаются отношенія съ людьми и, кромѣ того, она лучше всего способствуетъ къ приобрѣтенію навыка къ хорошему изложенію своихъ мыслей.

Съ этимъ маман встала изъ-за стола, за которымъ пошла меня чаемъ; а я, чтобы оторвать разговоръ отъ тягостной для меня темы о перенискѣ, посиглилъ вильнуть въ сторону и освѣдомиться: чего же будутъ стоить мои уроки латинскаго и греческаго языка?

— А ничего, кромѣ одного нашего добраго желанія,— отвѣчала мать, покрывая полотенцемъ чайную никатулку, въ которую замкнула ложечки.

— Какъ ничего, маман? кто же будетъ меня даромъ учить по-латыни и по-гречески?

— Пока ты не выучишься этимъ языкамъ больше меня, я сама буду съ тобою ими заниматься.

— Вы, chère maman!

— Mais oui, moi-même, mon fils. Что же это тебя такъ удивляетъ?

— Маман... простите меня... по развѣ дамы знаютъ по-латыни и по-гречески?

— Да, которыя учились—тѣ, я думаю, знаютъ.

— А вы развѣ учились, маман?

— Навѣрно.

— И этого не думалъ... я не помню, чтобы вы знали по-латыни и по-гречески.

— Ты и не можешь этого помнить, потому что я училась имъ въ самые послѣдніе годы въ Лифляндіи. У меня тамъ почти не было никакого дѣла,—и я, чтобы не скучать, нашла удовольствіе заниматься двумя этими языками, которые теперь, кромѣ удовольствія знать ихъ, доставляютъ мнѣ и пользу: я могу имъ выучить тебя, а это не шутка—такъ какъ безъ нихъ передъ тобою никогда бы не открылся во всей полнотѣ прелестный классическій міръ съ его нерушимыми образами и величавымъ характеромъ его жизни.

— Но, маман, вѣдь это такая ученость!

— Совсѣмъ нѣтъ: знаніе языковъ отнюдь еще не ученость, а только средство къ достиженію учености, которую, если мнѣ поможетъ Богъ и твое усердіе, я хочу дать тебѣ въ неизмѣнное утѣшеніе твоей жизни.

И съ этими словами матушка удалилась въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу, а я подошелъ къ окну и сталъ, отуманенный и оглушенный всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ, слышалъ, понималъ и предчувствовалъ.

Гдѣ этотъ корпусъ, его казарма, Кирилль, моя тверская любовь, «Пьяная балочка», утопленникъ Кнышенко и палачъ Пенькиновскій, и отецъ Дюдоръ съ его дамою и рахатъ-лукумомъ?—Все это точно было уже Богъ знаетъ какъ давно, да даже всего этого какъ будто бы и совсѣмъ не было. Трезвая рѣчь моей доброй матери, каждое слово которой дышало такою возвышенною и разумною обо мнѣ попечительностію и заботою, была силлоамскою купелью, въ которой я окунулся и сталъ здоровъ, и бодръ, и чистъ, какъ будто только слетѣлъ въ этотъ міръ изъ горнихъ міровъ, гдѣ не водятъ медвѣдей и не говорятъ о хлѣбѣ, ни о винѣ, ни о палачахъ, ни о домахъ, для счастья которыхъ нуженъ рахатъ-лукумъ, или «рогатый кумъ», какъ мы его называли въ своемъ корпусѣ. На меня отовсюду вѣяло здоровымъ стремленіемъ къ пеутомимой, энергической дѣятельности и любовью къ созерцательной мудрости, и чистый источникъ всего этого было столь близкое мнѣ существо, какъ моя мать. Боже мой, какъ я ею гордился! О, какъ я ее буду любить и лелѣять! Она была несчастлива: я это помню; но зато теперь... Душа моя вскигнула высочайшимъ восторгомъ, въ горлѣ какъ клубокъ шевельнулись спазмы,—и я, не удержавшись, громко зарыдалъ и, услыжавъ за собою шаги моей матери, бросился передъ нею на полъ—и, обнявъ ее колѣни, облилъ ноги ея моими чистыми покаянными слезами, какихъ не могъ добыть ни въ борзенской канавѣ, ни въ нѣжинскомъ монастырѣ.

Магушка подняла меня съ полу, заставила выпить стаканъ воды, потомъ нѣжно прижала меня къ груди и, подѣловавъ въ лобъ, сказала:

— У тебя есть сердце: это меня радуетъ; но этого еще мало, чтобы не дѣлать зла.

— Что же нужно, маман? Дайте мнѣ все то, что нужно, чтобы не сдѣлать никому никакого зла.

— Проси объ этомъ Его!—отвѣчала мать и, указавъ на небо, велѣла подать себѣ руку.

Мы выпили *подъ руку*, какъ пара совершенно равныхъ другъ другу людей. Мой ростъ уже совершенно позволилъ мнѣ вести ее *подъ руку*: я былъ кавалеръ, она моя дама,—и вспоминая теперь всю прошедшую жизнь мою, я увѣренъ, что рука моя, на которую впоследствии опиралось не мало дамъ, никогда уже не вела женщины столь возвышенной и

прекрасной—несмотря на тогдашнія тридцать шесть лѣтъ, которыя имѣла моя превосходная мать.

Начавъ мое цѣленіе на колѣняхъ передъ нею, съ глазами опущенными внизъ, я теперь шелъ съ нею успокоенный и твердый, устремляя очищенный слезами взглядъ на небо съ непоколебимою вѣрою, что для меня будутъ отверсты сферы наивысшаго и наилучшаго счастья, потому что со мною, какъ съ Товіемъ, идетъ мой Рафаиль, который научитъ меня достать желчь, нужную для просвѣтленія мысленныхъ глазъ моихъ.

Но было уже одно проклятое, ненавистное обстоятельство, которое и въ эти минуты смущало, томило и даже просто угнетало меня: это обстоятельство опять-таки заключалось въ томъ же роковомъ борзенскомъ письмѣ, котораго неотвизное предчувствіе заставляло меня страшно бояться и, какъ ниже увидимъ, совершенно справедливо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Когда мы съ матушкой вышли для первой прогулки моей по Кіеву, день былъ пасмурный, но очень тихій и пріятный. На зданіяхъ и на всѣхъ предметахъ лежалъ мягкій и теплый сѣрожелтоватый колоритъ. Все имѣло свой цвѣтъ, но, какъ говорятъ живописцы, все по колерамъ было точно слегка *протерто* умброю.

Мы зашли въ Софійскій соборъ, гдѣ я впервые увидѣлъ мощи и приложился къ нимъ вмѣстѣ съ матерью. Тутъ же мы осмотрѣли гробъ Ярослава и древніе фрески, которые только тогда очищали отъ слоя штукатурки и реставрировали. Изъ Софійскаго собора мы прошли на террасу Андреевской церкви. Я пришелъ въ безумный восторгъ отъ легкаго фасада этого граціознаго храма, и особенно отъ вида, который отсюда открывается на Подоль и пологую часть заднѣпровья. Отсюда мы зашли въ Трехсвятительскую церковь, по преданіямъ строенную еще до принятія Владиміромъ христіанской вѣры, и потомъ перешли въ Михайловскій монастырь.

Здѣсь матушка направилась въ очень темный уединенный уголокъ подъ арками и, вставъ на колѣни, сказала мнѣ:
— Помолись о твоёмъ отцѣ.

Мы помоллись тихо, но, мнѣ кажется, очень усердно, хотя намъ никто не пѣлъ ни панихиды, ни молебновъ.

Я замѣтилъ это, но не подалъ матери никакого знака— и хорошо сдѣлалъ: впоследствии я скоро убѣдился, что, принявъ православіе, она удержала въ себѣ очень много лютеранскаго духа. Но о вѣрованіяхъ матушки еще придется говорить гораздо пространнѣе, а потому на этомъ остановимся.

Окончивъ свое паломничество, мы отправились къ католической горѣ, откуда открылся новый превосходный видъ на другую часть города и Днѣпра.

Матушка безпрестанно рассказывала мнѣ значеніе каждой мѣстности и каждаго предмета, при чемъ я могъ убѣдиться въ большомъ и весьма пріятномъ, живомъ знаніи ея исторіи, что меня, впрочемъ, уже не удивляло, потому что я, проведя съ нею два часа, получилъ непоколебимое убѣжденіе, что она говоритъ только о томъ, что основательно знаетъ.

Поворачивая съ площадки къ небольшому спуску, который велъ къ стоявшему тогда на Крещатикѣ театру, мы на полугорѣ повстрѣчали молодую дѣвушку въ сѣромъ платьѣ, завернутую въ большой мягкій пушистый платокъ. На темнорусой головкѣ ея была скромная шляпочка, а въ рукѣ длинный черный шелковый зонтикъ, на который она опиралась и шла тихо и какъ будто съ усталостью.

Не знаю, почему она обратила на себя мое большое вниманіе, но это вниманіе еще болѣе увеличивалось, когда я замѣтилъ, что она намъ улыбается и что на ея улыбку такую же улыбкою отвѣчаетъ моя мать.

Наконецъ мы встрѣтились—и дѣвушка, не кланяясь матери и не говоря ей никакого привѣтствія, прямо спросила:

— Дождались?

— Какъ видишь, мой другъ,—отвѣчала, кивнувъ на меня головою, матушка, и онѣ обѣ подали другъ другу руки, при чемъ дѣвушка поднесла руку матери къ своимъ губамъ и поцѣловала ее, а потомъ протянула свою ручку мнѣ и съ прелестной, ласковой улыбкой молвила:

— Мы съ вами непременно должны подружиться: я люблю вашу маму, какъ родная дочь, и хочу, чтобы вы любили меня, какъ сестру.

Я очень неловко поклонился и еще неловче пожалъ данную мнѣ ручку въ темной перчаткѣ.

— Это мой молодой другъ, дочь профессора Ивана Ива-

новича Альтаискаго, о которой я тебѣ говорила, — сказала мать.

— А вы уже успѣли обо мнѣ говорить? — подхватила, улыбаясь, дѣвушка, и тотчасъ же, оборотясь ко мнѣ, добавила: — Катерина Васильевна такъ меня избаловала, что я боюсь забыться и начать думать, что я въ самомъ дѣлѣ достойна ея вниманія; но вы, какъ мой непремѣнный другъ и нареченный братъ, пожалуйста, спасайте меня отъ самообольщенія и щупайте за мои пороки, которыхъ во мнѣ ужасная бездна.

— Напримѣръ? — спросила, нѣжно и съ наслажденіемъ на нее глядя, мать.

Дѣвушка разсмѣялась и, сдвинувъ почти прямолинейно-лежавшія густыя темныя брови, проговорила:

— За примѣромъ ли дѣло? вотъ первый примѣръ: моя невоздержность: я хожу по воздуху, когда мнѣ позволено выходить только въ солнечные дни. Это гадко

— А зачѣмъ ты это дѣлаешь, Харита?

— Ужасно скучно, — отвѣчала она, и по молодому лицу ея точно пробѣжало облако, но сейчасъ же развѣялось, и дѣвушка, улыбаясь, отнеслась ко мнѣ со словами: — видите, какая я пустая: жалуясь на скуку и сама смѣюсь. Вы, однако, не торопитесь дѣлать заключенія, что я сумасшедшая. Когда вы познакомитесь съ нашей прекрасной малороссійской поэзіей, на чемъ я по праву дружбѣ буду непремѣнно настаивать, то вы увидите, что тутъ нѣтъ необходимости: у насъ воспѣваютъ такъ «лихо», которое «смѣется». А впрочемъ, я не задерживаю васъ, — прощайте до вечера.

Она пожала намъ руки и пошла въ гору, къ монастырю, а мы внизъ къ Крещатику, но матушка, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась и оборотилась назадъ.

Альтаиская была отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, и тоже, словно по какому-то предчувствію, оборотилась — и онѣ перемолвились съ моею матерью молчаливыми взглядами, изъ которыхъ я тогда не поцѣль ничего.

Лицо матери* выразило неудовольствіе и даже гнѣвливость.

— Неужто ничего? — спросила съ негодованіемъ мать.

— Ни-ч-е-го, — отвѣчала, растягивая слово, дѣвушка и, улыбнувшись, добавила: — ничего, Катерина Васильевна, ничего, да и не будетъ ничего.

Последнія слова она проговорила скоро и, кивнувъ намъ

головкой, быстро завернулась и пошла торопливой походкой дальше.

По мѣрѣ того, какъ она поднималась на гору, легкой, едва замѣтный вѣтерокъ обхватывалъ ее крѣпче и, приминая покрывавшую ее сѣрую пушистую шаль къ ея молодому, стройному тѣлу, обрисовывалъ ея фигуру мягкими плавными линиями, благодаря которымъ контуръ точно сливался съ воздухомъ и исчезалъ въ этомъ сліяніи.

— Это она, маман?—спросилъ я, когда мы пошли своей дорогой.

— Да, она,—отвѣчала съ нѣкоторой сухостью мать.

— Харит... то-есть, однако, какъ же это, маман, ея настоящее имя?

— Харитина... Харитина Ивановна.

— Харитина!

— Да.

— Возможно ли это, маман?

— А почему же нѣтъ?

— Такая прекрасная дѣвушка...

— Ну—и что далье?

— И между тѣмъ... такое имя!

— Какое же? чѣмъ оно тебѣ не нравится?

— Оно тривиально.

— Тривиально? Нимало; ты, вѣрно, не то хотѣлъ сказать.

— Нѣтъ, маман, я именно хотѣлъ сказать это самое.

— Ну, тогда мнѣ должно будетъ пожалѣть, что ты употребляешь слова, не понимая ихъ значенія. Объясни мнѣ, что выражается словомъ «тривиально».

Я не могъ этого объяснить и молчалъ. «Не хорошо, гадко, простонародно, неблагозвучно,—думалъ я,—но все это было не то, что я разумѣлъ подъ словомъ «тривиально», значенія котораго, дѣйствительно, не понималъ.

— Вотъ видишь ли, какъ опасно говорить о томъ, чего обстоятельно не знаешь,—сказала матушка, и, объяснивъ мнѣ происхожденіе латинскаго слова «trivialis» въ смыслѣ чего-то пошлаго и безпрестанно встрѣчающагося, добавила, что имя Харитина въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе тривиально, чѣмъ множество другихъ безпрестанно намъ встрѣчающихся именъ.

Тогда я, желая поправиться и точнѣе выразить свою мысль, сказалъ, что имя Харитина, по моему мнѣнію, неблагоприятно.

говзвучно, но матушка доказала мнѣ, что это имя хорошо и по смыслу, который въ себѣ заключаетъ, и пріятно по звучности.

— Х-а-р-и-т-и-н-а!— произнесла она эллинскимъ произношеніемъ, такъ что буква *и* послѣ *р* слилась въ ея устахъ въ гортанный *эй*:—прекрасный звукъ, а значеніе еще лучшее; Харитина значитъ *полна благодати*. Для такой неогнѣнной дѣвушки, какъ та, которую мы встрѣтили, я бы затруднилась выбрать лучшее имя, способное полнѣе выражать ея свойства. Въ уменьшительной же и въ ласкательной формѣ здѣсь въ Малороссіи изъ этого имени дѣлаютъ *Христя*,—это ужь просто прелестно.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ хорошо,—отвѣчалъ я, начиная чувствовать, что имя Харитина въ самомъ дѣлѣ получило для меня съ материнныхъ словъ совсѣмъ другой вкусъ и ароматъ.

— Эге! да ты уступчивъ, это прекрасно, спорливость—черта удаляющая человѣка отъ истины. Но сознавшись, сибши же брать назадъ слово, а то это сознаніе будетъ мало полезно.

— Беру, маман, и даже охотно беру, но только позвольте мнѣ еще предложить вамъ одинъ вопросъ—опять объ именахъ же. Она... эта дѣвушка назвала васъ два раза Катериной Васильевной. Чтѣ это значитъ, маман?

— Не все ли равно, что Катерина Васильевна, или Каролина-Вильгельмина?—перебила матушка:—для тебя мое имя просто *мать*.

И послѣ этихъ словъ она заговорила со мною опять о городѣ. Ориентируя меня по отношенію къ болѣе интереснымъ мѣстамъ, она показала мнѣ гдѣ садъ, гдѣ лежитъ мой путь въ канцелярію, гдѣ почта—и при послѣднемъ указаніи добавила:

— Идучи на службу, ты будешь заходить на почту отдавать мои письма—это немножко облегчитъ нашу Бригиту, у которой съ твоимъ пріѣздомъ прибавляется дѣла.

И, разумѣется, изъявиль радостное согласіе править эту почтовую службу—и мы, завершивъ большую прогулку, возвратились домой, гдѣ насъ ждалъ въ средней комнатѣ накрытый на два прибора столъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ скромныхъ, но вкусныхъ блюдъ, и яблока вмѣсто десерта. За столомъ намъ служила та же Бригита, то-есть та же

женщина въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, которая принесла самоваръ въ минуту моего прѣзда и которая была нашей кухаркой и горничной.

Послѣ обѣда матушка удалилась въ свою комнату и, сѣвъ въ старое глубокое кресло, закрыла пальцами рукъ глаза,— я не могъ понять, погрузилась ли она въ тихій сонъ, или въ глубокую думу; но успѣвши воспользоваться минутою свободы, чтобы удовлетворить образовавшейся за дорогу страстишкой покурить. Я тихонько зажигаю папироску и долго простоялъ съ нею у открытой форточки, а потомъ почувствовалъ неодолимый позывъ ко сну и, прислонясь къ подушкѣ, мгновенно уснулъ. Я спалъ глубоко и крѣпко, но, казалось, сквозь сонъ слышалъ, какъ мать входила въ мою комнату и, притворивъ форточку, разгоняла что-то по воздуху носовымъ платкомъ. Отъ этого представленія ко мнѣ привязалось какое-то безнокойное сновидѣнiе, подъ напѣиемъ котораго я и проснулся. На дворѣ было уже темно, но въ мою комнату по полу ползло откуда-то густое, желто-пунцовое освѣщенiе. Сначала я не могъ понять, что это за свѣтъ, но потомъ отгадалъ, что это, вѣроятно, гдѣ-нибудь топится печка.

Тишина была мертвая: ни шелеста, ни звука,—такъ что мнѣ даже стало страшно, и я, осторожно спустившись съ постели, началъ осматриваться.

Въ простомъ кирпичномъ каминѣ, который былъ устроенъ въ матушкиной комнатѣ, ярко горѣли дрова—и отъ нихъ-то и шло то пунцовое пламя, которое, пробѣгая черезъ всю пашу зальцу, тушевалось концомъ свѣта по полу моей комнаты. На этотъ счетъ я не ошибся, но что касается самаго характера окружающаго меня безмолвiя, то я не разгадалъ его: это не была *мертвая тишина*, а напротивъ это было безмолвiе глубокаго чувства и живой грусти, которыхъ я, однако, не могъ понять, хотя и видѣлъ ихъ въ образѣ очень граціозной и одухотворенной группы.

Матушка сидѣла передъ огнемъ въ своемъ креслѣ и, опустивъ книзу глаза, грустно смотрѣла на ярко освѣщенную огнемъ голову Хариты, которая полулежала на разостланной у ногъ матери на полу козьею шкурѣ, и, обхвативъ руками матушкины колѣна, прислонилась къ нимъ головою. Мнѣ было какъ нельзя лучше видно все ея лицо, обращенное въ ту сторону, откуда я наблюдать ее. Свѣтъ падалъ

на обѣ эти фигуры неровно: опущенное книзу лицо матушки было въ мягкомъ спокойномъ полутонѣ, межъ тѣмъ какъ голова и вся фигура Альтанской точно горѣли въ огнѣ. Однѣ ея ноги, уходя къ рамѣ камина, терялись и точно будто исчезали въ тѣни.

Не было ли это освѣщеніе прообразованіемъ того, что происходило тогда въ сердцахъ этихъ двухъ существъ, одного уже полуетстрадавшаго и гаснущаго, а другого полного жизненнаго разгара, но уже во всю мочь сердца вкушающаго священную сладость страданія.

Онѣ ничего между собой не говорили; но, какъ мнѣ показалось, обѣ онѣ вмѣстѣ думали объ одномъ и томъ же. Стоя въ молчаніи у своей двери, я хорошо видѣлъ ихъ лица, — и былъ пораженъ тѣмъ, что при первой встрѣчѣ съ Альтанскою не замѣтилъ ея прекрасной, характерной красоты. Изъ всего ея лица я тогда разсмотрѣлъ только большіе сѣрые глаза съ длинными черными рѣсницами и черныя же прямолинейныя брови. Теперь я видѣлъ весь овалъ ея немножко продолговатаго лица и пораженъ былъ строгою гармоничностью его линий и горячо-блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ щекъ, по которымъ, какъ брильянтъ, искрились и играли передъ огнемъ двѣ слезинки.

«Какъ она прекрасна и о чемъ она можетъ такъ грустить и плакать? Матушка непременно должна все это знать», — думалъ я и тоже во что бы то ни стало хотѣлъ это узнать, съ тѣмъ, чтобы, если можно, сдѣлаться другомъ этой дѣвушки. Вѣдь она сама же просила меня объ этомъ. А я хотѣлъ умереть за нее, лишь бы она такъ не грустила и не плакала.

«Но кто же могъ быть виновникомъ этихъ ея страданій? О, съ какимъ бы удовольствіемъ я сдѣлалъ ему теперь самую невозможную дерзость! Но что онъ и гдѣ онъ?»

Среди этихъ мечтаній, въ продолженіе которыхъ я былъ какъ бы въ легкомъ бреду подъ обаяніемъ темныхъ бровей Хариты, входная дверь въ залу изъ передней отворилась — и на порогѣ ея показалась высокая, немножко сторбленная мягкая фигура въ длиннополомъ сюртукѣ и огромномъ высоко подпирившемъ продолговатую сѣдую голову съ такими же прямолинейными бровями, какъ у Хариты.

«Это ея отецъ! — воскликнулъ я въ себѣ, пораженный

большимъ сходствомъ лица взошедшаго старика съ лицомъ только-что разсмотрѣнной мною дѣвушки.— Не съ нимъ ли мнѣ и придется за нее сражаться? Досадно! это будетъ не совсѣмъ удобно, потому что матушка при мнѣ наговорила этому старику бездну самыхъ лестныхъ похвалъ и избрала его быть моимъ просвѣтителемъ. Однако, посмотримъ. Чтобы быть благороднымъ—не надо ничѣмъ дорожить, кромѣ чести. Семья съ раннихъ лѣтъ зародила во мнѣ эту склонность, корпусное сотоварищество ее воспитало; раннее изгнаніе закрѣпило, а что сдѣлали изъ всего послѣдующія обстоятельства—о томъ рѣчь впереди.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

2

Я жестоко ошибся насчетъ старика Альтанскаго, котораго узналъ съ перваго на него взгляда. Этотъ человѣкъ никого не обижалъ и не могъ ни для кого быть причиною ни малѣйшихъ несчастій.

Матушка загля одну изъ стоявшихъ у нея на каминѣ свѣчъ, а Харита, воскликнувъ: «вотъ и мой старенькій тату пришелъ», кинулась къ нему на плечо—и, нагнувъ къ себѣ его голову за затылокъ, поцѣловала его два раза въ лобъ и въ высокую свѣтлую лысину.

Профессоръ былъ человѣкъ рослый и широкій, но не полный, а скорѣе худой и костистый. При своей нѣсколько высокой и продолговатой головѣ, онъ имѣлъ длинный прямой носъ, немного отвисшую нижнюю губу и очень большіе сѣрые глаза, сильно напоминавшіе глаза дочери. Но что всего болѣе дѣлало ихъ похожими другъ на друга—это та же прямолинейная бровь. Я говорю не *брови*, а именно *бровь*, потому что обѣ брови у профессора соединялись надъ глазами въ одну непрерывную линію. Обыкновенно такія брови придаютъ лицу выраженіе твердое, энергическое и рѣшительное,—и такое выраженіе было у отца и у дочери Альтанскихъ, но только у обоихъ у нихъ оно смягчалось безконечною добротою, которая въ лицѣ отца дышала совершеннымъ младенчествомъ. Въ его глазахъ были даже тѣ свѣтлые блики, которые бывають въ глазахъ у младенцевъ и которые въ глазахъ его дочери перешли въ проникающую лучистость. Ей словно дано было читать въ глубинѣ души другихъ людей, тогда какъ самъ профессоръ смотрѣлъ.

только внутрь самого себя, гдѣ у него былъ богатый складъ наблюденій, опыта и знаній.

Въ обхожденіи старикъ Альтанскій былъ простъ и удивительно открытъ и привѣтливъ. Не успѣла матушка меня ему представить, какъ онъ сію же минуту заговорилъ со мною, точно со стариннымъ другомъ, и притомъ съ такимъ, который во всемъ былъ ему по всему равенъ. Въ разговорѣ, начатомъ непосредственно за его приходомъ и продолжавшемся около полутора часа, я не ощутилъ никакой разницы между его многоученостію и моимъ круглымъ невѣжествомъ. Онъ никого не оспаривалъ и не *проводилъ* никакихъ идей, но все, что при немъ говорилось,—неволью какъ-то выравнивалось и округлялось, но превосходной и совершеннѣйшей формѣ. О предстоящихъ моихъ съ нимъ занятіяхъ онъ не сказалъ ни слова—и даже когда матушка отрекомендовала меня, сказавъ:

— Вотъ вашъ ученикъ.

Онъ, ласково пожавъ мнѣ руку, тихо отвѣтилъ:

— Другъ, а не ученикъ.

Загѣмъ весь остальной разговоръ, сверхъ всякаго моего ожиданія, шелъ о предметахъ, о которыхъ я не имѣлъ тогда никакого понятія; но это Альтанскаго, повидимому, нисколько не смущало. Онъ говорилъ съ матушкою о правительствѣ, къ чему начальный поводъ дало мое исключеніе. Въ словахъ матушки я успѣлъ уловить въ этомъ разговорѣ не мало желчной пропіи, съ которой она отзывалась о правительственной системѣ того времени, а Иванъ Ивановичъ, точно Тацитъ, облегчалъ ея сужденія.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я полуребенкомъ слышалъ эту первую политическую бесѣду, и я бы, кажется, легко могъ про нее позабыть,—но вѣщее пророчество ея, такъ поразительно сбывшееся на моемъ вѣку, не обмануло и мою голову—и тогда-то, при тягостнѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни, я вспомнилъ слова Альтанскаго, и какъ еще вспомнить!

Уходя домой, Альтанскіе упростили матушку дать мнѣ два дня льготы отъ ученія, а съ меня взяли слово завтра утромъ придти къ нимъ. Матушка согласилась и, проводивъ ихъ, спросила меня:

— Мой сынъ! ты, кажется, куришь?

Я сконфузился и потушилъ глаза.

— Къ чему это такъ рано?—продолжала матушка:— я не думаю, чтобы эта бездѣльная привычка портить воздухъ, необходимый для нашего дыханія,—могла приприсить очень много удовольствія; но если уже ты хочешь курить, то, пожалуйста, не скрывайся и кури при мнѣ. Это по крайней мѣрѣ не будетъ тебя приучать дѣлать отъ матери тайны.

«Ужасная вещь!—думалъ я:—бѣдная матушка и въ мышленіи не содержитъ, какія я имѣю отъ нея тайности.»

Я чувствовалъ порядочную усталость, но, улегшись въ постель, не могъ уснуть и все обдумывалъ какой-нибудь планъ, какъ бы загарантировать себя отъ полученія отвѣта на мое посланіе въ Тверь. Я придумалъ идти завтра на почту и подкупить почтальона, чтобы, въ случаѣ полученія письма на мое имя, онъ не приносилъ его мнѣ домой, а оставилъ у себя, пока я не приду за нимъ. Это меня очень успокоило—и я уже хотѣлъ повернуться къ стѣнѣ и заснуть, какъ вдругъ въ это время замѣтилъ, что свѣтъ въ матушкиной комнатѣ еще не погасъ. Сначала мнѣ показалось, что это горитъ лампада, но, вставши и поглядѣвъ въ дверь, я увидалъ, что то горѣла подъ абажуромъ свѣча, передъ которою матушка сидѣла за столикомъ, какъ была одѣтая днемъ, и писала. Прошелъ часъ, огонь не гасъ и писаніе матери не прекращалось. Теперь, настороживъ ухо, я даже слышалъ, какъ быстро скрипѣло въ ея рукѣ перо,—и по непонятному предчувствію это позднее писаніе получило въ моихъ глазахъ какое-то особенно важное значеніе. Я былъ убѣжденъ, что она пишетъ что-нибудь касающееся до меня; но чтò это могло быть такое и къ кому она могла писать? Размышляя объ этомъ и не придя ни къ какому выводу, я заснулъ все при томъ же свѣтѣ, а утромъ, когда матушка, напившись чаю, посоветовала мнѣ сходить засвидѣтельствовать свое почтеніе Алтайскому, я получилъ отъ нея довольно тяжелый запечатанный конвертъ, съ тѣмъ чтобы я зашелъ и отдалъ его на почту.

Порученіе это было мнѣ очень кстати, потому что я, какъ выше сказано, намѣренъ былъ обдѣлать на почтѣ свое собственное дѣло; но мнѣ, однако, это не удалось, потому что, зайдя по дорогѣ къ Алтайскимъ на почту, я на самомъ крыльцѣ почтового дома столкнулся съ Хариотиною Алтайскою. Она тоже пришла сюда отпрavitить письмо,

которое мнѣ очень хотѣлось видѣть для того, чтобы узнать, кому оно посылается. По тѣмъ же предчувствіямъ мнѣ казалось, что письмо, которое было теперь въ рукахъ Альтанской, содержало развязку ея тайны, какъ письмо матери хранило другія тайны.—и я, вынувъ изъ кармана матушкино письмо, прежде чѣмъ отдать его пріемнику, прочелъ: *«Филиппу Кольбергу въ Петербургъ»*.

Что необыкновеннаго можно найти въ такомъ простомъ имени какъ *«Филиппу Кольбергу въ Петербургъ»*, гдѣ такое множество всякихъ *берговъ*?!—но вы не можете себѣ представить, какъ меня поразило это имя и какъ оно мнѣ понравилось. Читая въслѣдствіи письмо Гейне къ автору *Лалла Рукъ*, гдѣ поэтъ говоритъ, что, не зная самаго сочиненія, готовъ признать его превосходнымъ, потому что у него такое прекрасное названіе.—я вспомнилъ, что то же самое было со мною, когда я въ первый разъ узналъ сладостное имя Филиппа Кольберга. Кто могъ быть этотъ человѣкъ, которому не ставятъ на письмо никакого титула, а просто пишутъ одно его короткое имя: *«Филиппъ Кольбергъ»*, тогда какъ всякому человѣку прибавляется хоть *«благородіе»* или хоть *«милостивое государство»*? Неужто онъ не имѣетъ никакого права даже на самый скромнѣйшій изъ нихъ? Неужто онъ просто какой-нибудь ремесленникъ? Но не можетъ быть, чтобы мать моя писала такія большія письма какому-то простому ремесленнику и притомъ... и притомъ я былъ увѣренъ, что имя *«Филиппъ Кольбергъ»* не можетъ принадлежать человѣку малообразованному. Я получилъ неодолимую и притомъ чуждую всякихъ сомнѣній вѣру, что человѣкъ, носящій это имя, долженъ быть какой-то превосходнѣйшій человѣкъ, которому нѣтъ никого подобнаго на свѣтѣ.

Но зато эти размышленія надъ письмомъ, а частію и присутствіе здѣсь дѣвицы Альтанской были причиною, что я не успѣлъ не только переговорить съ почтальономъ насчетъ ожидаемаго мною отвѣта на мое посланіе въ Тверь, а даже совсѣмъ позабылъ объ этомъ неприятномъ обстоятельствѣ и не тревожился имъ, пока оно дало мнѣ себя почувствовать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Всего болѣе въ эту пору меня занимало, что я по глу-

бокому и, какъ послѣ оказалось, совершенно безошибочному предчувствію попалъ въ самый центръ сокровеннѣйшихъ тайнъ двухъ милыхъ мнѣ женщинъ, изъ которыхъ притомъ одна была моя мать.

Правда, что вмѣстѣ съ этимъ открытіемъ (предчувствіи мои я могу считать и не предчувствіями, а проницательностію, и потому выводы этой проницательности принимать за открытія)—и этимъ именно открытіемъ я наносилъ своему сердцу небольшую рану, потому что послѣ вчерашняго вечера созерцанія Харитины Альтанской я уже снова начиналъ чувствовать, что во мнѣ зашевелилось нѣчто подобное тѣмъ возвышеннымъ, конечно, любовнымъ тревогамъ, какія я испыталъ въ Твери. Теперь, когда обнаружилось, что на свѣтѣ несомнѣнно существуетъ кто-то, которому она пишетъ, и притомъ сама собственноручно отправляетъ на почту свои письма,—я видѣлъ необходимость перемѣнить позицію и ужъ строго держаться роли друга, чего мнѣ, признаться сказать, не особенно хотѣлось, такъ какъ Харита была не то что тверская барышня: той было тридцать лѣтъ и она приходилась наполовину меня старше, между тѣмъ какъ этой шелъ девятнадцатый годъ и, стало-быть, я былъ моложе ея только тремя годами. Но, однако, я утѣшался тѣмъ, что буду хранить ея тайну.

Что же относится до тайны матери, то тутъ я предчувствовалъ одно, что тутъ пылаетъ какая-то купина, пламень которой долженъ быть для меня святъ, и сказалъ своему итѣливому уму: «не касайся сего».

Все это я обдумалъ, идучи рядомъ съ Альтанской, которая, овладѣвъ мною, вела къ отцу. Мы шли съ нею въ полномъ молчаніи и не мѣшали другъ другу. Это былъ для меня первый опытъ пріятнаго молчанія, и онъ мнѣ чрезвычайно удался и понравился.

Они жили въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ съ стеклянною галлереею, въ концѣ которой была дверь съ небольшою мѣдною дощечкою, на которой вмѣсто имени профессора значилась слѣдующая странная латинская надпись: «Nisi ter pulsata aperietur tibi porta, honestus abeas», то-есть: «Если по троекратномъ стукѣ дверь тебѣ не отворится, то знай честь и отходи прочь».

Харитина постучала трижды въ эту дверь, она намъ отворилась, и мы вошли въ очень скромное помѣщеніе.

Старый профессор собирался на лекцію, но встрѣтилъ меня очень ласково, наскоро закурилъ съ нами и ушелъ, поручивъ меня попеченіямъ дочери; но блѣдной дѣвушкѣ было, кажется, совсѣмъ не до заботъ обо мнѣ. Она, видимо, перемогалась и старалась улыбаться отцу и мнѣ, но отъ меня не скрылось, что у нея подергивало губы и лицо ея то покрывалось смертною блѣдностью, то по немъ выступали вымученныя синерозовыя пятна.

Простодушный младенческій взглядъ старика, кажется, ничего этого не замѣчалъ въ то время, когда онъ навязывалъ меня на руки дочери, но я былъ гораздо прозорливѣе и практичнѣе и поспѣшилъ какъ можно скорѣе оставить ее въ покоѣ.

Не помню, какой я именно выбралъ предлогъ для того, чтобы ей откланяться,—но она сдѣлала эту выдумку совершенно излишнею. Въмѣсто отвѣта на мое прощанье, она взглянула на меня полными слезъ глазами и, крѣпко стиснувъ мою руку, произнесла по-малороссійски:

— Спасибо вамъ, сердце! Маму вашу поцѣлуйте.

Я понялъ, что Харитина уразумѣла мою деликатность и, оцѣнивъ ее, платить мнѣ трогательнѣйшею откровенностью,—и съ гордымъ спокойствіемъ держалъ мою роль, сказавъ ей прежнимъ спокойнымъ тономъ:

— Прощайте, Харитина Ивановна.

— Ивановна!— отвѣчала она, удерживая мою руку въ своей рукѣ.— Не зовите меня Харитиной Ивановной: нехай я буду для васъ просто ваша Христа.

— Извольте.

— Ну, такъ скажите мнѣ: помилуй тебя Боже, моя милая Христа.

Я повторилъ ей задушевныя слова и поцѣловалъ ее руку.

— Вотъ это такъ—по-нашему,—отвѣчала она и, выпустивъ мою руку, сама дала мнѣ знакъ скорѣе уходить, что я немедленно и исполнилъ, но сейчасъ же снова очутился въ большомъ затрудненіи. Проходя по стеклянной галлерей, я по какому-то невольному побужденію взглянулъ въ окно комнаты, въ которой оставилъ Христа,—и увидалъ, что блѣдная дѣвушка лежала ницъ на полу и, вытянувъ крѣпко схваченныя руки, съ такимъ усиленнымъ удерживала свои рыданія, что ей спину и плечи судорожно вело и коробило,

межъ тѣмъ какъ тонкіе бѣлые пальцы нѣжныхъ рукъ поспѣли и корчились.

Первая мысль моя была вернуться къ ней и помочь ей встать и перейти на постель; потомъ я это отмѣнилъ и хотѣлъ послать къ ней изъ кухни ихъ прислугу; но еще черезъ минуту нашелъ, что и это вѣроятно было-бы ей непріятно. Миѣ показалось, что ся невѣдомое миѣ, гордое, молчаливое горе должно ожесточаться отъ всякаго непрошеннаго и—увы!—всегда безсильнаго участія. Я готовъ былъ самъ зарыдать и, надвинувъ шанку, опрометью выбѣжать на улицу, но которой не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ меня нагналъ мой пріятель Пеньковскій.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Мой грандіозный коллега былъ теперь въ новой, слишкомъ для него просторной, поношенной венгеркѣ съ шурами, въ четырехугольной польской шапочкѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ.

Полный своей скорби за Христію, я хотѣлъ отъ него убѣжать, но это было невозможно.

— Здравствуй, Праотцевъ!—вскричалъ онъ, хватая меня за руку.—Вотъ я думалъ, что мы съ тобой уже совсѣмъ разстались, а между тѣмъ опять привелось...

— Отчего же совсѣмъ разстаться?—отвѣчалъ я, стараясь скрыть свое волненіе.

— А такъ, братъ... знаешь, у насъ того... Э, да ты, кажется, чего-то плакалъ? Ты—вѣчная плакса.

— Вовсе я не плакалъ и не плакса,—отвѣчалъ я и началъ разспрашивать его, что такое у нихъ «того»...

— Тссс! говори тише! у насъ въ домѣ говорятъ про страшныя дѣла: въ Австріи революція.

— Ну, а вамъ что за дѣло до Австріи?

— Да это тебѣ нѣтъ дѣла, потому что ты русскій, а тамъ, братецъ, венгерцы воюють.

— Такъ что же такое?

— Какъ что?—это старые наши польскіе союзники: *polak z wgram dwa bratanki, jak do szabli, tak de szklanki* (*). Они памъ свои.

Я этому нѣсколько удивился, потому что венгерцы, въ

*) Полякъ съ венгромъ— братья, какъ по оружію, такъ и за бутылкой.

моемъ тогдашнемъ пониманіи, были тѣ люди, которые носятъ по селамъ лѣкарственные снадобья да янтарные чѣтки и крестики; но Пенькиновскій разъяснилъ мнѣ, что есть еще и другіе венгерцы — очень храбрые, и что вотъ съ тѣмъ-то онъ какъ нельзя болѣе заинтересованъ въ ихъ революціи.

— Неужто же ты, молъ, пойдешь въ ихъ революцію?

— Итъ, честное слово—пойду: если всѣ пойдутъ, такъ и я пойду. Но помни, братъ-Меркуль,—заклучилъ онъ, оставаясь и схвативъ обѣ мои руки:—помни, что мы, все-таки, товарищи, и если мы встрѣтимся другъ съ другомъ съ оружіемъ въ рукахъ въ бою, я закричу: «скачи мимо!» и тебя не ударю.

— И я тоже, и я тебя ни за что не ударю,—отвѣчалъ я.

— Падить другъ друга, падить какъ должно благороднымъ людямъ и одпокашникамъ. Слышишь?

— Хорошо, непременно пощажу,—отвѣчалъ я.

— Махни саблей—и мимо.

— Махну—и мимо.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Руку отъ сердца!

И подаль руку.

Заклучивъ этотъ союзъ взаимной пощады, мы крѣпко стиснули другъ другу руки и поцѣловались, что, впрочемъ, не обратило на насъ особенное вниманіе прохожихъ—вѣроятно потому, что въ тогдашнемъ ополяченномъ кievскомъ обществѣ поцѣлуи при уличныхъ встрѣчахъ знакомыхъ мужчинъ были дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

Затѣмъ Пенькиновскій открылъ мнѣ, что онъ на войнѣ не будетъ никого бить изъ товарищей и только возьметъ въ плѣнъ нашего военачальника, а потомъ полюбопытствовалъ, куда лежитъ мой путь—и, узнавъ, что я иду домой, вызвался меня проводить и дорогою спросилъ: «что говорятъ у васъ про венгерскую революцію?»

— У насъ объ этомъ ничего не говорятъ,—отвѣчалъ я.

— Это не хорошо; это не хорошо, Праотцевъ!

— Что такое?

— Зачѣмъ ты скрываешь?

— Увѣрю тебя.

— Такъ о чемъ же вы разговариваете?

— Ну, вот! Будто только и разговора, что про революцію?... у матери бывают разные ученые люди и профессора, и она сама знает по-латыни и по-гречески...

— Фуф, какая скука!

— Нимало; напротив, мы вчера обсуждали правительство и очень приятно провели время. Я люблю такие разговоры.

— Ну, уж я думаю! Не притворяйся, братъ, умникомъ-то! Что тамъ можетъ быть пріятнаго съ профессорами? А къ намъ къ отцу вчера пришли гости, молодые чиновники изъ дворянскаго собранія и изъ гражданской палаты, и все говорили какъ устроить республику.

Я удивился и спросилъ, про какую онъ говоритъ республику.

— Извѣстно, какая бываетъ республика! всѣмъ вмѣстѣ будетъ править и король, и публика,—отвѣчалъ весело Пеньковскій, и такъ какъ въ это время мы не только дошли до нашей квартиры, но вступили въ самыя сѣни, то онъ снова потребовалъ мою руку и, прощаясь, сказалъ:

— Ты приходи какъ-нибудь ко мнѣ: я тебя познакомлю съ моимъ отцомъ, у меня отличный отецъ; онъ титулярный совѣтникъ и у него есть сѣдло и двѣ винтовки, и сабля— и представь себѣ, что бытъ служить въ гражданской палатѣ и какъ двѣ капли воды похожъ на Кошута. Когда начнется революція, онъ непременно хочетъ быть нашимъ полководцемъ, и всѣ чиновники на это согласны, но ты, сдѣлай милость, пока никому своимъ объ этомъ не говори.

Я далъ слово держать это дѣло въ большомъ секретѣ и мы благополучно разстались бы на этомъ, если бы матушка, встрѣтивъ меня у порога залы, не спросила: съ кѣмъ я говорилъ,—и, узнавъ, что это былъ мой корпусный товарищъ, не послала меня немедленно воротить его и привести къ ней.

Исполняя это приказаніе безъ особенной радости, я, однако, ведучи подъ руку Пеньковского, успѣлъ ему шепнуть, чтобы онъ не открывался при матушкѣ, что онъ революціонеръ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Пеньковскій обѣщалъ мнѣ быть скромнымъ насчетъ Венгрии и прекрасно исполнилъ свое обѣщаніе, но зато во

всемъ другомъ обличилъ передъ маман такую игривую развязность, какой я отъ него никакъ не ожидалъ: онъ пустился въ рассказы о нашемъ прошломъ и представлялъ ей не только корпусное начальство, но и директоршу, и офицерскихъ женъ; дѣлая при этомъ для большей наглядности выходы изъ открытыхъ дверей маминой спальни, онъ вдругъ появился оттуда въ матушкиномъ спальномъ чепцѣ и ночномъ пеньюарѣ.

Серьезная мать моя чрезвычайно оживилась и много смѣялась; но лукавый дернулъ Пеньковскаго вспомнить про извозчика Кирилу и рассказать, какъ онъ забѣжалъ къ Ивану Ивановичу Елкину и какъ королевецкое «начальство» отпироло его на большой дорогѣ нагайкою.

Матушка встревожилась, что я былъ свидѣтелемъ такой грубой сцены.

— За что же это съ нимъ такъ поступили?—спросила маман.

— А—а, не беспокойтесь сударыня, онъ этого слишкомъ стоить, — воскликнулъ мой Пеньковскій. Я такъ и замеръ отъ страха, что онъ, увлекшись, самъ не замѣтитъ, какъ расскажетъ, что Кирилль предательски выдавалъ его за палача, который будетъ въ Кіевѣ наказывать жестоко-обрацавшуюся съ крестьянами польскую графиню; но мой рѣчистый товарищъ быстро спохватился и рассказалъ, что Кирилль, будто бы, напившись пьянъ, зацѣпилъ колесомъ за полицмейстерскую коляску.

Я былъ необыкновенно удивленъ этою смѣлою и находчивою ложью Пеньковскаго, а матушка, наморщивъ брови, проговорила, что она просто представить себѣ не можетъ, какъ это можно было отпирывать насъ, дѣтей, съ однимъ пьянымъ мужикомъ.

— Какъ же, это просто ужасно!—поддерживалъ Пеньковскій. —Этотъ мужикъ былъ совершенно ужасный пьяница и притомъ... и притомъ... онъ постоянно пилъ водку и говорилъ всякій вздоръ.

— Вы могли Богъ вѣсть чего наслушаться!

— Помилуйте, да онъ насъ водку училъ пить...

— И неужто же изъ васъ кто-нибудь его въ этомъ слушался?—воскликнула въ сдержанномъ ужасѣ мать, но Пеньковскій пресмѣло ее на этотъ счетъ успокоилъ.

— Нѣтъ, —отвѣчалъ онъ:—нѣтъ; то-есть, я и вашъ сынъ—

мы его не слушались, потому что я самъ не шлъ и удерживалъ вашего сына, но другіе... Положимъ, что это не совсѣмъ хорошо выдавать товарищей, но, презирая ложь, я не могу отрицать, что другіе, которые меня не слушались, тѣ шли.

При этомъ онъ подмигнулъ мнѣ — и такъ неловко подмигнулъ, что матушка это замѣтила. Впрочемъ, научась въ одинъ день наблюдать ея страшную пронизательность, я видѣлъ, что она еще во время самаго разсказа Пенькновскаго ему уже не вѣрила и читала истину въ моихъ потупленныхъ глазахъ; — но она, разумѣется, прекрасно совлала собою — и съ спокойствіемъ, которое могло бы ввести въ заблужденіе и не такого дипломата, какъ Пенькновскій, сказала:

— Я вамъ очень благодарна за вашъ прекрасный примѣръ и совѣтъ, которыми вы сберегли моего сына отъ порока, одна мысль о которомъ должна быть противна честному человѣку.

— Какъ же: я его всегда оберегалъ, — отвѣчалъ Пенькновскій; а матушка сказала, что она, будто бы, очень рада, что я имѣлъ себѣ такого благоразумнаго и строгаго товарища.

Пенькновскому эти слова были все равно, что обольстительный ошмѣтъ, въ сладкомъ дымѣ котораго онъ ошалѣлъ до того, что вдругъ, принявъ вѣроятно свою ложь за истину, возмнилъ себя въ самомъ дѣлѣ моимъ нравственнымъ руководителемъ, — началъ разсказывать, будто бы онъ всегда за мною наблюдалъ и въ дорогѣ, и въ корпусѣ, и тогда-то говорилъ мнѣ то-то, а въ другой разъ это-то, и т. п. Самая хвастливая и наглая ложь лилась у него рѣкою и приводила меня въ такое смущеніе, что я молчалъ и не перебиль его ни однимъ словомъ даже тогда, когда онъ, истощивъ потокъ своего краснорѣчія насчетъ своихъ пресходствъ, вдругъ перешелъ къ численію моихъ пороковъ, которые, по его словамъ, парализовали его вліяніе и часто мѣшали мнѣ усвоить ту безмѣрную пользу, какую могли мнѣ преподать его совѣты.

— Хорошо его зная, я могу сказать, что онъ еще не совсѣмъ дурной мальчикъ, — говорилъ онъ, указывая на меня искоса глазами: — но у него есть этакое, какъ бы вамъ сказать... упрямство. Да, именно упрямство! Я ему всегда го-

ворилъ: слушай меня во всемъ, потому что ты долженъ меня слушать! Но онъ одинъ разъ послушается, а другой разъ нѣтъ.—Что, братъ?—отнеси онъ непосредственно ко мнѣ:—я тебѣ говорилъ, что я ничего не скрою и все это со временемъ расскажу твоей маман! Да; родители о насъ должны все знать—и ужь ты сердись или не сердись на меня, а я теперь это дѣлаю для твоей же пользы.

— Вы знаете,—продолжалъ онъ, снова обращаясь къ маман:—въ Твери одинъ нашъ товарищъ...

— Послушай!—вскричалъ я, не вытерѣвъ и сквозь слезы.

— Что, братъ? Нѣтъ, ужь извини: расскажу. Въ Твери одинъ нашъ товарищъ Волосатинъ пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, который давалъ его отецъ, и вашъ сынъ тамъ такъ непринично повелъ себя... просто такъ непринично, что будь это въ другомъ мѣстѣ—я не знаю, что бы могло выйти!

Маман вся вспыхнула и кинула на меня молниеносный взглядъ, но, вѣроятно, встрѣтивъ мой взглядъ, потерянный, перепуганный и умоляющій, сейчасъ же успокоилась. А безпощадный Пеньковскій продолжалъ и благополучно окончилъ свой рассказъ о томъ, какъ я, войдя впереди всѣхъ товарищей въ большую залу, «какъ сумасшедшій бросился цѣловать руки у всѣхъ женщинъ».

— Это очень просто, маман,—отвѣчалъ я:—я никогда не бывалъ на балахъ и думалъ, что это такъ принято.

— Ну, да,—тихо уронила матушка совѣмъ успокоеннымъ голосомъ—и, какъ я былъ несомнѣнно убѣжденъ, въ знакъ своего несужденія меня за рассказанную неловкость, подала мнѣ ключикъ отъ своего туалета и велѣла подать ей оттуда батистовый носовой платокъ.

Въ этомъ незначительномъ порученіи я увидалъ знакъ снисходительнаго ея ко мнѣ благоволенія (такъ умѣла она выражать все однимъ тономъ своего прекраснаго голоса, что слова ея, кромѣ своего банальнаго прямого выраженія, имѣли еще иное, тайное иносказательное—и именно такое, какое она хотѣла передать ими тому, кто долженъ былъ уразумѣть въ нихъ смыслъ непонятный для другихъ). Я именно внялъ этому смыслу и, выйдя въ ея комнату за ея платкомъ, вздохнулъ отъ радости, что дѣло мое поправлено и что матушка на моей сторонѣ, а не на сторонѣ доносившаго на меня Пеньковскаго.

Между тѣмъ сей послѣдній, пока я возился у матушкинаго комода, вспомнилъ, что ему пора домой. Къ неопisanному моему удовольствію, онъ началъ прощаться съ матушкой и опять отѣнилъ меня особеннымъ образомъ, попросивъ матушку отпустить меня изрѣдка къ нему, на его отвѣтственность, на что матушка и согласилась,— а Пеньковскій принялъ это согласіе за чистую монету и, поблагодаривъ матушку за довѣріе, закончилъ обѣщаніемъ проводить меня назадъ домой подъ его собственнымъ надзоромъ.

Тутъ я уже просто сробѣлъ передъ этою его выходкой и мысленно далъ себѣ слово никогда къ нему не ходить, хотя мать моя выразила мысль совершенно противную, сказавъ, что она будетъ очень рада этому, потому что эти проводы, конечно, доставятъ ей удовольствіе часто видѣть Пеньковскаго и ближе съ нимъ познакомиться.

Это я счелъ уже со стороны папан за непонятную для меня неискренность, которая меня очень покорибила, межъ тѣмъ какъ Пеньковскій былъ въ восторгѣ—и, надѣвая въ передней свое пальто, весело прошепталъ мнѣ:

— А что же ты мнѣ не показалъ: гдѣ ваши ученые? Нѣтъ ихъ, что ли?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я сухо.

— А когда они приходятъ?

— Вечеромъ.

— Вечеромъ. Ну, пускай ихъ ходятъ вечеромъ! а ты теперь кажется ясно можешь видѣть, что все дѣло заключается не въ учености, а въ практикѣ.

«Провалился бы ты куда-нибудь со всей твоей практикой!» — подумалъ я и едва удержался отъ желанія сказать ему, что требую назадъ свое слово не сражаться съ нимъ, когда встрѣтимся на войнѣ, и махать саблей мимо. Энергически захлопнувъ за нимъ двери, я вернулся въ комнаты и почувствовалъ, что я даже совсѣмъ нездоровъ: меня эпобило и въ лѣвомъ ухѣ стоялъ болѣзненно-отзывавшійся въ мозгу звонъ.

Лицо мое вѣроятно такъ ясно передавало мое состояніе, что матушка, взглянувъ на меня, сказала:

— Ты, кажется, не совсѣмъ здоровъ, дитя мое?

— Да, папан;—отвѣчалъ я:—мнѣ что-то холодно, и я чувствую звонъ въ ушахъ.

— Это тебѣ надуло въ голову, когда ты вчера куришь у форточки. Поди лягь въ свою постель и постарайся успокоиться: сегодня вечеромъ ты долженъ идти къ твоему дядѣ, а завтра подашь ему просьбу о принятіи тебя на службу въ его канцелярію.

— Какъ, папан, я долженъ идти къ нему безъ вась?!— воскликнулъ я, почувствовавъ нѣкоторый страхъ при мысли о свиданіи съ статскимъ генераломъ, занимавшимъ, по тогдашнимъ моимъ понятіямъ, чрезвычайно важную должность.

— Да; ты долженъ идти одинъ,— отвѣчала матушка и сказала мнѣ, что когда я утромъ ходилъ къ Альтанскимъ, мой двоюродный дядя, этотъ важный статскій генераль, былъ у нея и передалъ свое желаніе немедленно со мною познакомиться.— А знакомиться съ нимъ,— добавила матушка:— тебѣ гораздо лучше одинъ-на-одинъ, чѣмъ бы ты выглядывалъ какъ цыпленокъ изъ-подъ крыла матери. Притомъ же тебѣ надо привыкать къ обхожденію съ людьми и умѣть самому ставить себя на настоящую ногу; а это пріобрѣтается только навыкомъ и практикой.

«Онять практика!»— подумалъ я, унавъ въ постель съ тревожною мыслию, что вокругъ меня что-то тяжело и совсѣмъ не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. А отчего мнѣ было тяжело и какъ бы я хотѣлъ учредить по-иному— этого я не зналъ; но только воображеніе несмѣло и робко, словно откуда-то издалека, напентывало мнѣ, что моя матушка, безъ сомнѣнія, строгая, нравственная и въ высшей степени благородная, но сухая женщнна,—и я вдругъ вспомнилъ объ отцѣ и, кусая концы носового платка, который держалъ у лица, тихо заплакалъ о покойномъ. Мнѣ показалось, что мы съ отцомъ «терпимъ одинакую участь» отъ тяжести живо нами сознаваемого высокаго, но ужъ слишкомъ авторитетнаго превосходства матери, между тѣмъ, какъ есть же на свѣтѣ кто-нибудь, къ кому она мягче и снисходительнѣе. Письмо къ Филиппу Кольбергу, которое я отдалъ утромъ на почту, мелькнуло передъ моими глазами,—и самъ Филиппъ Кольбергъ, котораго я никогда не видѣлъ, вдругъ нарисовался въ моихъ мысленныхъ очахъ такъ ярко и отчетливо, что я склоненъ былъ принять это за видѣніе— и затѣмъ начался сонъ, который во всякомъ случаѣ былъ пріятнѣе описаннаго бдѣнія. Мнѣ снилось, будто Филиппъ Кольбергъ, высокій, чрезвычайно стройный и сильный чело-

вѣкъ, съ длинными темнорусыми кудрями, огромными густыми усами и густой же длинной эспањолеткой, смотрѣлъ на меня умными, энергическими, какъ небо голубыми глазами и, сжимая мою руку, говорилъ:

— Да; ты отгадалъ: я люблю твою мать, я люблю ее, люблю, люблю, какъ херувимъ любить Бога, потому что видѣть Его благость и величїе и не любить Его невозможно, и мы съ тобою сольемся въ этой любви и полетимъ за нею въ ея сферѣ. Гляди!

Онъ указалъ мнѣ на плывущую въ эфирѣ, яркую, свѣтлымъ теплымъ пламенемъ горящую звѣзду, въ сферѣ которой мы неслись невѣдомо куда, и вокругъ насъ не было ничего, ни надъ нами, ни подъ нами, — только тихая лазурь и тихое чувство въ сердцахъ, стремящихся за нашею звѣздою.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Проснувшись я услыхалъ, что матушка была не одна: съ нею былъ профессоръ Альтанскій, и они вели между собою тихую, спокойную бесѣду.

Я былъ нѣсколько удивленъ этому спокойствію и подумалъ: неужто профессоръ ничего не знаетъ о томъ, какъ страдаетъ его дочь и въ какомъ она нынче была положеніи. Да и прошло ли это еще? Или, можетъ-быть, это имъ ничего?

И затѣмъ у меня пошелъ рядъ самыхъ пустыхъ мыслей, съ которыми я дѣлалъ свой туалетъ, вовсе не думая о томъ, куда я собираюсь и какъ буду себя тамъ держать.

Когда я былъ совсѣмъ готовъ, матушка позвала меня къ себѣ — и, не трогаясь съ мѣста, сказала мнѣ:

— Ну-ка, покажись, какъ ты одѣтъ...

И сталъ.

— Перевернись.

Я повернулся спиной.

— Молодецъ! — замѣтилъ, глядя на меня, Альтанскій.

— Молодецъ-то онъ молодецъ, — отвѣтила, какъ мнѣ показалось, не безъ гордости маман: — но я вижу, что у этого молодца скверно спито платье.

И съ этимъ она, вздохнувъ, встала и своими руками перевязала на моей шеѣ галстукъ, иначе чѣмъ онъ былъ завязанъ. поправила воротнички моей рубашки и, перекрестивъ меня, велѣла идти.

— Не сиди долго, — сказала она въ напутствіе.

— Нѣтъ, маман.

— Однако и не спиши: это надо соображать по приему — какъ держать себя хозяева. Да говори почаще Льву Яковлевичу «ваше превосходительство».

При этомъ губы матушки сложились въ нѣсколько презрительную улыбку, а профессоръ громко откашлялся и плюнулъ.

Я никакъ не могу утверждать, что этотъ плевокъ относился непосредственно къ «его превосходительству», но маман, вѣроятно, въ виду этой случайности, сейчасъ же нашла нужнымъ добавить, что Левъ Яковлевичъ очень не злой человекъ и имѣетъ свои заслуги и достоинства, а жена его Ольга Фоминична положительно очень добрая женщина, и дѣти ихъ тоже очень добрыя, особенно старшая дочь Агата, которую маман назвала даже натурою превосходною, благородною и любящею.

Путь мой былъ не великъ — и я черезъ десять минутъ очутился на большомъ дворѣ, по которому бродили молча какія-то необыкновенно смиренныя, или привычныя къ незнакомымъ посѣтителямъ, собаки. Ихъ что-то было много, и всѣ онѣ откуда-то вставали, переходили черезъ свѣтлую полосу, которая шла отъ одного изъ освѣщенныхъ оконъ, и исчезали во тьмѣ. Во дворѣ стоялъ большой, даже очень большой одноэтажный домъ и множество флигелей, построенныхъ углами и зигзагами. Все это, несмотря на сумракъ, представляло очень оживленную массу: во флигелевыхъ окнахъ свѣтились огни, а за углами, во всѣхъ темныхъ впадинахъ шевелились какія-то тѣни — и ихъ было такъ много, что онѣ становились для меня гораздо страшнѣе, чѣмъ собаки, на добродушіе которыхъ я началъ довѣрчиво полагаться. Всѣ эти тѣни, населяющія дворъ моего родственника и покровителя, были жиды, которые каждый день подъ сѣнію сумерекъ въ обилии стекались сюда, неся съ собою разнообразные дары для пріобрѣтенія себѣ дядиной благосклонности. Они-то — эти всевѣдущіе потомки Израиля — и указали мнѣ путь, какимъ я долженъ былъ проникнуть въ святилище, куда ихъ по очереди и лишь за деньги впускали дядинъ камердинеръ.

Хотя генерала Льва Яковлевича мнѣ никто не рекомендовалъ съ особенно дурной стороны, но я не былъ распо-

можень составлять о немъ хорошее мнѣніе: его домъ съ какимъ-то огненнымъ трясеніемъ во всѣхъ окнахъ, его псы, сумрачныя жида, а особенно его лизенькій камердинеръ Иванъ съ узкимъ лясимъ лицомъ и широкимъ алчвымъ затылкомъ — все это производило во мнѣ отталкивающее впечатлѣніе. Несмотря на свою тогдашнюю молодость и неопытность, я во всемъ этомъ обонялъ какой-то противный букетъ взятки, смѣшной съ кичливой заносчивостью и внутреннимъ ничтожествомъ. Левъ Яковлевичъ съ виду не похотъ былъ на челоѣка, а напоминалъ запеченный свиной окорокъ: что-то такбе огромное, жирное, кожистое, мелкощетиניתое, въ свѣтлыхъ мѣстахъ коричневое, а въ темныхъ подпаленное въ видѣ жженой пробки. Вся эта жирная массивная глыба мяса и жиру была кичлива, надменна, раздражительна и непроходимо глупа. Левъ Яковлевичъ былъ до того самообольщенъ, что онъ даже не говорилъ по-человѣчески, а только какъ-то отпырхивался и отдувался, напоминая то свинью, то лошадь.

При моемъ вступленіи въ его кабинетъ, онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ за столомъ и, продувъ что-то себѣ въ носъ, запырхалъ:

— А?.. какъ?.. что такое?..

Я ничего не понималъ, но замѣтилъ, что у этого окорока засверкали подъ бровями его гаденькіе глазки, а камердинеръ, подскочивъ ко мнѣ, строго проговорилъ:

— Отвѣчайте же, сударь. Развѣ вы не видите, что генералъ сердятся?

— Я ничего не понялъ... вы мнѣ расскажите, началь- было я, но этотъ гордый холощъ, махнувъ презрительно рукой и пробурчавъ: «да ужъ молчите, когда не умѣете», подошелъ ко Льву Яковлевичу.

Ставъ за его кресломъ, Иванъ фамиллярно поправилъ сзади гребешкомъ его прическу и молвилъ съ улыбкой:

— Они боятся передъ вашимъ превосходительствомъ.

— А... какъ?.. что?.. мм... да... чѣмъ?.. чѣмъ?.. зачѣмъ ко мнѣ?.. зачѣмъ?.. чѣмъ... ѣмъ... мѣ?..

— Къ генеральшѣ проводить прикажете?

— А?.. да... м... мм... къ Ольгѣ Фоминишнѣ... да.

— Идите!—скомандовалъ мнѣ лакей, и выведя меня черезъ двѣ застланныя коврами комнаты, ткнулъ въ третью, гдѣ за круглымъ чайнымъ столомъ сидѣло нѣсколько меньшихъ

окорочковъ, которые отличались отъ старшаго окорока тѣмъ, что они не столько не умѣли говорить, сколько не смѣли говорить.

Изъ всѣхъ этихъ отрожденій Льва Яковлевича я не могъ никого отличить одного отъ другого: всѣ они были точно семья боровыхъ грибовъ, наплодившихся вокругъ дрябнущаго матерого боровика. Всѣ они были одной масти и одного рисунка,—всѣ одинаковы и ростомъ, дородствомъ, лицомъ, красотою; всѣ были живыя другъ друга подобія: одни и тѣ же окорочныя фигуры, и у каждаго та же самая на свѣтлыхъ мѣстахъ коричневая сальнистая закопченность.

При видѣ этой многочисленной, мирно и молчаливо спящей за чайнымъ столомъ семьи, я здѣсь оказался столь же безтолковымъ со стороны моего зрѣнія, какъ за минуту передъ симъ былъ безтолковъ на слухъ: у Льва Яковлевича я не могъ разобрать, что такое онъ гнуситъ, а тутъ никакъ не могъ произвести самага поверхностнаго полового отличія. Безъ всякихъ шутокъ, всѣ представлявшіяся мнѣ существа были до такой степени однородны и одновидны, что я никакъ не могъ отличить среди ихъ мужчинъ отъ женщинъ. Мать, дочери, сыновья, свояченица и невестка—все это были на подборъ лица и фигуры одной конструкціи и какъ будто даже одного возраста: вся разница между ними видѣлась въ томъ, что младшіе были по-подконченнѣе, а старшіе позасаленнѣе. Но вотъ одно изъ этихъ тяжелыхъ существъ встало изъ-за стола,—и я, увидавъ на немъ длинное платье, догадался, что это должна быть особа женскаго пола. Это такъ и было: благодѣтельная особа эта, встрѣтившая и привѣтствовавшая меня въ моемъ затруднительномъ положеніи посреди комнаты, была та самая Агата, о добротѣ которой говорила татапа. Эта дѣвушка представила меня и другимъ лицамъ своего семейства, изъ которыхъ одно, именно: свояченица генерала, Меланья Ѳомииншна, имѣла очевидное надъ прочими преобладаніе: я замѣтилъ это изъ того, что она содержала ключи отъ сахарной шкатулки и говорила виолголоса въ то время, какъ всѣ другіе едва шептали. Меланья Ѳомииншна дала мнѣ возлѣ себя мѣсто и налила чашку чая, — что я, будучи очень неловокъ и застѣнчивъ, считалъ для себя въ эту минуту величайшимъ божескимъ наказаніемъ. Но къ моему благополучію, чай оказался совсѣмъ холодепъ, такъ что я безъ особыхъ за-

трудней проглотилъ всю чашку однимъ духомъ — и, на предложенный мнѣ затѣмъ вопросъ о моей маман, отвѣчалъ, что она, слава Богу, здорова. Но, вѣроятно, какъ я ни тихо далъ этотъ отвѣтъ, онъ по обычаямъ дома все-таки показался неумѣстно громкимъ, потому что Меланья Омпишна тотчасъ же притворила дверь въ кабинетъ и потомъ торопливо выпроводила меня со всеми прочими въ комнату дѣвиць, какъ выпроваживаютъ дѣтей «поиграть». Здѣсь мнѣ показывали какіе-то рисунки, разсматривая которые я мимоходомъ замѣтилъ, что у второй дочери генерала на одной рукѣ было вмѣсто пяти пальцевъ цѣлыхъ шесть.

Но вниманіе мое отъ этого шестого пальца вскорѣ было отвлечено появленіемъ въ комнатѣ молодого, очень стройнаго и пріятнаго молодого человѣка, которому все подавали руки съ какимъ-то худо-скрываемымъ страхомъ.

— Ахъ, Сержъ! здравствуйте, Сержъ! — привѣтствовали его дамы и дѣвицы и тотчасъ же искали случая отъ него отвернуться, чѣмъ онъ повидимому немало не стѣснялся и обращался съ ними съ какимъ-то добродушнымъ и снисходительнымъ презрѣніемъ.

Онъ мнѣ очень понравился — и я, продолжая разсматривать картинки, съ удовольствіемъ поглядывалъ на этого новаго посѣтителя, совсѣмъ не похожаго ни на кого изъ сѣрыхъ членовъ генеральской семьи. Въ его милomъ лицѣ и пріятной фигурѣ было что-то избалованное и женственное.

Сержъ сѣлъ въ уголокъ дивана — и, красиво сложивъ на груди руки, закрылъ глаза или притворился спящимъ.

Во все это время мы и здѣсь все продолжали шептать, но тутъ вдругъ вошелъ камердинеръ Иванъ и объявилъ, что генераль велѣлъ мнѣ завтра явиться въ палату.

Это извѣстіе подѣйствовало на всѣхъ самымъ ободряющимъ образомъ, и обѣ дочери генерала сразу спросили:

— Пана уѣхалъ?

— Уѣхали, — небрежно отвѣчалъ камердинеръ — и, добавивъ, что лошадей велѣно присылать только въ двѣнадцатомъ часу, хотѣлъ уже уходить, какъ вдругъ Сержъ возвысилъ голосъ и громко велѣлъ подать себѣ стаканъ воды.

Повелительное обращеніе Сержа произвело самое радостное впечатлѣніе: все лица оживились; голоса стали громче и смѣлѣе — и шестипалая дѣвица сѣла за рояль и начала играть, а другая заигла. Сыновья ходили вдоль по ком-

натѣ, а сама генеральша, усадивъ мени въ уголь большого дивана, начала разспрашивать: какъ мы съ матушкою устроились и что думаемъ дѣлать? Я со всею откровенностію разсказалъ ей извѣстныя уже мнѣ матушкины соображенія — и генеральша, а вслѣдъ за ней и всѣ другіе члены ея семьи находили все это необыкновенно умнымъ и прекраснымъ и въ одинъ голосъ твердили, что моя тата — необыкновенно умная и практичная женщина. Я замѣтилъ, что ничего не говорившій и повидимому безучастный Сержъ, при первыхъ словахъ о моей тата, точно встрепенулся и потомъ началъ внимательно слушать все, что о ней говорили, а при послѣднихъ похвалахъ ея практичности — всталъ порывисто съ мѣста и, взглянувъ на часы, пошелъ къ двери.

— Сержъ, вы будете закусывать? — спросила его вслѣдъ Меланья Ѳомиинишна.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ голосомъ, который мнѣ тоже очень понравился.

— Оставить вамъ?

— Нѣтъ, ma tante, нѣтъ, — не оставляйте.

— Но вы придете почевать?

Сержъ остановился, улыбнулся и, низко поклонясь Меланьѣ Ѳомиинишнѣ, произнесъ:

— Приду, ma tante, на сонъ грядущій получить ваше святое благословеніе.

Съ этимъ онъ вышелъ.

— Шутъ, — молвила ему вслѣдъ Меланья.

— А зачѣмъ вы его разспрашиваете? — прошептала одна изъ дѣвиць.

— Отчего же?

— Развѣ вы не знаете, какой онъ?

— Что мнѣ за дѣло, какъ онъ отвѣчаетъ: я исполняю свой долгъ.

— А я — что вы хотите — я очень люблю Сержу, — протянула генеральша: — когда онъ пріѣдетъ изъ своей Рипатовки на одинъ денекъ, у насъ немножко жизнью пахнетъ, а то точно заиндѣвѣли.

Генеральша мнѣ показала очень жалкою и добродушною, и я въ глубинѣ души очень расположился къ ней за ея сочувствіе къ Сержѣ, насчетъ котораго она тотчасъ же объяснила мнѣ, что онъ ея племянникъ по сестрѣ Вѣрѣ

Омнишій и фамилія его Крутовичъ, что онъ учился въ университетѣ, но, къ сожалѣнію, не хочетъ служить и жить въ имѣніи, въ двадцати верстахъ отъ Кіева. Хозяинчасть и покоить мать.

Меланья Омнишина, очевидно, иначе была настроена къ Сержу и по поводу послѣднихъ словъ сестры замѣтила:

— Да, не дай только Богъ, чтобы всѣ сыновья такъ покоили своихъ матерей!

— Отчего же, Melanie?

— Такъ; будто вы не знаете?

Melanie говорила генеральшѣ *вы*, хотя видимо и ставила ее ни во что.

— Я, право, не знаю, — отвѣчала генеральша: — по-моему, онъ — добрый сынъ, очень добрый и почтительный, а ужъ какъ онъ въ субординаціи держитъ этого дерзкаго негодяя нашего Ваньку, такъ никто такъ не умѣетъ. Видѣли: не смѣлъ ему прислать воды съ Василькою, а небось самъ подалъ и не расшлепскалъ по подносу, какъ мнѣ плещеть. Я всегда такъ рада, что онъ у насъ останавливается. А что касается до Сержинныхъ увлеченій... кто же молодой не увлекался? Ему всего двадцать пять лѣтъ.

— Пора жениться.

— И не беспокойтесь такъ много, онъ, Богъ дастъ, на ней и не женится!

— Почему вы это знаете?

— Не женится, Melanie, не женится. Сержъ упрямъ, какъ всѣ нынѣшніе университетскіе молодые люди, и потому онъ вась съ сестрой Вѣрой не слушался. Что же, въ самомъ дѣлѣ: какъ вы съ нимъ обращались? — сестра Вѣра хотѣла его проклинать и наследства лишить, но вѣдь молодые люди Богу не вѣрятъ, да и батюшка отецъ Илья говорить, что на зло молящему Богъ не внемлетъ, а наследство у Сережи — отцовское — онъ и такъ получить.

— Какія вы мысли проповѣдуете, Ольга, и еще при дѣтяхъ!

— Что же я такое проповѣдую, Melanie: я говорю правду, что вы не такъ дѣйствовали, чтобы ихъ разъединить — и Сержъ упрямился; а Каролина Васильевна практическая, и ужъ если сестра Вѣра поручила ей устроить это дѣло, такъ она устроитъ. Каролина Васильевна дѣйствуетъ на нее, а не на него: это и умно, и практично.

Практичность матушки сдѣлалась предметомъ такихъ горичихъ похвалъ, что я, слушая ихъ, получилъ самое невыгодное поимѣе о собственной практичности говорившихъ и ошибся: я тогда еще не читалъ сказаній лѣтописца, что «суть бо кѣные льстиви даже до сего дне» и принималъ слышанныя мною слова за чистую монету. Я думалъ, что эти бѣдные маленькіе люди лишены всякой практичности и съ завистью смотрятъ на матушку: а это было далеко не такъ; но объ этомъ послѣ.

Въ десять часовъ на столъ была подана нарѣзанная ломтями холодная отварная говядина съ горчицей, которую всѣ ѣли съ немовѣрнымъ и далеко ея недостойнымъ аппетитомъ, такъ что на мою долю едва достался самый крошечный кусочекъ. Затѣмъ тотчасъ же послѣ этого ужина я откланялся и ушелъ домой, получивъ на прощанье приглашеніе приходить къ нимъ вмѣстѣ съ маман по воскресеньямъ обѣдать.

Очутясь на тихихъ, озаренныхъ луною улицахъ, я вздохнулъ полною грудью—и, глядя на открытую моимъ глазамъ съ полугоры грандіозную мѣстность Старого Кіева, почувствовалъ, что все это добро зѣло... но не въ томъ положеніи, въ которомъ я былъ и къ которому готовился.

Прославляемая «практичность» матушки приводила меня въ нѣкоторое смущеніе и начала казаться мнѣ чѣмъ-то тигостнымъ и даже прямо враждебнымъ. Разсуждая о ней, я начиналъ чувствовать, что какъ будто этотъ бѣдный Сержъ тоже страдаетъ отъ этой хваленной практичности. Боже мой, какъ мнѣ это было досадно! Да и одинъ ли Сержъ? А отецъ, а я, а Христя?.. мнѣ показалось, что мы всѣ страдаемъ и будемъ страдать, потому что мы благородны, горичи, доврѣчивы и искренни, межъ тѣмъ, какъ она такъ практична!

Я былъ очень огорченъ всѣмъ этимъ и шелъ, опустивъ голову, какъ вдругъ изъ-за угла одного дома, мимо котораго пролегалъ моя дорога, передо мною словно выросли двѣ тѣни: они шли въ томъ же направленіи, въ которомъ надлежало идти мнѣ, и вели оживленный разговоръ.

Изъ этихъ двухъ тѣней одна принадлежала мужчине, а другая женщине—и въ этой послѣдней я заподозрѣлъ Христю, а черезъ минуту убѣдился, что я нимало не ошибся: это дѣйствительно была она. Но кто же былъ мужчина? О! одного пристальнаго взгляда было довольно: это былъ Сержъ.

Убѣдись въ этомъ, я почувствовалъ, что у меня ёкнуло сердце, и уменьшилъ шагъ. Я сдѣлалъ это вовсе не съ цѣлью ихъ подслушивать, а для того, чтобы не сконфузить ихъ своимъ появленіемъ, но вышло все-таки, что я мимо-вольно учинился ближайшимъ свидѣтелемъ ихъ сокровеннѣйшей тайны,—тайны, въ которой я подозрѣвалъ суровое, жестокое, неумолимое участіе моей матери и... желалъ ей неуспѣха... Итъ; этого мало: я желалъ ей болѣе чѣмъ неуспѣха и почувствовалъ въ душѣ злое стремленіе стать къ ней въ оппозицію и соединиться съ партією, которая должна разстроить и низвергнуть всѣ систематическіе планы, сочиненные ея угнетающею практичностью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Первые звуки разговора, которые долетѣли до меня отъ этой пары, были какія-то неясныя слова, перемѣшанныя не то съ насмѣшкою, не то съ укоризною. Слова эти принадлежали Сержу, который въ чемъ-то укорялъ Христю и въ то же время самъ надъ нею смѣялся. Онъ, какъ мнѣ показалось, держалъ по отношенію къ ней тонъ нѣсколько покровительственный, но въ то же время не совсѣмъ увѣренный и смѣлый: онъ укорялъ ее какъ будто для того, чтобы не вспылить и не выдать своей душевной тревоги.

Христя отвѣчала совсѣмъ иначе: въ голосѣ ея звучала тревога, но рѣчь ея шла съ полнымъ самообладаніемъ и увѣренностію, которая дѣлала всякое ея слово отчетливымъ, несмотря на то, что она произносила ихъ гораздо тише. Начавъ велушиваться, я хорошо разобралъ, что она увѣряла своего собесѣдника, будто не имѣетъ ни на кого ни въ чемъ никакой претензіи; что она довольна всѣми и сама собою, потому что поступила такъ, какъ ей должно было поступить.

Сержъ опять искусственно разсмѣялся.

— Что же? я радуюсь, что ты такъ веселъ, — молвила въ отвѣтъ на это Христя, но мнѣ показалось, что эта неумѣстная веселость ее обидѣла, и она тихо сняла руку съ его локтя.

— Зачѣмъ же ты отнимаешь у меня свою руку?—спросилъ Сержъ.

Христя промолчала.

— Слышите ли вы, Харитина Ивановна? — повторить онъ

нудливо:—я васъ спрашиваю: зачѣмъ вы отнимаете у меня свою руку?

— Такъ намъ обоимъ удобнѣе идти, чтобы не сбить другъ друга въ грязь.

— Это острота, или каламбуръ?

— Право, ни то, ни другое, Сержъ, и вы бы, мнѣ кажется, могли повѣрить, что мнѣ едва ли до остроты.

— Но кто же, кто всему этому виновать?—вскричать нетерпѣливо Сержъ.

— Никто не виновать! все это идетъ само собою такъ, какъ ему должно быть.

— Мать моя, наконецъ, вѣдь согласна на нашу свадьбу. Что же еще тебѣ нужно?

Христя молчала.

— Неужто тебя могутъ останавливать или стѣснять глупые толки этого кабака моего дяди или моихъ дурь тетюшекъ? Гдѣ же твои увѣренія, что тебя не можетъ стѣснять ничье постороннее мнѣніе? Ты, значить, солгала, когда говорила, что любишь меня и тебѣ все равно хоть бы весь міръ тебя за это возненавидѣлъ...

Христя снова промолчала и ступала тихо и потерянно глядя себѣ подъ ноги.

— Между тѣмъ, мнѣ кажется, я сдѣлала все, — продолжалъ Сержъ:— ты желала, чтобы я помирился съ тетками. и я для тебя помирился съ этими сплетницами... И даже болѣе: ты хотѣла, чтобы въ теченіе года, какъ мы любимъ другъ друга, съ моей стороны не было никакой рѣчи о нашей свадьбѣ. Я зналъ, что это фантазія; вамъ угодно было меня испытывать, удостовѣряться: люблю ли я васъ съ такою прочностію, какой вы требуете?

— Да, Сержъ.

— И что же? какъ это мнѣ ни казалось вздорнымъ...

— Нѣтъ, это не вздоръ,—перебила тихо Христя.

— Ну, и прекрасно, что не вздоръ,—и я все это исполнилъ: цѣлый годъ я не говорилъ тебѣ объ этомъ ни одного слова (Христя вздрогнула). Наконецъ,—продолжалъ Сержъ:— когда по прошествіи этого года моего испытанія, мать моя со своимъ барскимъ предразсудкамъ косо смотрѣла на мою любовь и не согласилась на нашу свадьбу, ты сказала, что ни за что не пойдешь за меня противъ ей воли; я и это устроилъ по-твоему: мать моя согласна. Ты теперь не мо-

жешь сказать, что это не вѣрно, потому что она сама тебѣ объ этомъ писала, даже болѣе: она лично говорила объ этомъ твоему отцу; и, наконецъ, еще болѣе: я настоялъ, чтобы она сама была у васъ, и она одолѣла свою гордость и была у васъ, и была съ тобою какъ нельзя болѣе ласкова...

Христя перебила его—и, протянувъ ему руку, произнесла:

— Да, благодарю тебя, Сержъ, это все правда: ты очень добръ ко мнѣ, и я не заслужила того, что ты для меня дѣлалъ.

— Нечего про то говорить: заслуживаешь ли ты или не заслуживаешь; когда люди любятъ другъ друга, тогда нѣтъ мѣста никакимъ счетамъ;— но рѣчь о томъ, что всему же на свѣтѣ должна быть мѣра и свой конецъ.

— Ахъ, да, и они для насъ уже исполнились.

— Ну, я этого не вижу, ты не идешь къ концу, а напротивъ, все только осложняешь.

— Итъ, Сержъ.

— Какъ же итъ? когда я уѣзжалъ отсюда недѣлю тому назадъ, ты просила меня вѣрить, что теперь уже все кончено и рѣшено, что я долженъ быть покоенъ, а тебѣ нужно только нѣсколько дней, чтобы выбрать день для нашей свадьбы; но прошелъ одинъ день—и я получаю отъ тебя письмо съ просьбою не прѣзжать недѣлю сюда. Привыкнувъ къ твоимъ капризамъ, я смѣялся надъ этимъ требованіемъ, но, однако, и его исполнилъ. Въ эти восемь дней ты что-то писала маман... Что ты такое ей писала?

— Оставь это, Сержъ.

— Итъ; я хотѣлъ бы это знать, что у тебя за тайны отъ меня съ моей матерью?

— Я ей кое въ чемъ открылась.

— Открылась? въ чемъ?

— Это моя тайна, Сержъ!

— «Открылась...» «тайна»... Господи, что за таинственность!

— Оставь это, Бога ради; я открыла ей мои душевные пороки.

— Изволь. Я не знаю, что заключалось въ твоёмъ письмѣ; ты лжешь, что ты открыла какіе-то пороки, потому что твое письмо привело мать въ совершенный восторгъ. Я думалъ, какъ бы она съ ума не сошла; она цѣловала твое письмо, прятала его у себя на груди; потомъ обнимала

меня, плакала отъ радости и называла тебя благороднѣйшею дѣвушкой и своимъ ангеломъ-хранителемъ. Неужто это все отъ открытія тобою твоихъ пороковъ?

Христя молча пошатнулась и схватилась рукою за стѣну.

— Что съ тобою,—спросилъ Сержъ.

— Ничего; я поскользнулась. Не обращай на это вниманія, продолжай,—меня очень интересуешь, что говорила обо мнѣ твоя мать?

— Ничего болѣе, какъ она отъ тебя въ восторгѣ, и ни за что не хотѣла показать мнѣ твоего письма.

— Вотъ видишь ли, какъ хорошо я умѣю утѣшить!

— Да оно и должно бы быть все хорошо; но что же значить твое вчерашнее письмо, чтобы я не пріѣзжалъ еще двѣ недѣли, и твоя записка, которую я нашелъ у тетушки Ольги Ѳоминшны: что еще за капризъ или тайна, что ты не хочешь пускать меня къ себѣ въ домъ?

— Да, это тайна, Сержъ.

— Опять тайна!—новая, или все та же самая, что общалась матери?

— Почти та же самая.

— И ты ее, вѣроятно, рѣшилась мнѣ открыть?

— Да; я рѣшилась. Я хотѣла сдѣлать это, но не такъ скоро. Я хотѣла собраться съ силами,—но ты не послушалъ меня, пріѣхалъ—и мнѣ ничего не остается какъ сказать тебѣ все. Я знала, что ты пойдешь къ намъ и рѣшилась ждать тебя здѣсь... на дорогѣ.

Онъ пожалъ плечами и съ неудовольствіемъ произнесъ:

— Тайна съ открытіемъ на уличномъ тротуарѣ... Это оригинально!

— Да, Сержъ, да: оригинально, глупо, все что ты хочешь,—но здѣсь я открою ее, здѣсь или гдѣ попало, но не тамъ, не въ нашемъ домѣ, гдѣ меня оставляютъ силы, когда я подумаю о томъ, что я должна тебѣ сказать.

Сержъ остановился и выпустилъ ее руку.

— Нѣтъ, будемъ идти,—настояла Христя и, потянувъ его за руку, заговорила часто и скороговоркой: — между нами, Сержъ, все должно быть кончено... все... все... все... надежды, свиданія... любовь... Все и навсегда.

— Такъ ты это серьезно говоришь?

— Серьезно, Сержъ, серьезно; я не могу быть твоею женою...

я не могу поступить противъ твоей совѣсти... Да; противъ совѣсти, Сержъ, потому что я... я люблю другого, Serge.

И она вдругъ схватила обѣ его руки, жарко ихъ поцѣловала—и, поднявъ къ небу лицо, на которомъ луна освѣтила полные слезъ глаза, воскликнула: «Прости! прости меня!»—и бросилась бѣгомъ къ своему дому.

Молодой человѣкъ кинулся за нею—и, нагнавъ, ее остановилъ на калиткѣ.

Я не слыхалъ первыхъ словъ ихъ объясненія на этомъ пунктѣ, а когда я подошелъ, они уже снова разставались.

— И вы запрещаете мнѣ встрѣчаться съ вами?—спрашивалъ Сержъ.

— Да; я прошу... я не могу этого запретить, но я прошу обѣ этомъ, — отвѣчала Христя голосомъ, въ которомъ уже не было слышно недавняго волненія.

Онъ нѣсколько патетически произнесъ: «прощайте»—и, встряхнувъ ея руку, пошелъ назадъ.

Я прислонился за темный выступъ забора—и, пропустивъ его мимо себя, видѣлъ, какъ онъ остановился и, вздохнувъ, словно свалилъ гору, пошелъ бодрымъ шагомъ.

Христя еще стояла на порогѣ и все смотрѣла ему вслѣдъ. Мнѣ казалось, что она тихо и неутѣшно плакала. И я все хотѣлъ къ ней подойти и не рѣшался; а въ это время невдалекѣ за угломъ слышались голоса какой-то большой шумной компаніи, и на улицѣ показалось нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ я съ перваго же раза узналъ Пенькновскаго. Онъ былъ очень веселъ—и, замѣтивъ въ калиткѣ женское платье Христи, кинулся къ ней со словами:

— Позвольте васъ одинъ разъ поцѣловать!

Калитка въ ту же минуту захлопнулась, и опомнившаяся Христя исчезла какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я подскочилъ, чтобы защищать ее отъ наглости Пенькновскаго, который, увидя меня, весело схватилъ меня за руку и вскричалъ:

— Ага! а ты это, братъ, что тутъ по ночамъ дѣлаешь?

— Я провожалъ мою мать, — отвѣчалъ я, боясь, чтобы самое имя Христи не стало ему извѣстно.

— А-а! мать... Такъ это здѣсь была твоя мать?

— Да, моя мать.

— Да куда же это она шла? Развѣ это вашъ домъ?

— Нѣтъ не нашъ, а тутъ одна наша знакомая больна.

— Фу, чортъ возьми, какая глупость! И чего же это однако твоя мать стояла на калиткѣ?

— Она меня крестила.

— Крестила тебя! Это какіе пустяки! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ она тебя крестила?

— На ночь. Она всегда меня крестить.

— Ахъ, чортъ возьми! Но ты ради Бога же не говори ей, что это я къ ней подлетѣлъ.

Я далъ слово не говорить.

— А ты какъ думаешь: узнала она меня или нѣтъ? — безпокойно запыталъ Пеньковскій.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я: — я думаю, что она не узнала.

— И мнѣ кажется не узнала... довольно темно, да и я немножко пьянъ, а вѣдь я ей наговорилъ, что въ ротъ ничего не беру. Ты, однако, смотри: это поддерживай.

— Какъ же, непременно!

— Да, а то это выйдетъ не по-товарищески. А у насъ, братъ, сейчасъ были какія ужасныя вещи! — и Пеньковскій, поотставъ со мною еще на нѣсколько шаговъ отъ своихъ товарищей, сказалъ о нихъ, что это все чиновники гражданской палаты и что у нихъ сейчасъ былъ военный совѣтъ, на которомъ открылась измѣна?

— Какъ измѣна? кто же вамъ измѣнилъ.

— Одинъ подлець дворянскій засѣдатель. Онъ подписалъ на революцію сто рублей и на этомъ основаніи захотѣлъ всѣмъ командовать. Мы его высвистали, и отецъ часъ тому назадъ выгналъ его, капалью. Даже деньги его выбросили изъ кассы, и мы ихъ сейчасъ спустимъ. Хочешь, пойдемъ съ нами въ цукерню: я угощу тебя сладкимъ тѣстомъ и глинтвейномъ.

Я поблагодарилъ его и отказался.

— Ну, какъ хочешь! — сказалъ Пеньковскій: — а то бы пошелъ и отлично бы накатились. Но все равно, иди домой и непременно развѣдай завтра, узнала ли меня твоя мать — и если узнала, то побожись, что это не я.

— Пожалуй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Такъ, въ такой обстановкѣ и среди такихъ элементовъ я ориентировался въ живописномъ городѣ, который почи-

тается колыбелью просвѣщенія для всего русскаго народа,—и по степенію обстоятельствъ, и по избранію моей матери въ теченіе десяти лѣтъ кряду былъ моею житейскою школою.

Это десять многознаменательныхъ для меня лѣтъ, окончательно сформировавшія мой характеръ.

Послѣ того, что я описалъ, я непосредственно заболѣлъ; поводомъ къ этому недугу, какъ матушка отгадала, дѣйствительно, была простуда, полученная мною во время куренія у форточки.

У меня свѣдалась лихорадка и колотье въ ушахъ,—болѣзнь, конечно, не важная, но, однако, она мѣшала моимъ и служебнымъ, и учебнымъ занятіямъ. Первый блинъ шелъ комомъ: я только начать уроки, только подать просьбу объ опредѣленіи меня на службу и сейчасъ же слегъ.

Въ это время, помимо болѣзни, со мною случилось еще двѣ непріятности: во-первыхъ, Кирилль явился ко мнѣ прощаться, а какъ я тотчасъ не вставалъ съ постели, то его приняла матушка и дала ему рубль, и этимъ бы все могло благополучно и кончиться, но, тронутый этою благодатью, Кирилль захотѣлъ блеснуть умомъ и, возмнивъ себя чѣмъ-то въ родѣ многоопытнаго Улисса, пустился въ повѣствованіе о томъ, какъ мы дорогой страждовали, и какъ онъ послѣ многихъ мелкихъ злоключеній былъ наконецъ подъ Королевцемъ крупно выпоронъ.

Услыхавъ изъ своей комнаты, что дѣло дошло до королевецкихъ происшествій, я чрезвычайно оробѣлъ, а когда матушка вдобавокъ къ этому еще спросила: за что же именно его такъ обидѣли.—страхъ мой уже не зналъ предѣловъ; но коварный мужиченко отлично нашелся. Немножко помямливъ и почесавшись, онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Эхъ, государыня-матушка, если всю правду говорить, какъ передъ Богомъ,—то, вздохнувъ ко Всевышнему, ничего я больше за собою не знаю, какъ это Господь наказалъ меня за мое лакомство.

— За какое лакомство?—сказала матан.

— А что я о ту пору, лба не перекрестя, морковь ѣлъ.

Послѣ такого объясненія Кирилль былъ отпущенъ, и эта бѣда силыла, но зато, на мѣсто ея близилась другая: черезъ нѣсколько дней, во время самаго жестокаго пароксизма

лихорадки, въ домѣ получилось на мое имя письмо. Находишь въ нестерпимомъ жару болѣзни, я ничего не понималъ: ни адреса на конвертѣ, ни того, что стояло на вынутомъ мною листкѣ; бумага трепетала въ моей рукѣ и строки тряслись и путались, а глаза ничего не видали. Тогда матушка, вынувъ изъ моихъ дрожащихъ рукъ это письмо, взглянула на первыя его строки и вся измѣнилась въ лицѣ, воскликнувъ:

— Боже мой! кто это смѣетъ тебѣ писать такое письмо?

— Что тамъ такое, татап?—освѣдомился я, едва шевеля своими смягнутыми губами.

— Письмо начинается со словъ: «Праотцевъ, ты дуракъ!»

«Плохо!»—подумалъ я, заключая, по слогу, что это вѣрно энергическая Тверь спосится съ вѣжливымъ Кіевомъ!

— Тебя бранятъ,—продолжала матушка, показывая мнѣ листокъ, на которомъ я теперь при новомъ толчкѣ, данномъ всѣмъ моимъ нервамъ, прочелъ нѣсколько болѣе того, что было сказано: «Праотцевъ! ты дуракъ и подлець»... Дальше нечего было и читать: я узналъ руку Виктора Волосатина и понялъ, что это откликъ на мою борзенскую корреспонденцію къ его сестрѣ, потому что вслѣдъ за приведеннымъ привѣтствіемъ стояли слова: «Какъ смѣлъ ты, мерзавецъ, писать къ моей сестрѣ». Читая эти слова, я вспомнилъ, что ихъ точно такъ же читаетъ теперь и моя мать, и потому быстро разорвалъ письмо и, отвернувшись къ стѣнѣ, проспалъ цѣлыя сутки.

Когда я проснулся опять, былъ день въ той же передобѣденной порѣ, около которой вчера было получено тверское бранное посланіе. Къ этой порѣ у меня обыкновенно начинался лихорадочный пароксизмъ; но, однако, проснувшись теперь, я этого не ощущалъ. Тверская встреча меня выльчила: я съ горя переспалъ болѣзнь.

Осмотрѣвшись, я увидалъ, что со мною въ комнатѣ никого нѣтъ, но невдалекѣ въ матушкиной комнатѣ слышь тихій разговоръ. Этотъ разговоръ, который, впрочемъ, гораздо удобнѣе назвать медицинскимъ разсужденіемъ, происходилъ между татап и однимъ—въ то время очень молодымъ—университетскимъ профессоромъ и касался меня.

Матушка жаловалась, что я на ея взглядъ очень нервень и впечатлителень, и что она этого боится, а медикъ отвѣчалъ:

— Да нѣтъ, онъ довольно хорошо построены, но онъ на длинныхъ ножкахъ, а ужъ этакіе, разумѣется, всегда немножко валки.

— То-то, мнѣ кажется, онъ слабъ, — шептала мамап.

— Да я вамъ и говорю: люди на длинныхъ ножкахъ всегда нѣсколько кволы. Корогоножки гораздо прочиѣе, но ужъ этого не передѣлаешь: кто на какихъ ножкахъ заведенъ и пущенъ, тотъ на такихъ и ходитъ. Впрочемъ, будьте покойны: все хорошо, а я спѣшу захватъ къ Льву Яковлевичу.

Мамап спросила: — кто у нихъ боленъ?

— Кажется, всѣ вдругъ, — отвѣчалъ докторъ и добавилъ, что онъ былъ у нихъ ночью и теперь снова спѣшить, потому что тамъ весь домъ въ тревогѣ.

— Боже мой! что же это такое? а я не могу за болѣзнію сына ихъ навѣстить.

— Да и не спѣшите: тревога пустая и ничего опаснаго нѣтъ; вчера къ нимъ приѣхалъ ихъ племянникъ Сержъ и разругалъ ихъ за что-то по правамъ родства.

— Ахъ, какая досада! они и такъ его не жалуютъ.

— Да, даже самого Льва Яковлевича называлъ дикой свиньей, а съ тѣмъ отъ этого сдѣлался обморокъ; но то не важно: онъ на коротенькихъ ножкахъ и скоро поправится.

Съ этимъ докторъ взошелъ на прощанье взглянуть на меня — и какъ я притворился спящимъ, то онъ только указалъ матери на мои закрытыя одѣяломъ ноги — и, прошептавъ, что лучше было бы, если бы онѣ были покороче, уѣхалъ.

Между тѣмъ я во все это время съ напряженнымъ вниманіемъ разматривалъ изъ-подъ своихъ рѣсницъ собственные ноги врача и нашелъ, что онѣ у него чрезвычайно пропорціональны.

Освободясь отъ этого визита, я снова открылъ глаза и сталъ размышлять: дѣйствительно ли большая или меньшая длина ногъ можетъ имѣть такое важное вліяніе на судьбу человѣка, или же господинъ докторъ наираетъ на это только потому, что у самого у него прекрасныя ноги и ему выгодно обращать на нихъ косвеннымъ образомъ всеобщее вниманіе.

Въ эту самую минуту къ моему изголовью присѣла съ вязаньемъ въ рукахъ матушка и, взглянувъ на мое задумчивое лицо, спросила:

— О чемъ ты размышляешь, дитя мое?

Я сконфузился и покраснѣлъ.

— Если это секретъ, то не говори.

— Нѣтъ, маман, какой же секретъ!..

И я рассказалъ ей, что мнѣ пришло въ голову по поводу докторскаго разсужденія о ногахъ.

— Зачѣмъ же такъ думать?—отвѣчала маман:—нашъ докторъ очень хорошій и умный человекъ.

— Да; онъ мнѣ кажется слишкомъ практичный, маман.

— «Слишкомъ практичный»... что ты подъ этимъ разумѣешь?

— Онъ... онъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ только то, что имъ приятно или выгодно.

— Значить, по-твоему, быть практичнымъ все равно, что быть эгоистомъ?

— Да, маман... То-есть позвольте, я это хорошенько не обдумалъ.

— Такъ обдумай.

Матушка, не переставая работать длинными деревянными спицами своего филейнаго вязанья, сосчитала рядъ петель—и потомъ, не ожидая моего отвѣта, заговорила, что я сужу чрезвычайно односторонне и неправильно: что быть практичнымъ—это еще отнюдь не значитъ быть себялюбивымъ эгоистомъ; но что, кромѣ того, въ свѣтѣ часто безъ разбора называютъ *практическими* людей, которые просто *разумны* и поступаютъ умно не вслѣдствіе большой практики, а вслѣдствіе хорошей обдуманности и яснаго пониманія дѣла. Она мнѣ, какъ профессоръ, разъяснила, что *практически* можно знать опредѣленное число тѣхъ вещей, въ которыхъ человекъ прежде уже довелось имѣть опытъ, а *разумно* постигать можно все доступное разумнѣю всестороннихъ свойствъ предмета, среды дѣйствія и условій времени и мѣста. И вслѣдъ зачѣмъ маман, какъ будто пожелавъ еще болѣе пояснить сказанное мнѣ живымъ примѣромъ, улыбнулась и добавила:

— Вотъ, напримѣръ, когда ты шель въ головѣ пѣловавшихъ дамамъ ручки кадетъ или писалъ письмо о своемъ душевномъ состояніи, ты былъ *непрактиченъ*,—ты это сдѣлалъ потому, что не зналъ, что это не принято и не дѣлается.

— Да, маман, да.—увѣряю васъ, что потому.

— Ну да, и вотъ потому-то это, не заключая въ себѣ ничего особенно дурного и глупаго, только непрактично; а твой тверской товарищъ, который прислалъ тебѣ обидное письмо за твою ласковость, сдѣлалъ гораздо худшій поступокъ—уже непрактическій, а неблагоразумный: онъ тебя обижаетъ за то, что ты ласкаешься... Это обозначаетъ плохую голову и нехорошее сердце...

— Опъ свѣтскій, маман.

— Не думаю: свѣтскіе люди стараются быть сдержанными; а люди практическіе—если хотятъ кого обидѣть, то не бранятся съ первыхъ строкъ, потому что тогда благоразумные люди далѣе не читаютъ. Кстати, извини меня: я бросила это глупое письмо въ печку.

Я обняла матушку и припала головою къ ея плечу.

Меня обуревали самыя смѣшанныя чувства: я былъ радъ, что ненавистное письмо, котораго я такъ долго ждалъ и опасался—теперь мнѣ уже болѣе не странно; я чувствовалъ приливъ самыхъ теплыхъ и благодарныхъ чувствъ къ матери за деликатность, съ которою она освободила меня отъ тяжелыхъ самобичеваній за это письмо, представивъ все дѣло совѣмъ не въ томъ свѣтѣ, какъ оно мнѣ представлялось,—а главное: я ощущалъ неодолимые укоры совѣсти за тѣ недостойныя мысли, какія я, было, началъ питать насчетъ материнскаго характера. Я видѣлъ, что она добрая и благоразумная, а совѣмъ не *практическая*, какъ о ней толкуютъ,—и мнѣ ее стало безконечно жалко. Я прижался къ ней еще тѣплѣе и прошепталъ:

— Простите меня, маман!

Она взяла мое лицо въ обѣ свои руки и спросила:

— Въ чемъ, дитя мое?

— Маман, мнѣ это странно сказать вамъ.

Матушка, видимо, встревожилась, а когда я къ этому прибавилъ, что вина моя заключается въ моемъ легкомысліи, съ которымъ я позволилъ себѣ осуждать ее въ своемъ умѣ,—она даже поблѣднѣла и не могла произнести ни одного слова.

Въ моихъ мысляхъ мелькнулъ Филиппъ Кольбергъ, и я увидаль, что началъ пренеловкую рѣчь и поспѣшилъ поправиться.

— Маман, я ропталъ на васъ: вы мнѣ казались очень практичными,—проговорилъ я, потушивъ глаза.

— Вот что!

И матушка приподняла мою голову, посмотрѣла мнѣ въ глаза—и, спокойно улыбувшись, обняла меня и прижала къ сердцу.

Я слышалъ, какъ это сердце билось, и чувствовалъ, что оно бьется для меня, межъ тѣмъ какъ если бы оно было практичнѣе—ему никто не смѣлъ бы помѣшать воспользоваться своимъ правомъ биться еще для кого-нибудь другого, и при этой мысли я опять почувствовалъ Филиппа Кольберга,—онъ вдругъ изъ какого-то далека насторожилъ на меня свои смѣлые открытые глаза, которыхъ я не могъ ничѣмъ прогнать—и только въ ревнивомъ страхѣ сжалъ матушку и въ отвѣтъ на ея ласки шептала ей:

— Маман, другъ мой! вы моя самая умная, самая добрая мать. Скажите же мнѣ, что вы меня простили.

— Ото всего сердца прощаю и извиняю.

— «Прощаю и извиняю», подумалъ я.. Отчего не просто прощаю?

— О чемъ ты задумался?—спросила маман.

Я не вытерпѣлъ и отвѣчалъ:

— Я думаю о томъ, маман, зачѣмъ вы прибавили, что не только прощаете, но и извиняете меня. Развѣ это не все равно?

Она опять улыбулась и сказала:

— Нѣтъ, это не все равно: прощеніе дается даромъ по снисходительности того, кто прощаетъ; а извиненіе вызывается причинами, которыя заставляютъ не считать вину виною. Но ты, однако, очень пытливъ—это хорошее качество, оно можетъ вести къ широкому разумѣнію; но надо чтобы при этомъ не было безпокойнаго воображенія, которое всегда ведетъ къ напраснымъ тревогамъ и ошибкамъ.

Все это для меня было чрезвычайно ново—и я съ восторгомъ чувствовалъ, что матушка вводитъ меня въ сознаніе простыхъ, но важныхъ житейскихъ истинъ, и гордился ею самою и ея умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое изъ ея словъ раскрывало передо мною въ самой малой вещи весьма сложныя идеи, объясненіе которыхъ было мнѣ чрезвычайно пріятно: я вкушалъ въ эти минуты священную сладость просвѣщенія ума и сердца. Относясь еще вчера весьма пассивно къ матушкиному проекту моихъ усиленныхъ научныхъ занятій, я теперь уже осуждалъ себя за это равнодушіе—

и теперь самъ страстно желалъ учиться и учиться не для чего-нибудь корыстнаго, не для чиповъ, не для званій или денежныхъ выгодъ, а именно для самихъ знаній, для постиганія всего того, что при незнаніи и необразованности проходить у человѣка незамѣченнымъ и ничтожнымъ, межъ тѣмъ какъ при глубокомъ разумѣніи жизни въ ней все такъ осмысленно, такъ послѣдовательно, причинно и условно, что можно властвовать жизнью, а не подчиняться ей. Однимъ словомъ: задумевный, хотя какъ всегда сдержанный, разговоръ, который я имѣлъ съ матушкою въ этотъ вечеръ, оставилъ своимъ слѣдствиемъ то, что во мнѣ всыхнула жажда знаній—и я съ этихъ поръ безъ перерыва много лѣтъ сряду рыскалъ и шарилъ вездѣ, гдѣ надѣялся найти какое-нибудь новое знаніе.

Я не дожидаясь полного моего выздоровленія—и прежде чѣмъ недовольный моими ногами докторъ разрѣшилъ мнѣ выходить изъ моей комнаты, я доставилъ маман и Ивану Ивановичу Алтанскому случай не разъ повторить мнѣ, что оба они мною очень довольны. Мое прилежаніе и быстрота, съ которою я одолевалъ самымъ мною выпраниваемые и удваиваемые себѣ уроки, приводили и маман, и профессора въ удивленіе. О напоминаніяхъ учиться не бывало и рѣчи, и я уже слышалъ только одни удерживанья.

— Не спиши, мой другъ, не спиши,—говорилъ мнѣ, самодовольно улыбаясь, Алтанскій.—Не опережай времени. Успишемъ: ты еще молодъ для серьезныхъ занятій.

— У тебя ноги длинны, всего вдругъ не поднимешь,— шутила на ту же тему маман.

Но я ничему этому не внималъ и погрузился въ книги и ученье какъ мышь въ кадку съ мукдою, откуда выглядывалъ на свѣтъ Божій робко, изрѣдка, съ застѣпчивою дикостью и больною неохотою. Притомъ же, удерживая сравненіе себя съ утонувшею въ мукѣ мышью, я долженъ сказать, что, найдя вкусъ и удовольствіе въ занятіяхъ науками, я и наружу выглядывалъ какъ бы обсыпанная мукою мышь, и уже въ столь ранніе мои годы началъ казаться изряднымъ чудакомъ. Но буду по возможности держаться въ своемъ повѣствованіи порядка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Выздоровѣвъ, я немедленно опредѣлялся на службу, но о

службѣ моей я не стану распространяться: это была канцелярская служба, какъ большинство службъ этого рода, то есть служба весьма необременительная — и для меня, какъ для «генеральскаго родственника», даже совсѣмъ легкая. Самъ генераль не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, а ближайшее мое начальство (кунно до столоначальника) велически мнѣ вольготило, конечно не потому, чтобы тѣмъ хотѣли сберечь мнѣ мое время для другихъ болѣе пріятныхъ и полезныхъ занятій, а съ другою цѣлю, которой я тогда не понималъ. Чиновники, мѣрняя меня на свой аршинъ, предполагали во мнѣ опаснаго конкурента на должности и потому заботились не допускать меня до ближайшаго изученія тайнъ канцелярской науки. Я обыкновенно переписывалъ каждый день на-бѣло двѣ-три бумаги и затѣмъ всегда съ большимъ удовольствіемъ уходилъ домой, гдѣ меня ожидали добрые друзья и научныя занятія, которыми я, какъ выше сказано, неустанно предавался съ страстнымъ увлеченіемъ, и, разумѣется, содержалъ это въ полнѣйшемъ секретѣ отъ моихъ служебныхъ товарищей, съ которыми, впрочемъ, вообще я не имѣлъ ничего общаго кромѣ встрѣчь въ канцеляріи.

Генераль Левъ Яковлевичъ, въ началѣ моего служебнаго поприща, раза два освѣдомлялся обо мнѣ, что я дѣлаю; но потомъ такая внимательность ему, вѣроятно, надобѣла — и онъ уже болѣе никогда не интересовался моими служебными успѣхами. Матушка это видѣла, но зная, что мнѣ еще рано служить и что я служу, только подчиняясь моей суровой долѣ, она даже радовалась, что я пребывалъ внѣ всякихъ надеждъ на повышеніе по службѣ, но зато ничего и не заимствовалъ и не усваивалъ себѣ изъ той чиновничьей среды, въ которую меня довольно надолго забросила житейская волна.

Знакомствъ мы никакихъ не дѣлали, какъ потому, что жили на весьма ограниченныя средства, такъ и потому, что не чувствовали въ нихъ ни малѣйшей надобности. Изъ дома мы выходили чрезвычайно рѣдко — и то только развѣ къ генералу Льву Яковлевичу, который, имѣя нѣкоторыя фамусовскія черты, требовалъ, чтобы я у него по праздникамъ обѣдалъ, что мнѣ, впрочемъ, всегда было сущимъ наказаніемъ. Матушку же туда довольно часто вызывали, но это тоже дѣлалось не по любви и расположенности къ ней,

а въ цѣляхъ весьма практическихъ, такъ какъ воинственный статскій генераль, зная, что матушка была друженно знакома съ домомъ барона К., у котораго Левъ Яковлевичъ служилъ въ маленькомъ чинѣ, конфузился ея и при ней не позволялъ себѣ дебошировать въ той степени, до которой онъ порой доходилъ въ своей семьѣ, находясь на свободѣ безъ постороннихъ свидѣтелей. При этомъ я хочу замѣтить, что онъ однако никогда не дрался, а только шумѣлъ, гремѣлъ, стучалъ кулаками, источая потоки самой находчивой брани, называя большую жену «мокробіотикой», старшую дочь «уродомъ», а свояченицу «чортовой перечницей» и другими сему подобными лестными кличками. При шапанъ онъ такъ не ругался.

Матушка очень тяготилась необходимостью посѣщать этотъ домъ, но, однако, не отказывалась—сколько по своей добротѣ и миролюбію, столько же и потому, что считала нужнымъ удерживать эти отношенія для моей пользы. Другой домъ, гдѣ мы бывали, былъ домъ Альтанскихъ: сюда мы ходили съ удовольствіемъ, но гораздо рѣже, потому что и профессоръ, и его дочь (романъ которой и до сихъ поръ остается неразъясненнымъ въ моихъ запискахъ) были ежедневно у насъ. Совмѣстные занятія науками, совмѣстная задушевная, умная и пріятная бесѣда у камина и совмѣстный чай, а потомъ легкій ужинъ ломтемъ холоднаго мяса—были нашимъ режимомъ, въ которомъ мы сблизились и слились до неразрывнаго душевнаго согласія, взаимной привязанности и единства.

Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ намъ не нужно было никакого болѣе просторнаго міра, хотя мы отсюда часто обозрѣвали весь міръ и передвигали передъ собою его картины при различныхъ освѣщеніяхъ. Въ характерѣ нашихъ бесѣдованій было замѣчательно то, что лица въ нашихъ разговорахъ играли относительно очень небольшую роль; мы почти никогда не говорили о комъ-нибудь, а всегда о чемъ-нибудь—и потому разговоръ нашъ получалъ форму не осужденія, а разсужденія, и черезъ это бесѣды сообщался спокойный, философскій характеръ, незамѣтно, но быстро давшій моему уму склонность къ изслѣдованію и анализу.

Отправленіе въ каждой бесѣдѣ отъ живыхъ и часто по видимому ничтожныхъ явленій частной жизни къ вопросамъ общаго значенія—дѣлало эту бесѣду столь легкою и доступ-

пою, что я — самый младший и невоспитанный членъ нашего кружка, — самъ не замѣтилъ, какъ началъ свободно понимать все, что мнѣ доводилось слышать, и чувствовалъ себя въ силахъ ставить иногда болѣе или менѣе умѣстно свое слово. Если мнѣніе мое не служило къ разъясненію вопроса, то оно нерѣдко было поводомъ къ указанію небывшаго до тѣхъ поръ на виду возраженія со стороны непросвѣщеннаго разума.

Голосъ мой въ своемъ родѣ былъ нѣчто въ родѣ *голоса изъ толпы*, на который всегда давался терпѣливый и разумный отвѣтъ, всегда шедшій мнѣ — представителю толпы — на добрую потребу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Первое что мнѣ припоминается — это бесѣда въ тотъ самый вечеръ, когда между мною и матушкой произошло сердечное примиреніе послѣ моихъ мысленныхъ противъ нея раздраженій.

Мы сидѣли въ полномъ сборѣ всѣ вчетверомъ, то-есть я, еще немножко больной и помѣщавшійся въ глубокомъ креслѣ, моя тата, профессоръ и его дочь, которая появилась къ вечеру съ нѣсколькими блѣднымъ, но твердымъ лицомъ.

Матушка, наливъ всѣмъ намъ чаю, молвила, что у нея сегодня очень радостный день, — что она сегодня сдѣлала дорогую находку или приобрѣтеніе.

— Развѣ вы выходили сегодня? — спросила ее Христя.

— Нѣтъ, не выходила: я нашла мою находку у себя дома.

— Что же это такое?

Матушка отвѣчала, что она нашла сердце своего сына и приобрѣла его довѣріе.

Я покраснѣлъ.

— Но развѣ его сердце не всегда вамъ принадлежало? — продолжала Христя.

— Да; онъ меня любитъ и онъ былъ *увѣренъ* въ моей любви, но съ сегодняшняго дня все, что мнѣ принадлежало отъ него *по вѣрѣ*, онъ отдалъ мнѣ *по убѣжденію*. Это мнѣ очень дорого — и я высоко буду цѣнить этотъ день. Это мой праздникъ.

Я покраснѣлъ еще болѣе.

— Не стыдись, пожалуйста, моей благодарности, — продолжала тата: — я знаю, что присутствовать на своей соб-

ственной цензурѣ очень непріятно, особенно когда пасть въ глаза хвалить; но я все это говорю не въ похвалу тебѣ, а просто открываю тебѣ мою высшую радость. Приобрѣсти твою откровенность—это все, чего я могла желать и молить у Бога, и Онъ все это далъ мнѣ.

М смутился: на душѣ моей лежала цѣлая тьма тайнъ, которыхъ я не открылъ и не рѣшился бы открыть моей матери; но эти ея слова, послуживъ мнѣ укоромъ, возбудили во мнѣ такой азартъ покаянія, что я заговорилъ:

— Нѣтъ, маман, я вамъ еще не все открылъ! И затѣмъ я началъ порывисто и страстно при всѣхъ приносить подробное покаяніе во всѣхъ моихъ цуевыхъ проступкахъ, не умолчавъ даже о томъ, что встрѣтилъ подъ ярмарочными шатрами въ Королевцѣ женщину и послѣ того не могъ помыслить: какъ я предстану матери и обниму ее.

Это сдѣлалось такъ внезапно, что неприготовленные къ тому Альтанскіе скромно потупили глаза, а Христа даже хотѣла выйти; но маман остановила ее за руку и, склонивъ голову, внимательно и, казалось, покойно слушала мою исповѣдь.

Когда я кончилъ и заключилъ словами:

— Маман, прошу васъ, церемѣните обо мнѣ ваше доброе мнѣніе,—я его не стѣю...

Матушка помолчала минуту, а потомъ начала спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, если ты открылъ все это съ тѣмъ, чтобы не возвращаться къ тому, въ чемъ ты осудилъ себя, то ты стоишь добраго мнѣнія.

— О да, маман, я гнушаюсь моимъ прошлымъ!

— Поди же и обними меня.

Это былъ такой краснорѣчивый отвѣтъ на мое сомнѣніе о правѣ обнять ее, что я кипулся ей на шею и, обнявъ ее, зарыдалъ.

— Перестаньте: вамъ еще вредно такъ сильно вопноваться! — прозвучалъ въ это время надо мною нѣжный голосъ Христа, и когда я, услыхавъ этотъ голосъ, поднялъ свое лицо, добрая дѣвушка и мать обняли меня и обѣ попеременно поцѣловали.

Эти чистые поцѣлуи были цѣленіемъ отъ моей королевской проказы—и притомъ какимъ святымъ и плодотворнымъ цѣленіемъ! Ими одинъ порокъ былъ навсегда опозоренъ передо мною и вырванъ изъ моего сердца.

— Еще, маман, — продолжалъ я въ своемъ покаянномъ азартѣ:—я долженъ васъ предостеречь: я скрылъ отъ васъ, что мой товарищъ Пенькиновскій совсѣмъ не такой, какимъ онъ себя вамъ представилъ: онъ меня ни отъ чего не удерживалъ.

Но матушка остановила меня знакомъ и не позволила болѣе рассказывать.

— Я все это считала возможнымъ, — сказала она: — по твоего товарища осуждать нельзя — этотъ бѣдный молодой человекъ живетъ безъ добраго руководства.

— Колеблема вѣтромъ трость, — тихо поддерживалъ Альтанскій и, выпувъ изъ кармана круглую табакерку, отошелъ съ нею къ окну, добавивъ:—пацское сердечко —пляхетска кровь.

— Да; къ тому же онъ имѣетъ несчастіе быть полякомъ и потому заслуживаетъ извиненія, — подсказала маман.

Помни недавній разговоръ о значеніи словъ *прощать* и *извинять*, и тотчасъ же послѣшилъ вдуматься: почему польское происхожденіе можетъ заставить не только *прощать* пороки по милости, но даже извинять ихъ по какому-то праву на происхожденіе, и я рѣшительно недоумѣвалъ, но матушка мнѣ это тотчасъ разъяснила.

— Поляки потеряли свою самостоятельность, — продолжала она:—а выше этого несчастія нѣтъ; всѣ народы, теряя свою государственную самостоятельность, обыкновенно теряютъ доблести духа и свойства къ его возвышенію. Такъ было съ великими греками, римлянами и евреями, и теперь то же самое на нашихъ глазахъ происходитъ съ поляками. Это ужасный урокъ.

— Да; сей урокъ учить любить свой народъ, дабы не видать его въ униженномъ удѣлѣ побѣжденныхъ, — вмѣшался Альтанскій.

— Вы прекрасно сказали, — отозвалась мать и добавила: но мнѣ кажется, что этотъ урокъ тоже учить и происхожденію, какое вызываетъ участь побѣжденныхъ?

— Да, да; тоже и этому. *Fortuna belli artem victas quoque docet.*

— Но позвольте, маман, — заговорилъ я: я, право, не знаю, какъ мнѣ быть; но мнѣ кажется, что я не долженъ отъ васъ скрывать, что Пенькиновскій сказалъ мнѣ, будто они хотятъ дѣлать революцію.

Матап сдвинула брови и переспросила меня, такъ ли я ей выразился; а когда я повторилъ ей мои слова, она сухо отвѣтила, что это непременно вздоръ.

— И на что имъ революція?

— Не знаю, говорю, матап: они, кажется, хотятъ сдѣлать республику.

— Республика!.. Какая можетъ быть республика у пустыхъ и глухихъ людей?

— Не знаю, матап, но онъ мнѣ говорилъ, что будетъ такая республика, гдѣ король и публика.

Мать промолчала, но профессоръ, сильно зарядивъ носъ табакомъ, проговорилъ съ легкою насмѣшкою:

— Республика — гдѣ король и публика, а республиканція — гдѣ нѣтъ королю ваканціи.

Мнѣ показалось, что профессоръ слегка шутить не надѣ однимъ Пенькновскимъ, но и надѣ словами матери, которая тоже сдѣлалась съ нимъ на нѣсколько минутъ суше, чѣмъ обыкновенно, и сказала, что, обращая все въ шутку, можно довести до того, будто польская республика была не что иное, какъ коглетъ съ горошкомъ, которую скушали и ей какъ не бывало.

— Нѣтъ, доказать, что ея какъ не бывало, невозможно, — отвѣчала профессоръ: — потому что кто ее скушалъ, тѣ отъ этого распольѣли; но можно доказать, что пустые люди, принимаясь за хорошую идею, всегда ее роняютъ и портятъ.

Съ этимъ профессоръ простился, оставивъ матушку примиренною съ его мнѣніемъ, а меня съ открытіемъ, что и онъ, и мать моя въ душѣ республиканцы и притомъ гораздо больше, чѣмъ Пенькновскій, но совсѣмъ не такіе, какъ онъ и его заговорщики.

Я не понималъ, что бы такое моя мать и Альтанскій могли сдѣлать для *великой идеи*, но былъ увѣренъ, что они бы ее ни за что «не уронили и не испортили».

Впоследствии я убѣдился, что соображенія мои вѣрны, и притомъ, изучая характеры и взгляды этихъ лицъ, я открылъ, что у матушки были передъ профессоромъ значительныя преимущества возвышеннаго, но пылкаго духа, тогда какъ профессоръ относился ко всему съ спокойнымъ величіемъ мудреца. Эта разность въ характерахъ порождала между ними легкія столкновения, разрѣшавшіяся чрезвычайно своеобразно. Когда матушка высказывала мысли, подобныя тѣмъ,

какія мною приведены выше по поводу разговора о Пеньковскомъ, профессоръ обыкновенно отходилъ съ своею табакеркою къ окну и, казалось, думалъ совсѣмъ о другомъ, но, уловивъ какое-нибудь одно слово, вдругъ подбиралъ къ нему болѣе или менѣе удачную рифму и отзывался шутливо въ стихотворной формѣ, въ родѣ:

«Въ республиканціи, нѣтъ королю ваканціи»

Такъ какъ онъ употреблялъ этотъ пріемъ, очевидно, съ добродушною ироніею надъ всѣмъ слышаннымъ, то матушкѣ это не очень нравилось — и она, при всемъ своемъ самообладаніи въ подобныхъ случаяхъ, обнаруживала легкое раздраженіе. Вообще же, хотя татапа отзывалась объ Альтанскомъ не иначе какъ съ величайшею похвалою, я чувствовала, что всѣ ея похвалы относятся только къ ея свѣтлomu уму, непререкаемой честности и большимъ свѣдѣніямъ, но что въ немъ было нѣчто такое, что ей не совсѣмъ нравилось, и что если бы отъ нея зависѣло отлить человека въ идеальную форму, то этой формой не во всемъ послужить бы избранный ею мнѣ наставникъ.

Альтанскій былъ ученый бурсакъ, матушка—просвѣщенная баронесса: эта разница лежала между ними всегда при всемъ видимомъ сходствѣ ихъ убѣжденій и при несомнѣнномъ другъ къ другу уваженіи. Старый ученый считалъ мою мать женщиною выходящею далеко вонъ изъ ряда, но... все-таки иногда давалъ ей свои рифмованные отвѣты, смыслъ которыхъ обозначалъ, что онъ считаетъ то или другое ея положеніе недостойнымъ отвѣта болѣе серьезнаго.

Между тѣмъ, они были друзьями — и это меня чрезвычайно удивляло, такъ какъ я имѣлъ совсѣмъ иное понятіе о взаимномъ отношеніи дружественныхъ между собою людей.

Совсѣмъ не то установилось въ отношеніяхъ Альтанскаго ко мнѣ и въ отношеніяхъ моей матери къ Христъ. Профессоръ, окончивъ со мною урокъ, часто и подолгу еще оставался за тѣмъ же столомъ и бесѣдовалъ со мною. Окончивъ занятія въ формѣ строго-научной, онъ давалъ мнѣ случайную уместившую пинцу, продолжая разговоръ о томъ же предметѣ въ формѣ легкой и приятной, всегда вызывающей на размысленія и дающей для нихъ обильную пинцу. И здѣсь уже не было никакого мѣста рифмоплетенію, если только татапа не вмѣшивалась въ дѣло; но всякое болѣе или менѣе продолжительное вмѣшательство съ ея стороны —

тотчасъ же вызывало у профессора наружу и его стихи, и его табакерку.

Мамап это замѣтила—и въ противность своему обѣщанію перестала присутствовать при нашихъ урокахъ, а потомъ предложила, чтобы я для большаго удобства Альтанскаго самъ ходилъ къ нему на домъ, что и мнѣ самому было чрезвычайно пріятно, такъ какъ дома у себя старикъ былъ еще дружественнѣе и сообщительнѣе. Уроки шли долго, но мнѣ казалось, что время за ними летѣло на крыльяхъ; а бесѣды, которыми Альтанскій заключалъ эти уроки, портили все расписаніе часовъ, сдѣланное для меня матушкою. Французскому и англійскому языку оставалось очень немного часовъ, потому что почти все вечернее время, послѣ занятій съ Альтанскимъ классиками, я проводилъ у него, уносясь восторженными мечтаніями во времена давно минувшія, въ міръ великихъ мудрецовъ и доблестныхъ героевъ. Христя въ эти самые часы обыкновенно брала свои музыкальные уроки и потомъ занималась съ мамап по-англійски, а мы съ старикомъ оставались двое въ его оригинальномъ большомъ кабинетѣ, куда не допускался никто изъ непосвященныхъ, хотя бы даже для того, чтобы обмести пыль, которая лежала на всемъ густыми слоями или висѣла космами. Альтанскій никому не позволялъ нарушать тотъ безпорядокъ, въ которомъ онъ одинъ, къ неопisanному моему удивленію, всегда быстро умѣлъ находить все, что ему было нужно.

Я позволяю себѣ, въ виду сверкающихъ сѣдинъ, еще на минуту завернуть въ этотъ задумчивый и пыльный кабинетъ, куда я прятался отъ людей, чтобы лучше ихъ видѣть и понимать.

Мы сѣли здѣсь за свои занятія часъ спустя послѣ обѣда и выходили отсюда, когда Богъ полагалъ на сердце.

Заходило солнце, спускались сумерки, восходила луна и серебристый свѣтъ ея тихо ложился на пыльный, до полу покрытый толстымъ фризомъ и заваленный фоліантами столъ, а мы все бесѣдовали. Я гдѣ-нибудь сидѣлъ въ углу, а сухой старикъ ходилъ—и ровною благородною ораторскою рѣчью повѣствовалъ мнѣ о дѣяніяхъ великихъ людей Греціи, Рима и Кароагена. И я все это слушалъ—и слушалъ часто вѣсь дрожа и замирая отъ страстнаго волненія.

Однажды, весь взволнованный рассказомъ Альтанскаго о

судѣ надъ Сократомъ и весь преисполненный гнѣва и досады, я сорвался съ мѣста и схватилъ Альтанскаго за руку, какъ бы желая его остановить, но онъ спокойно обнялъ меня своею другою рукою и увлекъ впередъ. Мы ходили обнявшись — и бесѣда не прекращаясь лилась и лилась своею чередою.

— Ты дрожишь, — сказала онъ въ заключеніе, обратясь ко мнѣ и впервые заговоривъ со мною на *ты*. — Ты дрожишь отъ негодованія на людскую несправедливость: слагай это въ своемъ сердцѣ.

— Я этого не позабуду, — отвѣчалъ я, сжимая до крови ногтями грудь подъ сорочкой.

Старикъ остановился и, посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Какого духа ты теперь исполненъ?

— Я умереть хочу за справедливость, — прошепталъ я.

— О, добрый юноша! — воскликнулъ старикъ: — справедливость куда лишь *хорошая идея*, осуществленія которой въ толпѣ ибѣтъ точно такъ же, какъ не можетъ ея быть у тирана. Смирись передъ этимъ — и поди въ кухню и поставь самоваръ.

И когда я пошелъ буквально исполнить то, что мнѣ сказано, старикъ уснулъ — и я засталъ его спящимъ на диванѣ, всего озареннаго янтарными лучами заходящаго солнца.

«Такъ-то миренъ закатъ твой! — подумалъ я: — каково-то задастся онъ мнѣ?» — и при этомъ мнѣ вдругъ чудилось, что мнѣ еще куда-то надо сбѣжать отсюда до заката; въ открытую форточку врывалась свѣжая струя и куда-то машила... Куда?.. Но я отвращался отъ этой взманы и учился, учился все больше и служилъ моему учителю все покорнѣе и смиреннѣй. Я съ какимъ-то сладкимъ раболѣвствомъ исполнялъ при немъ разныя послуги: ходилъ покупать ему нюхательнаго табаку, бѣгалъ на Подоль за особыми булками, которыя ввечеру выносили на базаръ двѣ извѣстныя въ то время кievскія пекарки, Поднебесная и Керавовна, и аккуратно чистилъ клѣтку его сѣдого бердичевскаго соловья.

Зато и самъ Альтанскій не чинился со мною — и въ то время, какъ употреблялъ меня вмѣсто отдыха на побѣгушки и ставленья самовара, онъ самъ садился къ окну и при свѣтѣ сумерекъ или при слабомъ блескѣ дуну царашалъ въ моей тетради мысли, которыя хотѣлъ водворить въ душѣ

моей, чтобы поставить меня «господиномъ, а не рабомъ жизни».

Успѣхи я дѣлалъ невѣроятно быстрые, но вліяніе ихъ на меня было нѣсколько странно: я чувствовать себя очень слабымъ на моихъ длинныхъ ножкахъ.

Однако объ этомъ невдалекѣ рѣчь впереди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Отношенія маман и Христи являли другую картину; по моимъ замѣчаніямъ, маман не безъ нѣкоторой горечи видѣла мое исключительное пристрастіе къ Альтанскому, но нѣжно любила его дочь. Однако, какъ онѣ ни были другъ къ другу нѣжны, казалось, что между ними нѣтъ той тѣсноты духовнаго единенія, какая образовалась у насъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Чтобы характеризовать ихъ отношенія, я могу сказать, что матушка любила Христию, а та се... тоже любила, но гораздо менѣе, чѣмъ уважала.

Я это замѣчалъ и очень сожалѣлъ мою бѣдную маман, у которой была какая-то несчастная привилегія, при всѣхъ правахъ на всеобщую любовь, внушать людямъ всевозможныя возвышенныя чувства кромѣ одной любви. Ей безусловно вѣрили, на нее полагались, ее уважали и всѣ отъ нея ждали поступковъ самыхъ ~~важныхъ~~ благородныхъ и прекрасныхъ, но я никогда не зналъ тѣхъ, кто бы ее беззавѣтно любилъ настоящею любовью туне-пріемлемою и туне-даваемою, —единою, какъ мнѣ кажется, истинною любовью... Мнѣ сдавалось, что матушка это знаетъ, — да и могло ли это быть иначе при той проникательности, съ которою она читала въ сердцахъ людей? Я увѣренъ, что это было такъ— и этому болѣе всего приписываю ея постоянную тихую грусть, отражавшуюся въ ея взглядѣ.

Прекрасный и въ то же время мучительный взглядъ этотъ сталъ мнѣ особенно чувствителенъ въ то время, когда между мною и Альтанскимъ началось дружеское сердечное сліяніе, — и я началъ до такой степени страдать отъ этого взгляда, что однажды, когда мы сидѣли съ маман вдвоемъ, я вдругъ кинулся къ ней, схватилъ ее за руки—и, покрывая ихъ поцѣлуями, воскликнулъ:

— Маман, другъ мой, отчего вы такъ грустно смотрите?

По описаннаго мною взгляда уже какъ бы не было: матушка смотрѣла на меня прямыми, добрыми и спокойными

глазами и, поправивъ мои волосы, поцѣловала меня въ лобъ и сказала:

— О, дитя мое, я совсѣмъ не грущу, я знаю, что ты меня много любишь, и я очень счастлива; но ты самъ очень много трудись—и я прошу тебя, оставь книгу и пройдишь къ Альтанскимъ: посиди съ Иваномъ Ивановичемъ — это тебя успокоитъ.

— Нѣтъ; я ни за что на свѣтѣ не пойду отъ васъ, маман, я хочу быть съ вами.

— Но, другъ мой, мнѣ нужно сходить посидѣть вечерокъ у твоего дяди, а какъ тебѣ тамъ нечего дѣлать, то ты можешь съ обильнымъ удовольствіемъ провести это время у Альтанскихъ, а потомъ, если хочешь, можешь попозже зайти за мною.

Я хотѣлъ возражать, но матушка, закрывъ мнѣ съ улыбкою ротъ своею ладонью, поцѣловала меня въ голову и вышла въ свою комнату, чтобы надѣть шляпу. Потомъ я продолжалъ ее до дому дяди, а самъ, отправясь къ Альтанскому, и не замѣтилъ, какъ время ушло за полночь, и я не успѣлъ проводить маман.

Матушка не сдѣлала мнѣ ни малѣйшаго упрека за это; напротивъ, спросивъ: весело ли мнѣ было, и получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, она сказала, что очень рада, что я умѣю находить удовольствіе въ бесѣдахъ съ такимъ разсудительнымъ человѣкомъ, какъ старикъ Альтанскій.

Все это у нея выходило такъ невозмутимо ровно, но во всемъ этомъ я чувствовалъ жгучія мученія ревности и святая, беззавѣтная уступка любви. Обо всемъ этомъ я скорбѣлъ и влекся силою неодолимаго тяготѣнія по усвоенному направленію—и не могъ восполнить потребности любви въ благородномъ и великодушнѣйшемъ сердцѣ моей матери.

Мучась тѣмъ, что я не могу полюбить ее болѣе, чѣмъ умѣю, я чувствовалъ безмѣрную радость, когда бралъ изъ рукъ почталіона и подавалъ ей въ недѣлю разъ письмо изъ Петербурга, надписанное по-русски, но высоко-нѣмецкимъ почеркомъ: я по предчувствію и по наведенію зналъ, что эти письма приходятъ отъ Филиппа Кольберга,—и мудро было, чтобы я въ этомъ ошибался, потому что при появленіи каждаго такого письма, приходившаго съ нѣмецкою аккуратностію въ воскресный день разъ въ недѣлю, маман теряла свою внѣшнюю спокойность—и, перечитывая напи-

саяное по нѣскольку разъ, погружалась въ тихое, но восторженное созерцаніе или воспоминаше чего-то чудно-прекраснаго и... *была счастлива.*

И выводилъ, что когда маман чувствовала себя *счастливою*—это значить, что она чувствовала себя *любимою*, и неперемѣнно *любимою* возвышенно, искренно, прекрасно, однимъ словомъ—любимою гораздо болѣе, чѣмъ любили ее всѣ мы, здѣсь ее окружающіе, и я за это безмѣрно любилъ тогда неизвѣстнаго мнѣ Филиппа Кольберга.

Но, тѣмъ не менѣе, я жилъ все-таки тѣмъ же порядкомъ и не умѣлъ стать въ лучшія отношенія къ маман. Впрочемъ, мнѣ ничего иного и не оставалось, потому что матушка сама утверждала этотъ порядокъ, столь далеко отступающій отъ порядка, продиктованнаго для меня ею въ первый день моего прибытія. И дѣлалъ усилія измѣнить это, но безуспѣшно — ибо хотя я просилъ ее возстановить именно тотъ порядокъ, который она сочинила и который не практиковался, а съ самыхъ же первыхъ дней уступилъ мѣсто другому, но матушка рѣшительно отвергла мои представленія и отвѣчала, что это не возможно и не должно быть, потому что нынѣшній, органически возникшій порядокъ жизни ей кажется гораздо лучше и цѣлесообразнѣе.

— Къ тому же,—добавила она:—если бы ты теперь былъ болѣе со мною, а менѣе съ Иваномъ Ивановичемъ, то помимо того, что я не могу принести для твоего развитія той пользы, какую приносить онъ, но мы съ тобой поступили бы неблагодарно по отношенію къ такому достойному старику, какъ Альтанскій, и огорчили бы его.

— Какое же огорченіе, маман! — я у него только отнимаю время.

— Нѣтъ, мое дитя, это не совсѣмъ такъ,—отвѣчала матушка: — ты Ивана Ивановича не обременяешь. Повѣрь мнѣ, что я въ этомъ кое-что понимаю: Иванъ Ивановичъ это то, что въ какой-то баснѣ представлено подъ видомъ лани, которая, лишась своихъ дѣтей и имѣя полное вымя молока, искала какого-нибудь звѣренныша, чтобы онъ отдоилъ это отягощающее ее молоко,—ты для него этотъ звѣреннышъ, и притомъ очень добрый, а со временемъ будешь и благодарный.

— Маман, другъ мой, но я боюсь, что вы ошибаетесь: у него и безъ меня такая бездна слушателей въ его духовной академіи.

— Это ничего не значить. Тамъ у него слушатели, которымъ онъ говоритъ только то, что *обязанъ* говорить по требованіямъ службы; а тебя онъ учитъ, какъ внушаетъ ему его любовь къ просвѣщенію и истинѣ. Ты—счастливецъ, сынъ мой: ты имѣешь рѣдкаго образователя, трудовъ котораго нельзя оплатить никакими деньгами. Дорожи имъ и уважай его, потому что это такой честный и свободомыслящій человѣкъ, значеніе котораго ты поименно только со временемъ.

Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ не продолжать катить мою жизнь по тѣмъ колеямъ, на которыя она стала, сама собою сорвавшись съ колеи, намѣченныхъ для меня матушкой.

И такъ и дѣлать: я, если такъ можно выразиться, все больше и больше *прилеплялся* къ моему наставнику, учился у него съ чрезвычайно быстрыми и прочными усилками и заправлялся въ бесѣдахъ съ нимъ на особый ладъ, который впоследствии привелъ меня къ большому разладу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Слова матушки были справедливы: любя Альтанскаго, я въ ту пору все-таки еще не понималъ, коего духа онъ былъ человѣкъ, — это пришло ко мнѣ гораздо позже, когда его уже не стало. Въ тѣ же юные мои годы, къ которымъ относится эта часть моихъ воспоминаній, я ощущалъ одно, что онъ былъ для меня какой-то сосудъ, заключающій цѣлебную смѣсь, которую, однако, надо было пить умѣючи, потому что малѣйшее усиленіе приема, вмѣсто пользы, покоя, здоровья, развивало во мнѣ мучительный душевный недугъ.

Легкая форма его бесѣдъ, съ тонкою критикою исторіи культуры, зароняла во мнѣ мысль, что жизнь современнаго общества, которая дѣлалась доступною моему вѣдѣнію, идетъ не по тому теченію, которое можетъ вывести человѣчество къ идеалу. Идеалъ этотъ представляло мнѣ христіанство, которое всѣ будто бы уважаютъ, но къ которому, однако, никто сильно и искренно не стремится. Что это за ложь? какъ повернуть, чтобы это пошло иначе?

Альтанскій мнѣ объ этомъ *пока* еще ничего не говорилъ, но я изъ наведеній заключалъ, что выплыть къ этому идеалу можно только гребя противъ уносистаго теченія себялюбивыхъ, изменныхъ страстей.

Это—образецъ тревоги отъ бесѣдъ; но злополучная натура моя разыгрывалась такъ, что ее преисполняли тревогой даже самыя строгія занятія точными науками. Чтò бы я ни постигалъ, въ головѣ моей вдругъ мгновенно зарождалась безпокойная мысль: а что если къ этимъ уже извѣстнымъ мнѣ положеніямъ возникнетъ такое или иное неизвѣстное? И я начиналъ объ этомъ думать и на яву, и въ сновидѣніяхъ. Иныя изъ этихъ безпокойствъ занимали меня такъ сильно, что задумчивый видъ мой, который я принималъ подъ ихъ неотступнымъ давленіемъ, обращалъ на себя вниманіе матушки,—и она, вся блѣдная и встревоженная, говорила:

— Боже мой! чтò такое дѣлается съ тобою, дитя мое?

— Ничего, маман,—отвѣчалъ я:—я не могу себѣ кс-чего рѣшить.

— Чего? скажи мнѣ, чтò ты хочешь себѣ рѣшить?

Я конфузился, но большею частію открывалъ, чтò меня тревожитъ.

Это всегда былъ болѣе или менѣе вздоръ, но порою довольно оригинальный.

Такъ, я помню, что вскорѣ же послѣ начала моихъ занятій съ Альтанскимъ, когда онъ поправлялъ мои познанія въ географіи, я впалъ въ задумчивость отъ того, что никакъ не могъ себѣ представить: какъ привести въ соотношеніе съ дѣйствительнымъ временемъ часы въ карманѣ путешественника, если этотъ путешественникъ поѣдетъ вокругъ свѣта по дорогѣ, которую проложить прямо вдоль по равноденственной линіи? Какъ: тогда сколько ни уходи время, а все долженъ быть полдень... все двѣнадцать часовъ...

Мой черепъ ломило отъ этого цѣлый день—и я едва могъ успокоиться и позабыть эту головоломную, по тогдашнему моему состоянію, дилемму.

Позже, когда мы начали заниматься исторіею и все опять шло какъ нельзя лучше, мнѣ опять пришло въ голову:

«Ну, прекрасно, — думалъ я:—теперь, когда свѣтъ простоялъ вотъ такое-то количество лѣтъ, человѣкъ въ теченіе своей жизни можетъ изучить исторію человѣчества и передавать ее другому. Но ежели же сегодняшній моментъ жизни есть только утро существованія нашего рода и впереди стоятъ милліоны милліоновъ лѣтъ... Какая же голова въ концѣ этого долгаго вѣка будетъ въ силахъ выучить и удер-

жать въ памяти все, что случилось отъ доисторическихъ временъ? Къ чему тогда весь лѣтисчислительный трудъ, архивы, къ чему сама исторія и жажда знаній, когда всего этого позднѣйшій человѣкъ не въ состояннн будетъ усваивать? а что онъ будетъ не въ состояннн—это вѣрно и...»—опять головная боль, досада и безпокойное томленіе до полного упадка духа.

Наконецъ, однажды, я окончательно испугалъ мать: это случилось тотчасъ, чуть я только коснулся логики и философіи. Я опять зафантазировался—и когда матушка умоляла меня разсѣяться, я, послѣ продолжительной потери аппетита и глубочайшей сосредоточенности въ себѣ, открылся ей, что терзаюсь неотвязною мыслию: отчего всѣ умные люди не соберутся въ одно мѣсто и не устроятъ такого государства, гдѣ бы или государь философствовалъ, или же бы гдѣ философъ царствовалъ.

Выслушавъ эти слова, мама посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала, что мнѣ рѣшительно надо отдохнуть отъ наукъ.

Я выразилъ недоумѣніе и замѣтилъ ей, что я не усталъ.

— Не усталъ, но у тебя слишкомъ безпокойно разыгрывается воображеніе.

— Чего же вы боитесь, мама, моего воображенія?

— Я боюсь... Да, я кое-чего боюсь.

— Но Бога ради: чего именно? скажите мнѣ, изясните мнѣ вредъ моего безпокойнаго воображенія,—можетъ-быть мнѣ это поможетъ.

— Вредъ безпокойнаго воображенія заключается въ томъ, что оно создастъ призракъ и съ нимъ ничего нельзя знать основательно.

— О, вы правы, мама!

И я схватилъ обѣими руками свою голову, и, облокотясь на столъ, залился горькими слезами.

Матушка встревожилась.

— Какая причина твоего отчаянія?—запытала она, отнимая руки мои отъ лица.

— Мама, вы вѣрно сказали: я никогда не буду ничего знать основательно—я это чувствую и это меня убиваетъ.

Она старалась меня успокоить тѣмъ, что знанія не даются вдругъ, а на пріобрѣтеніе ихъ нужно продолжительное время; но я не вялъ симъ утѣшеніямъ: я чувствъ правду.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ я, давясь слезами:—не утѣ-

пайте меня, маман: я никогда этого не достигну... Вы сами сказали, что у меня беспокойное воображеніе, и я никогда... никогда... не буду ничего понимать ясно.

И тутъ уже я такъ разрыдался, что матушка бросилась поить и брызгать меня водою, меня раздѣли и положили въ постель, въ которой я опомнился черезъ полтора мѣсяца, изнеможенный, блѣдный, худой, съ обритымъ теменемъ и растравленными ранами на спишѣ и на затылкѣ.

У меня было воспаленіе мозга, и я нѣсколько дней находился на краю гроба;—молодая натура моя вынесла эту опасную болѣзнь—и я послѣ кризиса очнулся, но неблагонадежныя тонкія ноги не въ силахъ были держать моего исхудалаго тѣла и распаленная страстною жаждою знаній голова моя была не въ силахъ работать.

Я лежалъ въ постели, пользуясь безотходнымъ вниманіемъ матери и Христи, которыя поочередно не оставляли меня ни на минуту,—и въ это-то время, освобожденный отъ всякихъ стороннихъ думъ и заботъ, я имѣлъ полную возможность анализировать взаимныя отношенія этихъ двухъ женщинъ и уяснить себѣ Христинъ романъ, на который натолкнулся въ первое время моего пріѣзда и о которомъ позабылъ въ жару разсказа о своихъ ученыхъ успѣхахъ.

Теперь время это поправить и разсказать кстати о дѣятельности моего интереснаго пріятеля, пана Пенькновскаго, съ которымъ тоже эту порою стрались немалыя бѣды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я начну не по порядку, то-есть съ Пенькновскаго.

Напоминаю читателю, что мы въ послѣдній разъ видѣли этого находчиваго юношу на улицѣ, тотчасъ послѣ того, какъ извѣстный ему дворянскій засѣдатель, пожертвовавъ сто рублей, хотѣлъ быть королемъ публики и потрясенный этимъ открытjemъ Пенькновскій возымѣлъ намѣреніе поцѣловать Христю Альгалскую, а потомъ напиться глинтвейну.

Съ тѣхъ поръ Пенькновскій бывалъ у насъ порѣдко; но я, при своихъ постоянныхъ увлеченіяхъ то романами, то ученостію, рѣшительно не могу дать отчета: какъ онъ появился въ нашемъ домѣ, несмотря на то, что оставался при убѣжденіи, будто онъ предлагалъ поцѣлуй маман. Кажется мнѣ, однако, что маман сама облегчила ему его затруднительное положеніе: дѣлая однажды свою послѣобѣден-

ную прогулку вблизи дома, она встрѣтила Пеньковскаго, и попенявъ ему, что онъ насъ позабылъ, зазвала его выпить чаю. Минѣ помнится, будто онъ рассказывалъ что-то въ этомъ родѣ, но навѣрное помню только то, что однажды мы съ Иваномъ Ивановичемъ, окончивъ свои занятія, пришли вмѣстѣ къ намъ и, снимая въ сѣняхъ калоши, услышали чей-то громкій голосъ. Альтанскій, который терѣть не могъ встрѣчи съ новыми людьми, хотѣлъ-было сейчасъ же уйти, но, къ счастью, я, прислушавшись, узналъ голосъ Пеньковскаго, и мы вошли.

Когда я отворилъ дверь, Пеньковскій стоялъ посреди комнаты и старался въ одномъ лицѣ изображать нѣсколько лицъ, соединенныхъ въ одной общей сценѣ.

Онъ помѣщался спиною къ двери, въ которую вошли мы, и, обращаясь къ сидѣвшимъ на диванѣ матушкѣ и Христѣ, говорилъ:

— Вотъ такъ, смотрите: отецъ шелъ вотъ такъ по той дорожкѣ, а Б... вотъ такъ по этой... Тутъ они встрѣтились, поговорили, и Б... его взялъ за усы и повелъ... Вотъ по аллеѣ, вотъ точно такимъ образомъ.

При этомъ Пеньковскій взялъ лѣвою рукою за губу—и подвигая передъ собою впередъ эту руку, тянулся за нею какъ бы нехотя по комнатѣ.

— Вотъ,—картавилъ онъ по причинѣ зажатой въ рукѣ губы:—вотъ какъ онъ велъ: по тутъ мой отецъ вдругъ вотъ такъ...

Пеньковскій освободилъ губу, поцѣловалъ свою руку и весело расхохотался.

Христя тоже смѣялась, но маман казалась смущенною и, ничего не отвѣтивъ, заговорила о чемъ-то съ Альтанскимъ. Ей, кажется, очень не хотѣлось, чтобы Пеньковскій продолжалъ свой рассказъ, и тѣмъ болѣе, чтобы онъ повторилъ его при Альтанскомъ; но мой другъ былъ не изъ таковскихъ, чтобы его удержать,—и чуть только я успѣлъ ему замѣтить, что давно его не видалъ, какъ онъ сейчасъ же захохоталъ и понесъ:

— Когда тутъ, любезный другъ, видѣться! Я вотъ сейчасъ только рассказывалъ, что съ нами было...

Маман встала и вышла въ свою спальню, а Пеньковскій весело продолжать:

— Ты, вѣдь, помнишь, о чемъ я тебя просилъ никому не сказывать?

— Помню.

— Ну, такъ это теперь болѣе не секретъ, потому что съ такими негодьями, какъ дворянскій засѣдатель, ничего нельзя дѣлать. Ты помнишь, что онъ за свои сто рублей хотѣлъ быть королемъ?

— Помню.

— Вообрази же, что онъ, мерзавецъ, выдумалъ: пользуясь тѣмъ, что онъ имѣетъ деревню, онъ составилъ противъ насъ аристократическую партію, чтобы осмѣять отца, — и когда мой отецъ выходилъ изъ костела, ихъ нѣсколько человекъ подскочили къ жандарму, который зоветъ экипажи, и говорятъ:—«Зови Войццикаго кочи!»—это засѣдателя. Тотъ позвалъ, а они опять:—«Зови пана Кошута калоши!»—Тотъ, разумѣется, и повелъ во всю глотку орать: «пана Кошута калоши под-д-да-а ва-а-ай,» а отецъ соскочилъ съ крыльца да хлопъ засѣдателя въ морду. А тотъ къ полицеймейстеру и рассказалъ, что мой отецъ похожъ на Кошута, а полицеймейстеръ Б..., а Б... встрѣтилъ отца на гуляньи въ саду, взявъ рукой вотъ такъ за усы: «пане Кошутъ, говоритъ, что это у васъ такое?» а отецъ мой—онъ ужасно какой находчивый—онъ нисколько не смѣшался и говоритъ: «Это вата», а тотъ его прямо за усы и повелъ передъ всею публикой по аллеѣ.

— Будто такъ прямо за усы и повелъ?—переспросилъ удивленный Альтанскій.

— Честное слово вамъ даю, совершенно взялъ вотъ такъ за усы, но отецъ его въ руку...

— Укусить или плюнуть?

— Поцѣловать!—съ гордостью воскликнулъ Пенькновскій. Альтанскій отошелъ къ окну и громко щелкнулъ по табакеркѣ.

— О, онъ ужасно находчивъ: онъ поставилъ Б... въ самое мудреное положеніе—тотъ его сейчасъ и выпустилъ.

— Вашъ отецъ молодецъ,—протянулъ Альтанскій и забурчалъ: «нашъ отецъ, молодецъ, сѣлъ въ конецъ, взялъ ларецъ», и вдругъ, повернувшись лицомъ, добавилъ: «прощайте».

Съ этимъ онъ всемъ намъ подаль руку и торопливо, и наскоро, кромѣ одного Пенькновскаго, руку котораго онъ пожалъ теплѣе и съ видимымъ участіемъ. И странное дѣло: это участіе, которое, разумѣется, не скрылось отъ взошед-

ней въ минуту прощанія татамъ, было какъ бы поводомъ къ тому, что она вдругъ сдѣлалась гораздо суше въ обращеніи съ Пенькиновскимъ и во все остальное время, пока онъ тутъ вертѣлся, даже избѣгала вести съ нимъ разговоръ.

Таковы были эти два лица: моя мать и Альтанскій, на которыхъ я смотрѣлъ, какъ на образцы. Имѣли одніи и тѣ же симпатіи и антипатіи, они, однако, ни въ чемъ не могли сойтись, какъ скоро доходило до дѣла, и при горячей любви другъ къ другу и взаимномъ уваженіи къ однимъ и тѣмъ же принципамъ и идеямъ, они отвращались отъ всякаго взаимодѣйствія въ духѣ этихъ идей.

Мать моя не одна была возмущена тѣмъ, что Б. провелъ за усы кievскаго Кошута —Альтанскому это было еще болѣе противно; но какъ матушка этимъ возмущалась, то Альтанскій скрывалъ свое негодованіе и рѣшавалъ «отецъ молодецъ, наконецъ и ларецъ». Съ другой стороны, матушка, презирая ничтожный польскій характеръ, отразившійся, между прочимъ, въ поступкахъ стараго Пенькиновскаго, всегда считала обязанностью относиться къ полякамъ съ безконечною снисходительностію, «какъ къ жалкому народу, потерявшему національную самостоятельность», что, по ея мнѣнію, влекло за собою и потерю лучшихъ духовныхъ доблестей; но чуть только Альтанскій, питавшій тѣ же самыя чувства, но скрывавшій ихъ, далъ волю своему великодушію и съ состраданіемъ пожалъ руку молодому Пенькиновскому, который кичился позоромъ своего отца, — матери это стало противно, и она не могла скрывать своего презрѣнія къ молодому Кошуту.

Христя, когда мы съ нею были одни, часто смѣялась надъ этою страстью нашихъ стариковъ противорѣчить другъ другу.

Впрочемъ, и мы съ Христею были въ некоторомъ смыслѣ то же самое, что ея отецъ съ моею матерью: я дружески полюбилъ ее съ первой же встрѣчи съ нею и очень высоко чтилъ ее, но мы не сходились тѣснѣе, чѣмъ мною описано. Эта малороссійская дѣвушка, съ характеромъ глубокимъ, сильнымъ и сосредоточеннымъ, была со мною очень ласкова и, какъ вѣроятно читатели помнятъ, она даже сама предложила мнѣ свою дружбу; но я пользовался ея дружельюбіемъ, а никакими правами дружбы отъ нея не пользовался — и это незамѣтно, но скоро меня отъ нея отодвинуло. Мы съ

нею-встрѣчались всегда искренно и даже съ радостью—и говорили обо всемъ, кромѣ того, о чемъ мнѣ сначала очень бы хотѣлось съ нею поговорить, то-есть о ней самой и о ея любви къ Сержу. Но этого никогда не случилось,—сначала я не смѣлъ къ этому приблизиться, а потомъ у меня явилось опытное заключеніе, что Христя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, о которыхъ говорила моя мать и которыя я самъ признавалъ въ ней, была страшно горда и ни подъ какимъ видомъ никому не позволила бы прикоснуться къ ея горю. Въ этомъ заключалась разъединявшая насъ разнища: я любилъ высказаться и искалъ сочувствія; она любила молчать и ничего сочувствія не требовала. Та откровенность, которую я могъ замѣтить у нея въ отношеніи къ татап въ первые дни моего пріѣзда, была короткимъ, временнымъ явленіемъ, вызваннымъ роковымъ значеніемъ тогдашней критической минуты,—но и то это была не откровенность, а совсѣмъ другое. Рѣшась по особымъ, достойнымъ вниманія причинамъ разорвать свою условленную свадьбу съ Сержемъ, Христя искала въ татап даже не повѣрки своихъ мыслей, а орудія; но разъ что она, терзаясь и мучась, какъ я описалъ, все это исполнила, въ обхожденіи съ татап произошла быстрая переменна: Христя безцеремонно замкнулась въ самой себѣ. Было время, было нѣсколько такихъ дней, когда мнѣ казалось, что Христя даже избѣгала свиданій съ матушкой и переносила ихъ съ большимъ для себя принужденіемъ; татап, несомнѣнно, это замѣчала и казалась огорченною. Однакоже, это прошло—и у моей постели обѣ онѣ снова между собою сблизились. Не знаю, было ли у нихъ какое-нибудь объясненіе, но я засталъ между ними полнѣйшую *bonne intelligence*, хотя мой глазъ, или, вѣрнѣе сказать, мое чувство, пріученное уже во всемъ видѣть недостатокъ гармоніи, открывало мнѣ и здѣсь что-то не то, что бы мнѣ хотѣлось видѣть въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мнѣ сдавалось, что Христя позволяла себя ласкать татап и сама была съ нею ласкова—не по потребности сердца, а только какъ бы изъ снисхожденія къ обычаю и потому что это ей ничему не мѣшало.

Скоро явилась возможность убѣдиться, что я не ошибаюсь на этотъ счетъ—и я запишу здѣсь открытія, какія являлись мнѣ сложный характеръ этой дѣвушки, втихомолку разгравшей свой страстный романъ въ то время, когда всѣ

мы считали его безвозвратно поконченнымъ и даже позабытымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Много ли, мало ли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ свидѣтелемъ разлуки Христа съ Сержемъ, но у насъ въ домѣ никогда не говорили объ этомъ человѣкѣ и я ни разу не слышалъ, чтобы сама Христя произносила его имя. Прошелъ годъ и половина другого, какъ вдругъ я однажды неожиданно услышалъ въ канцеляріи, что племянникъ моего генерала женится на одной очень богатой дѣвушкѣ изъ довольно знатной фамиліи.

Меня это заинтересовало, и я, пустясь въ разспросы, узналъ, что предполагаемая невѣста Сержа считается очень высокою и даже лестною для него партією, которой этотъ молодецъ ни за что бы не сдѣлалъ, если бы въ устройствѣ этого брака не принимало участіе самое высшее лицо въ городѣ, имѣвшее особое попеченіе о матери Сержа. Все это я не преминулъ, возвратясь домой, сообщить моей матушкѣ и былъ не мало удивленъ, что она выслушала мое донесеніе какъ вѣсть нецпріятную, но давно ей извѣстную; она сдвинула съ неудовольствіемъ брови и сказала:

— Только будь, сдѣлай милость, остороженъ и не говори объ этомъ ни одного слова при Христѣ.

Мамап, однако, сдѣлалась очень озабочена: вечеромъ этого дня она куда-то ходила и не возвращалась довольно долго, такъ что пришедшая безъ нея Христя не дождалась ея. Мы пили съ Христей чай двое и напрасно искали нашего серебрянаго сливочника и сухарницы, которые стояли на горкѣ, но которыхъ теперь тамъ не было. Затѣмъ Христя такъ и ушла, не дождавшись мамып, а мамып, возвратясь около одиннадцати часовъ, показала мнѣ еще болѣе взволнованною и сказала:

— Знаешь, сынъ мой, мнѣ необходимо съѣздить по нашимъ дѣламъ въ Одессу.

— Надолго, мамып?

— Нѣтъ, недѣли на двѣ, или на три, но мнѣ немножко нездоровится, и я боюсь ѣхать одна, а тебя мнѣ жаль отрывать отъ твоихъ занятій; я хочу просить Христа: вѣрно она не откажется со мной прокатиться.

— Да, я думаю, что она не откажется.—отвѣчала я:—она васъ здѣсь ждала, и мы съ нею пили чай.

— Ахъ, вы уже пили чай!..

— Да, пили; но только никакъ не могли найти сливочника и сухарницы. Гдѣ вы тамъ ихъ поставили?

Мамап какъ будто немножко смѣшалась и, отвѣтивъ скороговоркою:

— Все равно: они отыщутся,—поцѣловала меня въ лобъ и ушла въ свою комнату.

Я не сомнѣвался, что она пишетъ письмо къ Филиппу Кольбергу—и по обыкновенію заснулъ прежде, чѣмъ у нея погасъ огонь. Утромъ я получилъ для отправления письмо, написанное тому, кому я догадывался.

Все время, проведенное мною въ этотъ день на службѣ, я продумалъ объ этомъ моемъ знакомомъ незнакомцѣ, объ этомъ Филиппѣ Кольбергѣ, безъ отчета которому моя мамап не проводила ни одного дня и регулярно получаемыя письма котораго всегда брала трепещущею рукою и читала но нѣсколько разъ съ глубокимъ и страстнымъ вниманіемъ, а иногда даже и со слезами на своихъ прекрасныхъ глазахъ. Характеръ этихъ отношеній никогда не переставалъ интересоватъ меня, а въ этотъ день я былъ почему-то особенно ими занятъ и въ такомъ настроеніи прямо со службой зашелъ къ Адыанскимъ. Христи была дома одна и шла.

Мнѣ она съ перваго взгляда показалась очеяь спокойною и даже веселою, но чуть я полюбопытствовалъ: знаетъ ли она, что мамап хочетъ просить ее съѣздить съ нею въ Одессу, въ ней произошла самая неприятная перемена: она двинула своими прямыми бровями и рѣзко отвѣтила:

— Да, я это знаю: Катерина Васильевна уже приходила ко мнѣ съ этимъ великодушнымъ предложеніемъ.

— Что же: вы, конечно, ѣдете?

Но Христи вдругъ вся вспыхнула отъ этого невиннаго вопроса и проговорила:

— Съ какой же это стати?.. Напротивъ, я вовсе не ѣду: на мнѣ еще не лежитъ крѣпостной обязанности исполнять все, что нравится вашей мамап.

Этотъ тонъ и грубая форма отвѣта до того смутили меня, что я началъ извиняться за мой вопросъ и потомъ не твердо проговаривать:

— Повѣрьте, Христия, мамап, вѣроятно, никакъ не ду-

мала васъ огорчить этимъ предложеніемъ: я думаю, что ей только хотѣлось соединить свое удовольствіе съ удовольствіемъ, которое эта поѣздка могла принести вамъ... Вы ее извините: она добрая.

— Очень добрая, только обо всемъ у Филиппа Кольберга спрашивается,—перебила Христя съ тѣмъ же худо-сдерживаемымъ азартомъ.

Это имя прозвучало для моего слуха какимъ-то страшнымъ глаголомъ и мучительно отозвалось въ моемъ сердцѣ: я хотѣлъ броситься на Христю... и не знаю, что сдѣлать съ нею, но потомъ сдержалъ себя и только взглянулъ на нее съ укоризною. Христя, конечно, поняла мое состояніе и посиѣшила поправиться.

— У Катерины Васильевны самое главное дѣло во всемъ этомъ поступить великодушно и написать объ этомъ Филиппу Кольбергу.

Я молчалъ и нетерпѣливо зялъ въ рукахъ мою фуражку.

Христя продолжала тономъ, который звучалъ еще мягче:

— Вы развѣ не знаете, что все, что дѣлается съ людьми, которые имѣютъ счастье пользоваться какимъ-нибудь вниманіемъ вашей татаи, должно быть во всѣхъ подробностяхъ извѣстно какому-то господину Филиппу Кольбергу? Вы его знаете?

— Не знаю.

— И я не знаю; а между тѣмъ онъ есть, онъ существуетъ—и править и вами, и мною.

— Я знаю только то, что моя мать въ перепискѣ съ человѣкомъ, носящимъ имя, которое вы сейчасъ назвали... но что мнѣ за дѣло до того, о чемъ эта переписка? Я моей матери не судья.

— О, Боже! Да се не въ чемъ и судить!.. Успокойтесь, другъ мой: я понимаю, что я говорю съ сыномъ о матери! И потому-то я такъ и говорю, что я знаю, что Катерина Васильевна не можетъ быть судима: она превыше всякаго человѣческаго суда, но...

Христя развела руками и, вздохнувъ, добавила:

— Но не слушайте меня пожалуйста, я говорю вадоръ, потому что мнѣ тяжело.

— Что же васъ тяготитъ?

Христя пожала плечами и, вповь схвативъ свою, на минуту отброшенную работу, тихо уронила:

— Так... сама не знаю... Людямъ, пока они живы, тяжело съ ангелами.

И она, прилежни лицомъ къ шитью, начала откусывать шитку, а сама плакала и горьла.

Я глядѣлъ на нее и пересталъ сердиться.

— Что же,—думаюсь мнѣ:—она говоритъ то самое, что не разъ противъ воли вертѣлось въ моей собственной головѣ: моя маманъ превосходная женщина, но она такъ высока и благородна, что съ нею именно тяжело—стоять рядомъ.

— Ея превосходство какъ-то давитъ меня,—проговорила въ это время, словно подслушавъ мою мысль. Христа.

Я встрепенулся.

— Меня, меня, одну *меня!* повторила съ удареніемъ, стинувъ узелокъ, Христа.— Это не можетъ касаться ни кого другого, кромѣ меня, потому что я... презлая и прескверная.

Она задрогнула и замолчала.

— Маманъ вовсе васъ не считаетъ такою и очень васъ любить, Христа.

— Знаю.

— И потому она къ вамъ участлива, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ вы хотите.

— Знаю, все знаю, и я совѣмъ не участіемъ тягочусь: оно мнѣ дорого, и я люблю ее... но...

— Въ чемъ же дѣло?

Христа вся вслыхнула и, быстро сбросивъ на полъ работу, вскочила съ мѣста — и, ставъ посреди комнаты, закрыла глаза, не ладонями, а пульсами рукъ, какъ это дѣлають плача простонародныя малороссійскія дѣвушки.

— Все дѣло въ томъ,—воскликнула она:— что я люблю, люблю безъ разума, безъ памяти люблю!..

Эти слова были вмѣстѣ воцѣль, стонъ и негодованіе души, не одолѣвающей силы своей страсти.

— Меня надо не жалѣть, а... проклясть меня! — заключила она, дернувъ себя за волосы, и упала головою въ уголъ кресла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я, разумеется, понявъ, что рѣчь, сдѣлавъ такой риконетъ противъ воли автора, касается не любви Христа къ моей маманъ, а чувствъ ея къ другому лицу, сказалъ:

— Христа! милая Христа!.. прошу васъ—успокойтесь! Можетъ-быть, все устроится.

Съ этимъ я подаль ей воды, которой она выпила нѣсколько глотковъ, и, возвративъ мнѣ стаканъ, поникла головою на руку и, крѣпко почесавъ лобъ, проговорила:

— Ничто не можетъ устроиться: я сама все разстроила.

— Зачѣмъ же вы разстроили?

— Такъ было надо: ваиа шаман все знаетъ. Такъ было надо... и я о томъ не жалѣю; но когда мнѣ по нотамъ расписываютъ: *какъ* это надо терѣть, — въ меня входитъ бѣсъ, и я ненавижу всѣхъ, кто можетъ то, чего я не могу... Это низко, но что съ этимъ дѣлать, когда я не могу! Я имъ завидую, что они дошли до того, что одинъ пишетъ: «Gnaedige Frau», а другая, утѣшаясь, отвѣчаетъ: «Ich sehe, Sie haben sich in Allem sehr verfolkkommet».

Христа произнесла обѣ эти нѣмецкія фразы съ напыщенною декламациею, съ какою говорятъ нѣмецкіе пасторы и актеры, и, нетерпѣливо топнувъ ногой, закончила:

— А я родомъ не така! Да, я не такая, я этого не могу: я оторвала отъ сердца все, что могла оторвать; а что не могу, такъ не могу. Отказаться можно, а перестать любить нельзя, когда любитъ.

— Это правда.

— Ага! вотъ то-то и есть, что правда! А любишь, такъ никакъ себя и не усмиришь.

— Да и не усмиряйте.

— Да я и не стану. О, вы мнѣ повѣрьте! — добавила Христа, неожиданно улыбувшись и протягивая мнѣ руку: — вы непременно будете несчастный человекъ, да что же! — это и прекрасно.

Я разсмѣялся.

— Да *такъ*, — продолжала Христа. — Да и о чемъ хлопотать: все равно и они несчастны. Они прекрасные люди, только немножко трусы: имъ все *Erwägung* снится, а все это вздоръ; мы будемъ смѣтье и пусть насъ но уважаютъ. Не правда ли? Если мы никому не дѣлаемъ зла, — пусть насъ не уважаютъ, а мы все будемъ любить то, что любил. Такъ или нѣтъ?

— Право, Христа, не знаю.

— Вздоръ; убей меня Богъ, знаетъ! — отнеслась она безлично съ веселыми, вверхъ устремленными глазами, которые

Велѣдъ за тѣмъ быстро вперила въ мой взглядъ и съ комическою настойчивостью произнесла:

— Dites moi tout ce que vous aimez.

— Tout le monde,—отвѣчала я.

— Ну, а я этотъ tout le monde терпѣть не могу: лживый, гнусный, лицемерный — ни во что не вѣрить, и все притворяется... Фу! гадость! Я люблю, знаешь, кого?

Я кивнула головой.

— Да,—отвѣчала на этотъ знакъ Христа:—я его люблю,—очень, очень люблю; а онъ скверный человекъ, не хорошій, чепурной, ему деньги нужны, онъ за деньги и женится, но со мною бы никогда не былъ счастливъ, потому что я простая, бѣдная... Да, да, да... онъ только не зналъ, какъ отъ меня отвязаться... Что же, я ему помогла!

— Я это знаю, какъ вы сдѣлали.

— Знаешь?!

— Да.

Я рассказалъ ей, какъ подсмотрѣлъ и подслушалъ ся разговоръ съ Сержемъ.

— Ну, да,—отвѣчала она спокойно:—я все ему соврала на себя. Никого я кромѣ его не люблю, но это такъ нужно, пусть его совѣсти полегчаетъ. Ему нужно... Онъ не можетъ не жить паномъ—и пусть живетъ; пусть его все родные за это хвалятъ, что онъ меня бросилъ. А они врутъ, бо онъ меня не бросилъ; бо я хороша, я честная женщина, а его невѣста поганая, дрянная, злая... тифу! Онъ не ее, а меня любить; да, меня, меня, и я это знаю, и хоть онъ какой ни будь, а я все-таки его люблю, и не могу не любить, и буду любить. И что мнѣ до всякаго Erwägung? Тифу!.. я надъ собой вольна, и что хочу, то и сдѣлаю.

Я несмѣло спросилъ: что такое она хочетъ сдѣлать? Но Христа молча улыбнулась и, сдѣлавъ гримаску, сказала:

— Вотъ я яка!..

Она обращалась со мною странно: вполонину какъ съ ребенкомъ, лепету котораго не придаютъ большого значенія; вполонину какъ съ другомъ, отъ котораго ждала сочувствія и отзыва.

Эта откровенность послѣ пасмурной рѣчи, которою начался нашъ разговоръ, увлекала меня за Христаю въ ея внутренній мѣръ, гдѣ она жила теперь вольная, свободная

и чѣмъ-то такъ полно счастливая, что я не могъ понять этого счастья.

— Полно же; слышите вы: годи намъ журитися— пусть лихо смѣется!.. *Онъ женится... онъ женится*,— повторила она какъ бы съ угрозою и, стукнувъ рукою, добавила: — а ко мнѣ вернется.

Этотъ вѣчно памятный мнѣ разговоръ съ Христей, который она вела со мною подъ тягостивѣйшими впечатлѣніями своей целасковой доли и притомъ незадолго до катастрофы, которую пророчески назвала себя, произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что когда я пришелъ домой, матушка, сидѣвшая за писаніемъ, взглянувъ на меня, спросила:

— Ты видѣлъ Христаю?

— Да, маман.

— Что съ нею?

— Кажется, ничего.

Маман вздохнула, хрустнула тонкими пальцами своихъ рукъ и приказала подавать мнѣ обѣдать, сама не сѣла за столъ, но продолжала писать.

«Конечно, къ Филиппу Кольбергу,— подумалъ я, впервые сѣдя одинъ за обѣденнымъ столомъ.— Вѣрно Христя съ матушкою говорила еще откровеннѣе, чѣмъ со мной,— и вотъ эта теперь все описываетъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за странная переписка?»

Я уже въ глубинѣ души словно смѣялся надъ этою перепискою— и, получивъ на другой день конвертъ со знакомою надписью, подумалъ, что если въ самомъ дѣлѣ матушка заботится о томъ, чтобы всѣхъ, кого она любитъ, воспитывать и укрѣпить въ своемъ духѣ, то она едва ли въ этомъ успѣваетъ. По крайней мѣрѣ, Христя серьезно шла бунтомъ противъ ея морали, да и я чувствовалъ, что я... тоже склоненъ взбунтоваться.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Такъ какъ Христя рѣшительно отказалась ѣхать въ Одессу, то и матушка туда не поѣхала— и нашъ серебряный молочникъ съ сухарницею, отираившіеся гостить къ занимавшемуся ростомъ помощнику инспектора рекрутскаго присутствія, черезъ мѣсяць возвратились назадъ; а къ этому времени подосѣла и свадьба Сержа, которой маман, кажется, совершенно напрасно опасалась для Христи.

Эта мудреная дѣвушка болѣе уже не впадала въ такую раздражительность, какую я описалъ въ предшествовавшей главѣ. Напротивъ, Христи вела себя чрезвычайно ровню и даже казалась очень спокойною, но только она, какъ-будто, бѣжала изъ своего дома и все старалась оставаться какъ можно болѣе у насъ.

Мамап, разувѣется, была съ ней въ крайней степени предупредительна и ласкова—и въ это время сдѣлала шагъ къ инымъ отношеніямъ со мною. Однажды, когда Христи ушла съ отцомъ домой, мамап сказала мнѣ:

— Ты уже въ такихъ лѣтахъ, дитя мое, что я могу тебѣ разсказать исторію нашей бѣдной Христи. Она превосходная, благороднѣйшая и очень гордая дѣвушка.

— Я это знаю, мамап.

— Да; она когда-то, до твоего пріѣзда, часто бывала у твоего дяди и тамъ встрѣчалась съ Сержемъ. Ты видишь, что она почти красавица,—и Сержъ не могъ ее не замѣтить...

— Еще бы, мамап!

— Да, онъ оцѣнилъ ея достоинства и полюбилъ ее.

— Я все это знаю, мамап.

— Знаешь? Ну, прекрасно! Но этотъ бракъ не могъ состояться, потому что и мать Сержа, и твой дядя желали ему другой партіи, которую онъ теперь и дѣлаетъ. Это такъ выходило нужно по ихъ соображенію.

— Да,—отвѣчалъ я:—имъ нужно взять богатую невѣсту и породниться съ большими домами.

— Можетъ-быть; но я должна сказать, что Сержъ былъ довольно благородень и онъ не хотѣлъ этого брака, а уступилъ только настояніямъ и обстоятельствамъ...

— То-есть это такъ, мамап, что Христи сама его обманула.

Мамап взглянула на меня съ удивленіемъ и послѣ маленькой паузы отвѣчала:

— Да; но ты, однако, знаешь болѣе, чѣмъ я предполагала. Христи поступила возвышенно, великодушно и благо-разумно, потому что мать Сержа считала бы бракъ сына съ нею семейнымъ несчастіемъ... У нихъ запутаны дѣла и его мать... она черезъ это лишилась бы возможности поправить ихъ разстроенныя дѣла.

— Но позвольте, мамап, вѣдь это низко?

— Да, мое дитя, это не высоко; но зато Христа поступила очень благоразумно и великодушно, что отказалась отъ Сержа.

— Почему, маман? онъ ее любить.

— Потому что у него натура похожа на придорожную землю въ притчѣ: онъ ее любить, и теперь онъ ее можетъ любить какъ недосыгаемое и прекрасное; но если бы она была его, онъ началъ бы сожалѣть о выгодахъ, приобретаемыхъ его нынешней женьбой.

— Такъ онъ пустой человѣкъ?

— Да; онъ ея не стѣилъ.

— Но она не перестаетъ и не перестанетъ его любить.

Маман опять приостановилась и, еще болѣе удивляясь, сказала:

— Мой сынъ! но откуда тебѣ это все извѣстно?

— Отъ самой Христи, маман.

— Отъ самой Христи? Я думала, что ты такъ проникателенъ, и хотѣла сказать, что ты, можетъ-быть, ошибаешься, но если Христа тебѣ сама сказала...

— Да; она мнѣ это сказала.

— Ну, въ такомъ случаѣ ты знаешь гораздо болѣе, чѣмъ я, — отозвалась маман, и она мнѣ показалась въ эту минуту чрезвычайно жалкою, какъ-будто для нея въ жизни все кончено, и она отрѣшена отъ нея. Такъ она была чутка и такъ немного надо было, чтобы причинять ей чувствительнѣйшія раны.

Тутъ вскорѣ была Сержева свадьба, на которой маман не была по причинѣ ея весьма основательной болѣзни; но, однако, мы объ этой свадьбѣ имѣли самыя подробныя свѣдѣнія отъ друга моего Пеньковскаго: онъ поналъ туда какъ-то въ качествѣ ловкаго танцора и оказался большимъ наблюдателемъ, а также талантливымъ и притомъ весьма правдивымъ рассказчикомъ. Приписанный имъ къ намъ отчетъ былъ такъ положъ, что мы знали все, начиная отъ мелочей столоваго меню до путешествія Пеньковскаго подъ столъ, что случилось съ нимъ, будто бы, въ жару танцевъ и не по его, конечно, волѣ, а потому что онъ разлетѣлся и у него допнула штрипка и онъ уналъ. О женихѣ и невѣстѣ онъ не говорилъ ни слова — и это было очень удобно: Христа, слушающая рассказъ Пеньковскаго о его паденіи подъ столъ, помирала со смѣха, точно все это было не на

Сержевой свадьбѣ. Такъ все это прекрасно разыгрывалось, что лучше и желать было невозможно. Молодые уѣхали въ деревню, потомъ переѣхали въ городъ и снова откочевали на лѣто въ деревню, и опять появились на зиму въ городъ. Ушли два года, въ теченіе которыхъ утекло не мало воды: Христя постарѣла, пожелтѣла и поблекла; у меня вокругъ всего лица засѣлъ мягкій, но густой пушокъ, довольно красиво оттѣнявшій мои смуглыя щеки; а кто болѣе всѣхъ и выгоднѣе всѣхъ измѣнился въ эти года, такъ это Пеньковскій: онъ сталъ атлетъ и красавецъ, приобрѣлъ себѣ массу знакомствъ и усвоилъ большую обходительность. Меня онъ считалъ самымъ жалкимъ ничтожествомъ и, обращаясь со мною свысока, обыкновенно подавалъ мнѣ два пальца. Христю не только не тревожили, но даже, повидимому, вовсе не занимали странныя извѣстія, которыя началъ доставлять намъ изъ дома Сержа Пеньковскій, имѣвшій счастье обратить на себя вниманіе Сержевой матери и учинившійся у нея какимъ-то секретаремъ фактотумомъ. Пеньковскій доносилъ, что дѣла у молодыхъ поили не ладно, что супруга Сержа своевольна, зла, капризна и самовластна.

— A do tego wsczystkiego trzeba wam dodac, ze ona ist i bardzo glupe, — говорилъ Пеньковскій, привыкшій уже считать себя полякомъ.

Это были общія характеристики, но вслѣдъ затѣмъ Пеньковскій появлялся къ намъ отъ времени до времени, ни кѣмъ не прошенный, сообщалъ намъ скандалы и частнаго свойства, между которыми иные были весьма возмутительны и представляли положеніе Сержа очень жалкимъ; но самъ Сержъ, кажется, никому ни на что не жаловался и тщателью скрывалъ отъ всѣхъ свое горе.

Современемъ онъ, вѣроятно, нѣсколько попривыкъ къ своему положенію, а чужіе люди перестали имъ интересоваться. Такъ ушли еще два года, какъ опять внезапно къ намъ появился Пеньковскій и сообщалъ при Христѣ, что жена Сержа, заплативъ какой-то значительный долгъ за него, или за его мать, сдѣлала ему столь сильную неприятность, что онъ схватилъ шанку, выбѣжалъ вонъ изъ дома и не возвращался до утра.

— И это у нихъ теперь часто будетъ повторяться, — заключилъ Пеньковскій и заключилъ не опрометчиво, потому что одинъ разъ вскорѣ послѣ того, идучи вмѣстѣ съ Хри-

стей, мы замѣтили впереди себя одинокую фигуру, въ которой Христи не замедлила узнать Сержа и, сжавъ мою руку, дала знакъ идти тише.

Мы прошли за нимъ въ небольшомъ отъ него разстояніи нѣсколько улицъ. На дворѣ былъ поздній сѣрый вечеръ, покрапывалъ дождь и улицы были почти пусты. Сержъ шелъ тихо, понуривъ голову, и часто останавливался;—мы все издали за нимъ слѣдовали, и я не замѣтилъ, какъ очутились въ улицѣ, гдѣ была квартира Альтанскихъ.

И что же? Сержъ, взойдя въ эту улицу, тихо пошелъ по противоположной сторонѣ и наконецъ остановился подъ темнымъ заборомъ.

Христи вздрогнула, и черезъ минуту, схвативъ меня за руку, тихо скользнула въ свою калитку, вошла въ комнату и, схвативъ карандашъ и бумагу, написала дрожащею рукою нѣсколько строкъ и подала ихъ мнѣ съ словами:

— Идите и отдайте это ему.

— То-есть Сержу?—переспросилъ я.

— Да; то-есть ему,—повторила она, снова меня передразнивая:—подите и отдайте! Или ибать, стойте: вы не слуга мой, а другъ, и потому вы должны знать, что вы несете.

Она вырвала изъ моихъ рукъ записку, развернула ее и сказала:

— Прочтите.

Я прочелъ слѣдующее:

«Если вы несчастливы, и я могу что-нибудь для васъ сдѣлать, то я ни передъ чѣмъ не остановлюсь. Я хочу васъ видѣть.»

— Да, пусть онъ ко мнѣ придетъ. Что вы на меня такъ смотрите?

— Я, ничего...

— А ничего, такъ идите и скажите, чтобы онъ къ намъ пришелъ... по-старому... завтра... я его ждать буду.

И съ этимъ она повернула меня и почти насильно вывела за двери.

Сержъ попрежнему стоялъ на улицѣ, но когда я сталъ приближаться, онъ тронулся съ мѣста и хотѣлъ уйти. Я ускорилъ шагъ и, нагнавъ его, слегка тронулъ его за руку и подалъ письмо, которое онъ взялъ молча и нетерпѣливо бросился съ нимъ къ фонарю.

Меня душили слезы: я чувствовалъ, что сейчасъ, сію

минуту совершите какое-то великое и тяжкое дело и, тихо зарывавъ въ рукавъ, побѣжалъ домой, чтобы ничего болѣе не знать и не видѣть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Описанное мною событіе имѣло свои большія послѣдствія, которыя не могли долго скрываться: Сержъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ дома Альтанскихъ; онъ у нихъ обѣдалъ, у нихъ сидѣлъ вечера и вообще проводилъ у нихъ почти все свое время.

Я очень скоро узналъ объ этомъ, но молчалъ и ничего не говорилъ маман, отъ которой это также не скрылось и заставило ее сильно страдать. Она была такъ сконфужена, что даже перестала писать Филиппу Кольбергу, а только стала очень часто нюхать спиртъ и проливать на сахаръ гофманскія капли. Къ этому подошла простуда, и маман заболѣла. Тутъ Христя меня удивила: она была до того къ намъ невнимательна, что даже не приходила навѣстить маман. Съ того вечера, какъ я отдалъ Сержу ея записку, она почти совсѣмъ не появлялась въ нашемъ домѣ, но старикъ Альтанскій ходилъ къ намъ попрежнему и въ немъ вообще не было замѣтно ни малѣйшей переменны ни въ какомъ отношеніи: онъ былъ такъ же спокоенъ, такъ же, какъ и прежде, шутилъ и такъ же занимался со мною классиками и математикой.

Частые визиты женатаго Сержа къ Христѣ, повидимому, не смущали старика и даже, можетъ-быть, совсѣмъ не останавливали на себѣ его вниманія, какъ нѣкогда не останавливало вниманія исчезновеніе этого молодого человѣка. Христя теперь, какъ и всегда, пользовалась неограниченнѣйшею свободою, и я странился, что покровительствуемая этою свободою страстная ея любовь, вѣроятно, сдѣлала въ это время большіе и безповоротные шаги. Наблюдая мою мать, я подозревалъ, что и она опасается точно того же. Мнѣ даже казалось, что это собственно было и причиною ея болѣзни.

И я не ошибался.

Однажды Альтанскій присѣлъ послѣ занятій со мною къ изголовью маман, сказавъ:

— Ахъ, я и позабылъ: у меня есть къ вамъ записочка отъ дочери.

И онъ подалъ маман распечатанную записку, которую та взяла дрожащими руками и, пробѣжавъ ее, потребовала у меня свой бюварь, сунула туда полученную записку и, написавъ отвѣтъ, велѣла мнѣ его запечатать.

Я взялъ бюварь въ свою компату и имѣлъ нескромность прочесть и Христинину записку, и материнъ отвѣтъ. Христя писала слѣдующее:

«Катерина Васильевна! Вы должны имѣть обо мнѣ самое дурное мнѣніе и мнѣ хочется сказать вамъ, что я его вполне стою: я *пропала!* Мое послѣднее поведеніе всякому дастъ право думать обо мнѣ какъ о самой недостойной женщинѣ— и я сама прежде всего считаю себя недостойною добраго расположения и общества такой почтенной и горячо мною любимой женщины, какъ вы. Вотъ почему я не иду къ вамъ—и зная, что вы больны по причинѣ, которую боюсь отгадать, рѣшилась просить васъ объ одномъ: не считайте меня холодною и неблагодарною, неумѣющею понимать и пѣнить вашей расположенности».

Маман на это отвѣчала короткимъ словомъ: «Приди ко мнѣ, другъ мой, моя милая Христя, я люблю тебя, я жду тебя со всею нетерпѣливостію и встрѣчу тебя съ вѣрнымъ тебѣ сердцемъ».

Я запечаталъ это письмо и отдалъ его Альтанскому, а не болѣе какъ спустя одинъ часъ въ сѣняхъ нашихъ дверей послышался стукъ щекотды, и въ дверяхъ залы появилась Христя.

Она была одѣта очень небрежно, въ какомъ-то старомъ черномъ изношенномъ платьѣ, и покрыта съ головы такимъ же чернымъ платкомъ; но лицо ея, хотя и было блѣднѣе обыкновеннаго, казалось спокойнымъ и даже счастливымъ.

Заставъ меня одного въ залѣ, она, ни слова не говоря, подала мнѣ руку, улыбнулась и поцѣловала меня въ лобъ; я ей хотѣлъ что-то сказать, но она закрыла мнѣ ротъ и пошла скорыми шагами къ матушкиной комнатѣ, но вдругъ на самомъ порогѣ двери остановилась, закрыла ладонями глаза и опустилась на колѣни.

— Боже мой! другъ мой! Христя! Ты ли это?—воскликнула, быстро вскочивъ и сѣвши въ кровати, маман.

— Да; это я... посмотрите на меня Бога ради!—отвѣчала, не поднимаясь и не открывая глазъ, дѣвушка.

— Зачѣмъ же ты тамъ стала? О, Господи! Иди, иди ко мнѣ, или я не выдержу...

— Вы меня не презираете?

— Нѣтъ, нѣтъ; я жалѣю тебя, я люблю тебя, я хочу плакать съ тобою!

Христя вскочила и, бросившись къ маман, обняла ее, а я поспѣшила уйти въ свою комнату и заперъ за собою двери.

Я долго сидѣла у себя, тяжело облокотись головою на руки, и думала, что это за свѣтъ, что его за законы, ради которыхъ лучшее гибнетъ, принося себя въ жертву худшему,—и въ душѣ моей возставало смутное недовольство жизнью, которой я не понимала, но уже былъ во враждѣ съ нею за эту Христю. Я понимала, что она сдѣлала, и она мнѣ казалась героинею—и притомъ такою искреннею, такою прекрасною, что я готовъ былъ за нее умереть; а когда я перестала философствовать и сдѣлался снова свидѣтелемъ разговора, который она вела съ матушкою, добрыя чувства мои къ ней еще болѣе усилились.

Христя не приводила никакихъ аргументовъ въ свое оправданіе: она все брала на себя и говорила только одно, что она «не могла совладѣть съ собою».

— Какъ же ты думаешь теперь жить?

— Никакъ. Зачѣмъ думать: ничего не выдумаешь.

— По твой отецъ?

— Отецъ мой меня любитъ.

— Но его годы, его взгляды...

— Не смущайте меня: я теперь счастлива, я любима, и вы меня не отвергаете—а болѣе мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла.

— А общество, а свѣтъ?

— А что они мнѣ дали? чѣмъ я имъ обязана? Не говорите мнѣ о нихъ: ихъ судъ мнѣ не нуженъ; я чувствую наслажденіе презирать его.

— Мой другъ, это не такъ легко.

— Легко ли, трудно ли, мнѣ объ этомъ теперь уже поздно думать.

— А собственная совѣсть?

— Совѣсть? она чиста. Я никого не погубила и не погублю: я отреклась отъ правъ на почетъ и уваженіе и взяла себѣ безславіе—и я снесу его.

— Зачѣмъ?

— Чтобы сдѣлать хоть немного счастливѣе того, кого я люблю и кто слыше мѣры несчастливъ.

— А Богъ! а Богъ! ты забыла о Немъ, мое бѣдное дитя?

— Чей Богъ?

— Мой, твой, Богъ твоего отца.

— Богъ вашъ меня простить, потому что вы, будучи Его твореніемъ, меня простили.

— Словомъ, ты не чувствуешь въ своемъ сердцѣ на себя никакой грозы?

— Никакой.

— И ничего не боишься?

— Ничего равно. Я счастлива.

— О, Боже! — воскликнула мама. — Какъ правъ, какъ правъ мой другъ, который предрекалъ мнѣ все это!

— О комъ вы говорите?

— Ты его не знаешь: его здѣсь нѣтъ.

— Его здѣсь нѣтъ; но я все равно его знаю: это тотъ, кого зовутъ Филиппъ Кольбергъ?

— Да: это онъ.

— Что онъ вамъ предрекалъ на мой счетъ?

— Когда мы познакомились съ тобой и я писала ему объ этомъ и описывала твое положеніе и твой характеръ, онъ оцѣнчалъ мнѣ: «остерегайтесь поддерживать гордость этой дѣвушки: такіе характеры способны къ неудержимымъ жертвамъ—и въ этой жертвѣ все ихъ оправданіе». И его не послушалась, я укрѣпляла въ тебѣ твою рѣшимость отказать Сержу, потому что я предвидѣла твое положеніе въ этой напыщенной семьѣ...

— И не жалѣйте объ этомъ, — перебила Христа: — вы укрѣпили меня въ самую важную минуту и спасли меня отъ положенія тяжкаго, котораго я бы не снесла—и умерла бы ненавистною себѣ и ему; межъ тѣмъ какъ теперь я счастлива и умру счастливою.

— Къ чему же рѣчь о смерти?

— О! я скоро, очень скоро умру!

— Зачѣмъ такая мысль?

— Она меня радуешь: я хочу умереть скорѣй, скорѣй...

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? О, вы ли объ этомъ спрашиваете? зачѣмъ, чтобы не надоѣсть и... умереть любимою! Неужто вы не почувствуете какое это блаженство?

Мама промолчала.

— О, я жалѣю васъ, если вы этого не знаете,—продолжала дѣвушка.

— Нѣтъ, я это знаю, —отвѣтила тихо мама:—но...

— Но, я знаю что вы скажете,—перебила Христа:—вы скажете, что можно умереть любимую, сохранивъ себѣ уваженіе, то-есть не сдѣлавшись любовницею?

— Да.

— Отвѣчу вамъ: пускай это вмѣститъ, кто можетъ; я же не могла и спросите этого добраго Коальберга... Я думаю, что онъ добрый?

— Какъ ангель.

— И онъ, конечно, уменъ?

— О, очень уменъ.

— Ну, такъ спросите его: осудитъ ли онъ меня или нѣтъ, что я пожертвовала собою, зная все... зная даже то, что меня долго любить не будутъ. Но я вамъ говорю: я предупреджу это несчастье и умру любимая.

— Какая ты славная и какая несчастная, Христа!

Она засмѣялась и проговорила:

— Славная? да, я прославилась; молчите обо мнѣ: прячьте мою славу, пока ее не выдастъ всѣмъ мое открытое безславіе.

Вышла пауза—и я понимала, что онѣ въ это время должны были молча глядѣть другъ на друга: мать моя съ ужасомъ, а Христа со спокойствіемъ, которое вызывало этотъ ужасъ.

Я сталъ тихонько на колѣни передъ висѣвшимъ въ моей комнатѣ изображеніемъ Христа и, горько рыдая, просилъ Его:

— Омой, омой грѣхъ ея Твоею кровію!

Больше я ничего объ этомъ днѣ не помню.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Романъ Христа скоро получилъ огласку. Это я не могло быть иначе, потому что поведеніе страстно-влюбленнаго въ нее Сержа обличало его ежеминутно—и въ глазахъ его домашнихъ, и въ глазахъ постороннихъ, которымъ была охота что-нибудь видѣть. Я не знаю, было ли Христѣ что-нибудь извѣстно о томъ, что о ней толковали, но полагаю, что нѣтъ, потому что она рѣшительно умерла и погреблась для всего міра. Кромѣ ея собственнаго дома, ее нигдѣ нельзя было

видѣть: къ намъ она приходила, вся закутанная, поздно вечеромъ и уходила ночью, да и то это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока маманъ была больна; но какъ только маманъ начала выходить, Христя съ тѣхъ поръ къ намъ уже не показывалась. Еще оставалась у нея церковь, такъ какъ Христя, несмотря на свое своеволие, была очень набожна; но она избрала для своего моленія самую уединенную церковь и тамъ приталась отъ всѣхъ взоровъ. Вообще пританье сдѣлалось у Христя какою-то страстью и наводило на меня лично очень неприятное впечатлѣнiе: укрывающаяся Христя была точно олицетворенiе нечистой совѣсти, что все не шло къ ней, тѣмъ болѣе, что она, судя по ея недавнему объясненiю съ маманъ, считала свою совѣсть совершенно чистою.

А время все шло своимъ чередомъ, дни уходили за днями; Христя все такъ же старалась быть невидимой, и мы видѣлись съ нею очень рѣдко, а съ Сержемъ никогда; но укрьпившiйся въ фаворѣ женской половины этого дома Пеньковскiй ретиво доносилъ намъ, что тамъ идутъ ужасныя сцены и что жена и мать Сержа задумали какой-то планъ мщенiя. Планъ этотъ, какъ вскорѣ обнаружилось, состоялъ въ томъ, что высокiй покровитель семьи Сержа, при которомъ сей послѣднiй былъ записанъ на службу, далъ ему порученiе въ Петербургъ. Сержъ было возсталъ противъ этого и подавалъ просьбу въ отставку. но просьбы этой отъ него не приняли, а Христя убѣдила его не поднимать спора и ѣхать. Онъ ее послушался и уѣхалъ, кажется, точно такъ же легко, какъ прежде послушался ее и женился на другой. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, слушая ее, онъ слухался собственныхъ своихъ задушевныхъ и тайныхъ желанiй, которыя Христя только умѣла отгадывать и предлагать въ видѣ своихъ просьбъ.

Итакъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а мы придвинулись къ Христѣ, которая была очень спокойна и даже какъ бы довольна, что осталась одна,—обстоятельство, которое меня еще сильнѣе навело на мысль, что Христя только бодрится, а въ существѣ очень страдаетъ отъ невыносимой тяжести положенiя, которое себѣ устроила очертя умъ и волю. Она внутренно подобрала себя къ рукамъ,—стала гораздо порядочнѣе и спокойнѣе въ поступкахъ и въ мысляхъ, и даже во внѣшности: ея костюмъ и ея комнаты,—все это приняло

прежній стройный характер, который было совершенно утратился и исчезъ во дни ея безумныхъ увлечений.

Такъ прошло болѣе мѣсяца, какъ вдругъ случились у насъ два происшествія: первое заключалось въ томъ, что къ роднымъ Сержа пришла, будто бы, вѣсть, что онъ въ Петербургѣ имѣлъ неприятную исторію съ братомъ своей жены и опасно занемогъ. При разсказахъ объ этомъ чего-то очевидно умышленно не договаривали и въ городѣ отъ этихъ недомолвокъ пошли толки, что у Сержа была дуэль и что онъ опасно раненъ. Жена его немедленно поскакала въ Петербургъ.

Христя, до которой дошла эта новость, сначала-было очень испугалась, но потомъ подумала, успокоилась и сказала, что все это неправда.

Еще мѣсяцъ спустя получилось извѣстіе, что Сержъ уѣхалъ съ женою для пользованія за границу.

Христя, услыхавъ объ этомъ, сказала:

— Ну, вотъ *это* правда!

И вслѣдъ затѣмъ она получила отъ Сержа письмо, въ которомъ тотъ каялся, что роковая судьба заставляетъ его подчиниться тяжелымъ обстоятельствамъ; что онъ два года долженъ прожить съ женою за границу, потому что иначе теща лишитъ его значительной доли наслѣдства, но что онъ за всеѣмъ тѣмъ останется вѣренъ своему чувству къ Христѣ и будетъ любить ее до гроба.

Христя все это приняла съ улыбкою и перенесла съ такимъ спокойствіемъ, что казалось, будто она вовсе даже ничего не знала и не страдала. А вслѣдъ затѣмъ вскорѣ произошло событіе въ другомъ родѣ, которое ее даже заставило хохотать и долго было у насъ причиною немалого смѣха.

Винovníкомъ этого веселаго событія былъ мой добрый другъ Пенькиновскій.

Я уже сказалъ, что онъ пользовался большимъ фаворомъ на женской половинѣ Сержева дома. Какъ началось ихъ знакомство и дружество — я не знаю; но когда мы стали обращать на это вниманіе, то дѣла уже стояли такъ, что Пенькиновскій былъ въ ихъ домѣ своимъ человѣкомъ и притомъ человѣкомъ самымъ необходимымъ. Теща, мать и жена Сержа, до самаго своего отъѣзда къ мужу, безъ церемоній употребляли моего друга на разныя послылки и послуги и удостоивали при этомъ своей особой довѣренности, которою

онъ и умѣлъ пользоваться съ дѣлающимъ ему честь тактомъ. Посѣщая насъ и принося намъ разные непрощенныя вѣсти изъ дома Сержа, онъ выуживалъ, гдѣ могъ, разные слетвишки о Христвѣ—и, снабжая ихъ своими комментаріями, сносилъ туда. Онъ же оказывалъ самое ревностное и въ то же время самое осторожное содѣйствіе въ устройствѣ спасительной высылки Сержа за границу и потому остался утѣшать двухъ старухъ: родную мать Сержа—здоровую, толстую и чернобровую старуху Анну Ивановну, и его тещу Марью Ильвшинну, старуху менѣе старую, высокую, стройную и сохранивную слѣды нѣкогда весьма замѣчательной красоты.

Эта послѣдняя была женщина свѣтская,—по-своему очень пеглуная, щедрая, даже расточительная; она занялась Пенъковскимъ съ знаніемъ дѣла: экипировала его со вкусомъ и такъ выдержала въ отношеніи всей его внѣшности, что въ одно прекрасное утро, всѣ мы, невзначай взглянувъ на моего друга, почувствовали, что онъ имѣетъ неоспоримое право называться замѣчательнымъ красавцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, его высокой ростъ, крупная, но стройная и представительная фигура, прекрасные свѣтлорусые, слегка вьющіеся волосы, открытое высокое чело, полное яблоко голубыхъ, завѣшанныхъ густыми рѣсницами глазъ и удивительнѣйшей, античной формы большая бѣлая рука, при мягкости и въ то же время развязности манеръ, быстро имъ усвоенныхъ подъ руководствомъ изящной и любившей изящество тещи Сержа, обратили его въ какого-то Ганимеда, затмевавшаго своей весенней красотой все, что могло сколько-нибудь спорить о красотѣ.

Онъ это чувствовалъ и сознавалъ—и необыкновенно легко обучился держать себя съ большою важностью. Состоя на однихъ со мною правахъ и потому будучи обязанъ служить приказнымъ, онъ, однако, бросилъ свою гражданскую палату—и, перемѣстивъ въ аристократическую канцелярію къ начальнику, ведущему за усы его отца, взиралъ свысока на всѣхъ зашѣдателей и надсмотрщиковъ, которыхъ могъ обогнать однимъ шагомъ. Ему теперь все улыбалось—и онъ любилъ, добрилъ и ликовалъ, и отнюдь не подозревалъ, что въ это самое время ему готовился урокъ непрочности земного счастья. Среди самыхъ цвѣтущихъ дѣлъ онъ получилъ смертельный ударъ, заключавшійся въ томъ, что убогенькимъ

жена моего дяди внезапно подавилась куриною косточкою и умерла, — а дядя мой, отъ котораго — по выраженію лица, у котораго служилъ Пенькновскій, — «взятками пахло», чтобы отбить отъ себя этотъ дурной запахъ, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Ильинишнѣ и получилъ ея руку быстро и безноворотно. Этимъ политическимъ фортелемъ дядюшка, сблизясь съ главнымъ начальникомъ края, укрѣпилъ себя на своемъ креслѣ, такъ какъ оно подъ нимъ довольно шаталось, — а бѣдный Пенькновскій очутился безъ шагаги. Въ домъ дяди его не пускали, а тайно благодѣтельствовать ему Марья Ильинишна или не хотѣла, или онъ самъ считалъ неудобнымъ участвовать въ этой тройной игрѣ. Словомъ, дѣла его приняли вдругъ самый дурной оборотъ: аристократическая канцелярія не давала ему ничего, кромѣ какихъ-то весьма отдаленныхъ видовъ; но какъ было ихъ дожидаться, когда скупой отецъ не давалъ ему ни гроша, а самъ онъ не умѣлъ добыть трудомъ ни копейки.

Всякій бы на мѣстѣ Пенькновскаго сталъ втупикъ, и съ нимъ случилось то же самое, но только съ тою разницею, что онъ скоро нашелся какъ поправить свои обстоятельства и притомъ способомъ самымъ прочнымъ и капитальнымъ.

Разъ, въ праздничный день, онъ приходитъ къ намъ по обыкновенію развязнымъ щеголемъ и франтомъ, и, предложивъ маманъ руку, просилъ ее его выслушать. Они вдвоємъ вышли въ залъ, а я остался въ матушкиной комнатѣ, гдѣ грѣлся передъ каминомъ; но не прошло и десяти минутъ, какъ матушка вдругъ вошла торопливой походкой назадъ. Она имѣла видъ встревоженный и смущенный и, плотно затворивъ за собою дверь, сказала мнѣ:

— Выйди, сдѣлай милость, къ нему и скажи, что я почувствовала себя дурно и легла въ постель.

Я смотрѣлъ на маманъ молча, изумленными глазами, но она еще настойчивѣе повторила мнѣ свое порученіе и закончилась въ мелкихъ вещицахъ на своемъ туалетѣ, что у нея всегда выражало большое волненіе.

Я вышелъ въ залъ и, увидѣвъ передъ собою представителя Пенькновскаго, ощутилъ всю трудность возложеннаго на меня порученія, тѣмъ болѣе, что не зналъ, чѣмъ оно вызвано. Одну минуту мнѣ пришло въ голову, ужъ не сдѣлалъ ли онъ предложенія моей маманъ, но, вспомнивъ, что онъ въ послѣднее время усвоилъ себѣ привычку гово-

рить съ женщинами съ особенной тихой развязностью, я счелъ свою догадку преждевременной и просто попросилъ его въ свою комнату.

— Въ твою комнату? зачѣмъ это?—спросилъ онъ меня съ легкою гримаской; но, услышавъ отъ меня то, что я долженъ былъ ему передать по порученію татапа, онъ вдругъ смялся и на выхоленномъ лицѣ его мелькнули черты, которыя я видѣлъ на немъ, когда обнаружилось, что Кириллъ водилъ его подъ видомъ палача по королевецкой ярмаркѣ.

— Послушай,—сказалъ онъ мнѣ въ одно и то же время и разбѣянно, и строго:—я въ правѣ отъ тебя, однако, потребовать одного, чтобы ты сказалъ: понимаешь ли ты, что это обида...

— Ей-Богу, ничего я не понимаю,—отвѣчалъ я поистинѣ.

— Я объявляю твоей матери, что я женюсь на ея знакомой,—и такъ или иначе, дѣлаю ей все-таки честь: прошу ее быть моею посаженою матерью; а она, вдругъ, представъ себѣ: молча смотритъ на меня цѣлыя пять минутъ... замѣть, все молча! Потомъ извиняется, быстро уходитъ и высылаеть ко мнѣ тебя съ этимъ глупымъ отвѣтомъ, что она нездорова... Знаешь, милый другъ, что если бы я не уважалъ ее, и если бы это не въ такое время, что я женюсь...

— На комъ же, на комъ ты женишься?—перебилъ я.

— А я, любезный другъ, женюсь на Аннѣ Ивановнѣ.

— На какой Аннѣ Ивановнѣ?

— На Довбичъ.

— На вдовѣ?!

— Ну да, на вдовѣ.

— На матери Сержа?

— Ну да; на его матери.

— И Сержъ долженъ будетъ называть тебя шоп рѣге?

У меня задергало щеки, и я не выдержалъ и расхохотался.

— Вотъ сейчасъ и видно, что ты еще дуракъ!—сказалъ Пенькиновскій, которому и самому было и смѣшно, и конфузно; но онъ, однако, на меня не разсердился и ушелъ, удостоивъ меня чести приглашеніемъ въ шаферы.

Когда мы вечеромъ пришли къ Христѣ и я рассказалъ ей эту исторію, она смѣялась до упаду и до истерики, сколько надъ еѣге рара, какъ стали мы называть Пенькиновскаго, столько же и надъ татапа, которая сама шутила

надъ замѣнательствомъ, въ которое поставилъ ее Пеньковскій этою, по ея словамъ, «противною свадьбой».

Мы по этому случаю такъ много смѣялись и были такъ веселы, что и не думали ни о положеніи Христа, ни о томъ, что надъ самими надъ нами, можетъ-быть, тоже виситъ какая-нибудь внезапность, способная перекофузить насъ болѣе, чѣмъ замужество одной старухи сконфузило Пеньковского и въ то же время дало ему счастливую мысль самому скорѣе жениться на другой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ночью отъ этого усиленнаго смѣха Христа сдѣлалось внезапно такъ худо, что она присылала за маманъ—и я не слыхала, какъ маманъ къ ней ходила и возвратилась,—да собственно я не знала даже, что такое и было съ Христею, и не видала ее послѣ того въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Это случилось главнымъ образомъ отъ того, что я ѣздила по службѣ въ одинъ довольно-далекій великороссійскій городъ за принятіемъ мѣдной монеты. Порученіе это было пустое и весьма не лестное, такъ какъ его могъ бы исполнить всякій солдатъ; но маманъ оно очень нравилось—и даже, я увѣренъ, что она сама и схлопотала мнѣ эту посылку.

Впрочемъ, выѣхавъ изъ Кіева послѣ продолжительнаго здѣсь сидѣнія, я и самъ былъ очень доволенъ случаю провѣтриться. Новыя мѣста и новыя люди всегда меня интересовали—и на этотъ разъ я ими очень занялся и провелъ нѣсколько времени въ дорогѣ и при приѣмѣ денегъ очень пріятно. Поневолѣ освободясь отъ книгъ, я сопричащался къ жизни чужихъ мнѣ людей и нашелъ это очень пріятнымъ, тѣмъ болѣе, что куда я ни появлялся и съ кѣмъ ни сходился, мнѣ казалось, что всѣ меня очень ласкали и любили. Словомъ: я былъ очень счастливъ—и этимъ счастьемъ дышали всѣ письма, которыя я писалъ матушкѣ, описывая въ нихъ въ подробности всѣ мои думы и впечатлѣнія. Отпускомъ меня отсюда не торопились: денегъ, за которыми я прѣхалъ, не было въ сборѣ, — ихъ свозили въ губернскій городъ изъ разныхъ уѣздовъ; все это шло довольно медленно, и я этимъ временемъ свелъ здѣсь нѣсколько очень пріятныхъ знакомствъ; во главѣ ихъ было семейство хозяина, у котораго я присталъ съ моими двумя присяжными солдатами, и

потомъ чрезвычайно живой и веселый живописецъ Лаптевъ, который занимаясь въ это время распискою стѣнъ и купола мѣстнаго собора и жилъ тугъ же рядомъ со мною въ комнатѣ у того же самаго небогатаго дворянина Нестерова. Живописецъ Лаптевъ былъ человѣкъ маленькаго роста, съ веселыми карими глазками, широкой чистой лысиной, черезъ которую лежала одна длинная прядь черныхъ волосъ, съ открытымъ лицомъ и курносый носомъ, вѣскольکو вздернутымъ и какъ бы смѣющимся. Однимъ словомъ: физиономія презамѣчательная и очень располагающая. Онъ имѣлъ отъ роду лѣтъ тридцать пять, происходить откуда-то изъ мѣщанъ; провель всю свою жизнь въ занятіяхъ церковною живописью, былъ очень уменъ и наблюдателенъ; любилъ кутнуть и считалъ себя знаткомъ церковнаго пѣнія, постоянно расписывалъ разныя херувимскія и концерты, но пѣлъ ихъ не сплошь, а только однѣ басовыя партіи, отчего, если его слушать изъ-за стѣны, выходило похоже на пѣніе сумасшедшаго. Онъ то вырабатывалъ свою ноту, то вдругъ останавливался, воображая мысленно какъ поютъ въ это время другіе голоса, считалъ въ умѣ тактъ—и дождавшись времени, вдругъ опять хваталъ свою ноту и оралъ часто весьма немилосердно.

На этомъ мы съ нимъ и познакомились; онъ, встрѣтивъ меня однажды, спросилъ: не мѣшаешь ли окъ мнѣ заниматься? на что я ему и отвѣчалъ, что онъ мнѣ не мѣшаетъ, но что я удивляюсь, какъ ему не мѣшаетъ сумасшедшій, который у насъ гдѣ-то кричитъ.

— А-а! этотъ сумасшедшій? Ну, я къ нему уже привыкъ,—отвѣчалъ, добродушно смѣясь, Лаптевъ.

— Развѣ вы давно здѣсь живете?

— Нѣтъ, я то здѣсь недавно, но онъ-то со мною уже давно; однимъ словомъ, этотъ сумасшедшій я самъ. Хе-хе-хе-хе!—засмѣялся онъ, какъ засыпая мелкимъ горошкомъ, и, обнявъ меня съ искренней дружбой, добавилъ:—не конфузьтесь, пріятель дорогой, не конфузьтесь! вы не первый сочли меня за сумасшедшаго; почитайте меня такимъ, ибо я и въ самомъ дѣлѣ таковъ: пою и пью, свинцевые лики изображаю и ежечасно грѣшу: чѣмъ не сумасшедшій...

Вечеромъ этотъ веселый человѣкъ, придя съ работы изъ церкви, взманилъ меня идти съ нимъ въ театръ, гдѣ очень плохая провинціальная труппа разыгрывала *Камешаго гостя*.

И представление, и обстановка были крайне незамысловаты, но меня они, однако, удовлетворяли или по крайней мѣрѣ приводили въ нѣкоторый трепеть; а Лаптевъ, который оказался большимъ театраломъ, по возвращеніи домой необыкновенно заинтересовалъ меня рассказами о столичныхъ театрахъ и актерахъ, изъ которыхъ онъ очень многихъ близко зналъ. Отъ актеровъ онъ перескочилъ къ пѣвцамъ, отъ пѣвцовъ къ живописцамъ и скульпторамъ — и, рисуя одну за другою картины артистическихъ нравовъ, увлекъ меня этимъ бытомъ до восхищенія и восторга, выразившагося тѣмъ, что я вскочилъ съ мѣста и расцѣловалъ его.

Онъ мнѣ казался уменъ и прекрасенъ: чуя въ немъ бѣненіе пульса, присущее художественной натурѣ, я оцутилъ въ своей душѣ ближайшее родство съ нимъ, — родство и согласіе, какихъ не оцутцалъ до сихъ поръ ни съ кѣмъ, не исключая маман, Христи и профессора Альтанскаго.

— Гармония—вотъ жизнь; достиженіе прекраснаго душою и сердцемъ—вотъ чтò лучше всего на свѣтѣ!—повторять я его послѣднія слова, съ которыми онъ вышелъ изъ моей комнаты — и съ этимъ заснулъ, и спалъ, видя себя во снѣ чуть не Апеллесомъ или Праксительемъ, передъ которымъ всѣ дѣвы и юныя жены стыдливо снимали покрывала, обнажая красы своего тѣла; онѣ были обвиты плющемъ и гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ и держали кто на головѣ, кто на удругихъ плечахъ храмовыя амфоры, чтобы подъ тяжестью ихъ отчетливѣе обозначался линіи стройнаго стана—и все это затѣмъ, чтобы я, величайшій художникъ, увѣнчанный миртомъ и розой, лучше бы могъ передать полотну ихъ чаровничью прелесть.

О, юность! о, юность благая! зачѣмъ твои сны уходятъ вмѣстѣ съ тобою? Зачѣмъ не повторяются они такіе чистые и прекрасные, вдохновляющіе, какъ этотъ сонъ, послѣ котораго я уже не могъ уснуть въ эту ночь, всталъ рано и, выйдя на коридоръ, увидалъ моего Лаптева. Онъ стоялъ и умывался передъ глинянымъ умывальникомъ, и, кивнувъ мнѣ головою, спросилъ:

— Или не поспалось?

— Да, не поспалось,—отвѣчалъ я:—мнѣ приснился хорошій сонъ и заснуть его не хочется.

— А чтò за сонъ такой снился? Пойдемте-ка ко мнѣ чай пить, да расскажите про него, протобестію.

Мы вошли въ комнату, и я рассказалъ мой сонъ.

— Важно!—отвѣчалъ, выслушавъ меня, Лаптевъ:—сонъ хоть куда: хоть заправскому Рафаэлю. А знаете ли чтѣ сей сонъ обозначаетъ?

— Пять, не знаю.

— А я знаю и сейчасъ расскажу: онъ значитъ, что, во-первыхъ, у васъ художественная жилка есть и ей надо дать пожить: пусть она, капалья, немножечко побьется; а, во-вторыхъ... который вамъ годъ?

— Девятнадцать.

— Гм! возрастъ бѣдовый: тоже своихъ правъ требуетъ. Миѣ въ эти годы тоже чортъ возми вдохновенныя штучки снились, и я такихъ-то Лурлей у отца въ лавкѣ на стѣнахъ углемъ производилъ, что ай люли. Только меня за это бабка потягомъ по спинѣ каталъ!

— За что же?

— Чтобы стѣнъ, говорили, не портилъ. Эхъ, да, сударь, да: искусство—это такая вещь, что не дается пока за него не пострадасишь. Музы ревнивы, проклятыя: пока ото всего не отвернешься, да не кинешься имъ въ ноги, дескать «примите къ себѣ въ неволю», до тѣхъ поръ все отворачиваются.

— И съ вами такъ было?

— Да, и со мною такъ было: отецъ мой въ городѣ лавчонку имѣлъ и меня къ этому же промыслу приучалъ, а я все рожи по стѣнамъ чертилъ,—онъ меня, покойникъ, за это и дралъ, дай ему Богъ царствіе небесное. А потомъ онъ умеръ, матушка меня къ чужому лавочнику въ такую же науку отдала: я опять рожи чертить, да къ звукамъ прислушиваться. Хозяинъ уйдетъ изъ лавки пообѣдать, а я стаканы на полкѣ разставлю, подберу ихъ подъ тонъ да и валяю на нихъ палочкой «Всемирную славу». Да разъ, эту «Всемирную славу» исполняя, въ такой азартъ пришелъ, что забиралъ-забирать все *forto fortissimo*, да все эти стаканы и поколотилъ. Бросилъ ихъ въ корзинку, а они, дьяволы, такъ сладостно зазвенѣли, что я сгрѣбъ одинъ пятифунтовикъ да еще въ корзинку... Ахъ, хорошо!.. Я еще десятифунтовикъ,—еще лучше дребезгъ: точно изъ ораторіи какой-нибудь на разрушеніе міра... Я и ну катать,—да потомъ, какъ опомился, чтѣ такое патворилъ,—шашку въ оханку да маршир большую дорогою черезъ заборъ въ Москву, разгонять тоску.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и поступилъ къ живописцу, да лучше его писать сталъ—онъ меня выгналъ; я въ Петербургъ, чуть въ академію не попалъ.

— И отчего же вы не попали?—воскликнулъ я съ глубокимъ сожалѣніемъ.

— Дуракъ былъ,—отвѣчалъ Лаптевъ:—слюбился да женился,—муза сейчасъ и взревновала, и наливала мнѣ въ голову, а баба ребятъ нарожала—и вотъ я лысый пынче лажу по лѣсамъ, да куполы расписываю и тѣмъ свой гаремъ питаю.

Лаптевъ замолчалъ и сталъ собираться на работу.

Я ушелъ отъ него и мнѣ сдѣлалось невыразимо скучно,—точно я разстался съ какимъ-то ближайшимъ и драгоценнѣйшимъ мнѣ существомъ. Повторяю опять, что хотя я въ этомъ влеченіи и узнавалъ знакомыя черты пылкости и восторженности моей натуры, но это было совсѣмъ не то, что я чувствовалъ нѣкогда къ матери или Алтаискому. Все то было сухо, строго и подчинялось разуму, межъ тѣмъ какъ тутъ меня охватывало что-то неодолимое и неодолимою же тайною властью влекло къ Лаптеву. Въ немъ я видѣлъ, или лучше сказать, чувствовалъ посланца по мою душу изъ того чуднаго, завѣтнаго міра искусства, который вдругъ сталъ мнѣ своимъ—и манилъ, и звалъ меня къ себѣ, привѣчая и ластя... и я стремился къ нему, дрожа и млѣя, и замирая отъ сладостной мысли быть въ немъ извѣстнымъ, знаменитымъ... славнымъ...

Бѣдный Лаптевъ уже представлялся мнѣ чѣмъ-то жалкимъ, добрымъ, но мизернымъ: крохотною козявочкой, которую я опережу однимъ взмахомъ крыла, крыла молодого, невыщипаннаго, бодрого и самонадѣяннаго.

И отъ природы имѣлъ епособность къ музыкѣ, какъ и къ живописи. Еще въ корпусѣ, находясь въ числѣ пѣвчихъ, я выучилъ вокальныя ноты подъ руководствомъ регента и самоучкою приспособился къ пониманію музыкальныхъ нотъ, но не умѣлъ играть ни на одномъ инструментѣ, кромѣ сигнальнаго рожка, на которомъ при удобныхъ случаяхъ выработывалъ кусочки едва удобные на этомъ бѣдномъ инструментѣ. Рисовалъ же я хорошо и карандашомъ, и красками, то есть, разумѣется, хорошо для кадета, а не для живописца, но я надѣялся быстро усовершенствоваться. При

достаточной скромности я все-таки был так самонадеян, что считал себя способным сразу сдѣлать громадныя успѣхи, на которые позволяли мнѣ разсчитывать мое относительно ужь неузкое развитіе, вкусъ и знанія, какихъ не было у Лаптева.

Долговременное неупражненіе себя въ искусствахъ стало передо мною живымъ и нестерпимымъ укоромъ, и я страстно рванулся наверстать все это,—и, ни минуты боже не размышляя, бросился бѣгомъ въ церковь, гдѣ работать со своими подмастерьями Лаптевъ.

Живописецъ сидѣлъ высоко въ люлькѣ и писалъ въ парусѣ купола евангелиста.

Увидѣвъ меня, онъ захохоталъ опять тѣмъ же своимъ, какъ горохъ, дробнымъ смѣхомъ и крикнулъ:

— А что: не сидится, кортить?

— Скучно,—отвѣчалъ я:—пришелъ посмотреть.

— Чего же даромъ смотрѣть: пользайте, работу дадимъ. Ой, Архинь!—крикнулъ онъ живописцу, писавшему драпировки другого евангелиста:—дай-ка этому барину горшокъ съ бранотомъ,—пусть его фонъ затираетъ.

— Испортить,—отвѣчалъ изъ-подъ паруса угрюмымъ басомъ Архинь, большой человѣкъ, чрезвычайно похожій на отставнаго солдата.

— Нѣтъ, не испорчу,—отвѣчалъ я.

— Кусковъ наваяете—послѣ сбивай ихъ мастихиномъ.

— Ничего, ничего: дай ему краски,—отоввался Лаптевъ и снова захохоталъ.

Я взялъ, взялъ кисть и пошелъ затирать фонъ вокругъ подмалеваннаго контура евангелиста Іоанна и исполнилъ это немудреное дѣло прекрасно.

Лаптевъ, очевидно давній мнѣ эту работу для шутки, взглянувъ на нее, улыбнулся и не безъ удивленія сказалъ:

— Хорошо.

На другой день я сдѣлалъ ту же работу въ другомъ парусѣ и украдкою позволялъ себѣ положить небольшіе блики на спускающейся внизъ рукѣ евангелиста, которая казалась мнѣ неестественно освѣщенной.

Лаптевъ это замѣтилъ и, еще болѣе удивляясь, сказалъ:

— Вошь оно, Архинь, баринъ-то какъ мажетъ. Кому можно дать въ твоемъ парусѣ драпировки подмалевать.

Въ этомъ парусѣ былъ изображенъ евангелистъ Іоаннъ,

какъ онъ обыкновенно пишется,—съ орломъ у плеча, но съ перстомъ уставленнымъ въ лобъ.

И не видалъ ровно никакого смысла въ этомъ упертостъ въ лобъ пальцѣ у евангелиста, который писалъ вдохновеніемъ, для выраженія котораго здѣсь и представленъ орелъ. Такое сложное и натянутое сочетаніе мнѣ очень не нравилось—и я не преминулъ сообщить Лаптеву мою мысль.

Онъ задумался—и потомъ, согласясь со мною, крикнулъ:

— Архипъ! слышь, баринъ-то дѣло говоритъ: зачѣмъ евангелистъ палець въ лобъ уперъ?

— А куда же прикажете ему его упереть?—сердцъ отвѣчалъ Архипъ.

Лаптевъ разсмѣялся и проговорилъ:

— Вамъ насъ уже не переучить.

И съ этимъ мы съ нимъ ушли, а когда я на другой день пришелъ въ церковь, то онъ, предупредительно встрѣтивъ меня, сказалъ:

— Садитесь-ко вотъ тутъ со мною, а то они сердятся.

И помогая Лаптеву надѣли двѣ и во все это время онъ какъ на зло не говорилъ со мною ни одного слова объ искусствѣ, а между тѣмъ, я видѣлъ, что онъ считаетъ меня далеко не чуждымъ этому призванію.

Меня это немножко досадовало, тѣмъ болѣе, что и, со свойственною мнѣ страстностью, весь предался работѣ и не замѣтилъ, какъ словно тать въ ночи подкрался день моего отъѣзда назадъ, въ великолѣпно-скучающій Кіевъ, къ моей чинной и страдающей матери, невозмутимому и тоже, кажется, страдающему профессору Альтанскому и несомнѣнно страдающей, хотя и смѣющейся, Христѣ.

У меня сжалось сердце: мнѣ стало необыкновенно жалко всѣхъ ихъ и въ то же самое время мнѣ было странно возвращаться въ этотъ кружокъ, который мнѣ казался теперь такимъ унылымъ и скучнымъ... И представилъ себѣ en detail свой домъ, домъ Альтанскихъ, всѣ эти милыя мнѣ, но какъ бы не моего письма лица и потомъ... служба... канцелярія съ ея стертыми какъ старые нитчатые лица и запахомъ спертатаго воздуха и панипросъ... и мнѣ хотѣлось куда-то бѣжать. Куда? Да не все ли равно: хоть подъ паруса церкви на люльбу Архипа, хоть на подмостки театра въ тогѣ командора, словомъ, куда бы ни было, но только туда, гдѣ бы встрѣтить жизнь, ошнѣки и тревоги, а не мо-

раль, вѣчную мораль добродѣтели и заботу о своемъ совершенствѣ... Это все мнѣ ужасно надоѣло и... я къ стыду моему понялъ, что это значить: я не могъ лукавить съ самимъ собою, я долженъ былъ сознаться себѣ, что мнѣ наскучило быть съ матерью, что мнѣ не хочется уже къ ней возвращаться, и я заплакалъ... отъ стыда своей неблагодарности и отъ досады, что я бѣденъ, ничтоженъ, что я не могу обезпечить мою мать всѣмъ нужнымъ и самъ броситься въ какую-то иную жизнь... Я не знаю, какую именно, но знаю, что она должна быть совсѣмъ не похожа на ту, которую я проводилъ до сихъ поръ и которую уважалъ... Я хотѣлъ попробовать жизни — уваженія недостойной: я чувствовалъ, что это влеченіе во мнѣ становится неодолимо.

Лантевъ былъ человѣкъ очень умный и при всей своей малообразованности онъ былъ настоящій «художникъ въ душѣ» (что я считаю гораздо понятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, «гусаръ въ душѣ»). Онъ понялъ, какой червякъ забрался въ мою душу, и порѣшилъ помочь мнѣ его выкурить; но ошибся въ расчетѣ и вмѣсто одного горя отпустилъ со мною на дорогу два, изъ коихъ одно было злѣе другого, хотя оба они выводили меня на одну торную дорогу, къ глубочайшему раздору съ собою и съ міромъ, отъ котораго скрыла меня черная мантія и воскрыля клобука—моего духовнаго шлема.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Вскорѣ же послѣ описанной мною сцены и незадолго до моего отправления, Лантевъ зашелъ ко мнѣ утромъ въ субботу и говорить:

— Вотъ что-съ, мой милостивый государь, не вамъ одному плохо спится, а и мнѣ тоже стало не спать—и въ этомъ виноваты вы.

Я удивился.

— Да такъ-съ,—продолжалъ Лантевъ:—глядя на вашу страсть, я чувствую, что у меня старые пульсы заколотились. Что проку скрывать и молчать: я вамъ долженъ сказать, что вы мнѣ напомнили мои юные годы, когда я на стѣнахъ углемъ рисовалъ и стаканы былъ. Это, знаете, штука не безстрастная, да и не безстранная,—потому я съ вами нѣсколько дней и не говорилъ объ искусствѣ.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчалъ я:—чего же вы испугались?

— И не удивляюсь-съ, и не удивляюсь, что вы меня не поняли! Искусство... искусство, ухъ, какая мудреная штука! Это вѣдь то же, что монашество: оставь человѣкъ отца своего и мать и бери этотъ крестъ служенія да иди на жертву—и то ничего не будетъ, или будетъ вотъ такой богомазь, какъ я, или самодовольный маляришка, который что ни сдѣластъ—всѣмъ доволенъ. Художнику надо вѣчно хранить въ себѣ святое недовольство собою, а это мука, это страданіе, и я вижу, что вы уже къ нему немножко сопричастились... Хе-хе-хе!—я все вижу!

— Отчего же, говорю,—вы это видите? я вѣдь вамъ, кажется, ничего такого не говорилъ, да и по правдѣ сказать, никакихъ особенныхъ намѣреній не имѣю. Я поучился у васъ и очень вами благодаренъ—это дастъ мнѣ возможность доставлять себѣ въ свободные часы очень пріятное занятіе.

Лаптевъ замогалъ головой.

— Нѣтъ,—закричалъ онъ:—нѣтъ, атанде-съ; не говорить-то вы мнѣ о своихъ намѣреніяхъ не говорили, это точно—и, можетъ-быть, ихъ у васъ пока еще и нѣтъ; но ужъ я искушенъ—и вы мнѣ похвѣрьте, что они будутъ, и будутъ совсѣмъ не такія, какъ вы думаете. Гдѣ вамъ въ свободные часы заниматься! На этомъ никакъ не можетъ кончиться.

Меся очень заняла эта заботливость обо мнѣ веселаго живописца—и я, испытуя его пророческій духъ, спросилъ:

— А какъ же это кончится?

— А такъ кончится, что либо вы должны сейчасъ дать себѣ слово не брать въ руки кистей и палитры, либо васъ такой чортъ укуситъ, что вы скажете «прощай» всему міру и департаменту,—а это пресладостно, и прегадостно, и прѣвредно.

И разсмѣялся.

— Тсс! тсс!—остановить меня серьезно Лаптевъ:—я съ вами дружески говорю... потому что я васъ полюбилъ и считаю обязанностью спасти васъ отъ опасности. Вы не смѣйтесь надъ этимъ: я, вѣдь, рукоесломъ богомазь, а у меня внутри художественный чертенокъ все-таки живъ... И люблю я людей... такъ, ни за что. Взгляну въ харицу—и

если замѣчу, что на ней зракъ божественный отсѣиваетъ... я и прональ: пристрашусь, полюблю и иногда чортъ знаетъ до чего люблю. Вотъ такъ и съ вами: ишь у васъ мордошмяся-то какая. Ахъ ты, каналья, какой онъ прекрасный!

И находившійся въ своемъ удивительномъ художественномъ восторгѣ Лаптевъ вдругъ вскопчилъ съ мѣста, пре-больно ущипнулъ меня съ обѣихъ сторонъ подъ челюстями и, нѣжно поцѣловавъ въ лобъ, договорилъ:

— Какъ же ты не художникъ, когда душа у тебя—вся душа наружу—и ты все это понимаешь, что со мною дѣлается? Нѣтъ; тебя непременно надо спасти и поставить на настоящую дорогу.

— Сдѣлайте милость,—отвѣчалъ я:—я не прочь, только дорога-то для меня уже выбрана: я долженъ служить и сидѣть въ канцеляріи.

И при этомъ я разсказалъ ему о тѣхъ привилегіяхъ, которыя я получилъ въ напутственное благословеніе при исключеніи меня изъ корпуса съ обязательствомъ служить восемь лѣтъ до перваго чина.

Лаптевъ изрыгнувъ цѣлый потокъ самой злой брани, по нотомъ успокоился и сказалъ, что и это ничего; что восемь лѣтъ пройдутъ какъ уже часть ихъ прошла—и тогда только настанетъ для меня пора настоящаго выбора.

— Вамъ будетъ двадцать пять лѣтъ,—заговорилъ онъ:—и вы будете чиномъ коллежскій регистраторъ, это еще чуть-чуть не китайскій императоръ: съ такими началами чортъ бы ее побралъ, госножу службу! Вотъ тогда-то вы и шатнетесь, а куда шатнуться—это надо знать. Надо дѣлать славу или деньги: это большой расчетъ. Мой вамъ совѣтъ: дѣлайте деньги.

— Покорно васъ благодарю.

— Нѣтъ, кромѣ всякихъ шутокъ. Тогда и поэзія, и искусство, все въ мірѣ мило будетъ, а иначе бѣда. Я объ этомъ и хлопочу: васъ надо отучить отъ искусства.

— Какъ же вы это сдѣлаете?

— А уже я сдѣлаю! Не безпокойтесь: я мужъ искуснейшій; у меня есть на это вѣрное средство. Я загѣмъ къ вамъ и приехалъ. Вы скоро уѣзжаете; я не хочу, чтобы вы уѣхали съ тѣмъ, какъ теперь заправились. Вы вѣдь, небось, думаете, что вы видѣли искусство и искусника. Э, нѣтъ, отецъ родной, вы видѣли не искусника, а чорта въ стулѣ!

А вотъ я вамъ покажу настоящее искусство и настоящаго искусника, такъ вы и поймете, что до него ухъ какъ далеко ѣхать! Да-съ, всякая охотишка отпадетъ какъ посмотрѣшь, сколько нужно грабаться на вершинуку, съ которой все видно станетъ. Мнѣ счастливая мысль пришла: сегодня суббота, завтра воскресенье, а послѣзавтра праздникъ, а потому именинница Борисоглѣбская гостиница: мои молодцы попируютъ, а потомъ станутъ зубы располаскивать и работать дня четыре не будутъ. Здѣсь въ городѣ и мнѣ, и вамъ страшно скучно—и я хочу вамъ предложить небольшую прогулочку за городъ, но только ручаюсь вамъ, что прогулка будетъ первый сортъ, съ сопряженіемъ пользы и удовольствій.

Я пожелалъ что-нибудь подробнѣе знать объ этой прогулкѣ, на которую звалъ меня Лаптевъ.

— Видите,—отвѣчалъ онъ:—тутъ, въ восемнадцати верстахъ отъ города, есть село Кротово. Кличка у него ничего особеннаго не общаетъ, но само оно чрезвычайно красиво: раскинуто на берегу Оки и все въ садахъ и паркахъ, а что самое главное—такъ тамъ такая господская усадьба, что передъ нею куда твой Петергофъ! Да, именно Петергофъ, потому что тамъ въ Кротовѣ даже есть такія собранія произведеній искусства, что всѣ палачики оближешь: вотъ ихъ-то я вамъ и хочу показать. Самъ Павелъ Дмитричъ Кротовъ—антикъ, который надо продавать на золотники: онъ рассорился со всѣмъ Петербургомъ, уѣхалъ къ себѣ въ Кротово и никого видѣть не хочетъ, да намъ до него и дѣла нѣтъ; а у него есть галлерей,—дивная галлерей, картины всѣхъ школъ и едва ли не въ наилучшихъ образцахъ, и вдобавокъ въ куполѣ надъ библиотекою теперь у него шипеть что-то *à fresco* одинъ извѣстнѣйшій нѣмецкій художникъ: мнѣ страсть хочется это видѣть, да и вамъ совѣтую: во-первыхъ, огромное наслажденіе, и притомъ немалая польза.

— Какая же?

— А вотъ тамъ увидите. Такъ значить ѣдемъ?

— Извольте.

Лаптевъ выбѣжалъ и черезъ нѣсколько минутъ забарабанилъ вальцами по стекламъ моего окна, и закричалъ:

— Подвода готова!

Я бросился къ окну и увидалъ у воротъ насланную со-

ломою крестьянскую телѣжку, въ которой были запряжены худой, рослый, караковый меринъ и толстоногая буланая кобылочка, подъ выменемъ которой сосаль пѣгій жеребенокъ.

«Такъ вотъ экипажъ, на которомъ мы поѣдемъ въ кротовскій храмъ искусства—не важно!»—подумалъ я, находя эту телѣгу и сбрую, а особенно пристяжную кобылку съ жеребенкомъ, не особенно изящными; но дѣлать было нечего: «важнѣе» намъ не на чемъ было ѣхать, да и къ тому же я скоро сообразилъ, что по-деревенски это ничего не значитъ. И съ этимъ я не только радостный, но даже торжествующій, вскочилъ въ телѣжку рядомъ съ моимъ Лантевымъ, и мы поѣхали, конвоируемые сзади жеребенкомъ, который, чувствуя впереди вольный воздухъ полей, заливался тонкимъ и веселымъ жеребячьимъ ржаніемъ.

Минуты этого отъѣзда, равно какъ и всего этого путешествія я никогда не позабуду. Но самымъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ этотъ выѣздъ былъ моимъ исходомъ изъ отрочества въ иной періодъ жизни, который я опишу когда-нибудь, болѣе собравшись съ силами, а теперь, подходи къ этому рубежу, намѣчу только ту странную встрѣчу въ Кротовѣ, которая была для меня вѣхою, указавшею мнѣ новый путь и новыя страданія.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Село Кротово дѣйствительно было, что называется, «прелестный уголокъ»: оно очаровало меня еще издали его далеко открывшимися видами, и я находилъ, что мой Лантевъ не только ничего не преувеличилъ, подмалевывая мнѣ картины Кротова, но даже былъ немножко излишне скроменъ въ своихъ похвалахъ. Село лежало въ удольѣ вдоль быстрого ручья, вливавшагося въ русло Оки подъ прямымъ угломъ, а барская усадьба была въ сторонѣ, надъ самыми берегами рѣки, по которой ползли струга съ своими разноцвѣтными значками. Издали видѣлся большой каменный домъ съ куоломъ и флагинокомъ, на которомъ, впрочемъ, флага не было, хотя владѣлецъ жилъ тутъ. Половина дома была не отдѣлана и, повидимому, заброшена, что придавало въ моихъ глазахъ всему зданію свою особенную поэзію. Домъ въ самомъ дѣлѣ похожъ былъ на замокъ, вокругъ котораго вѣяло чѣмъ-то мрачнымъ, танкетвеннымъ.

въ себя и понять, гдѣ я и что передъ собою вижу. Я только оглянулся на постели—и увидавъ, что Лантева нѣтъ возлѣ меня, подумалъ, что его со мною и не было; все дѣйствительное мнѣ представлялось сномъ и одинъ сонъ былъ какъ будто дѣйствительностію. Бессиліе разобрать что-нибудь въ этомъ дѣйствовало на меня самымъ угнетающимъ образомъ—и я лежалъ точно въ какой летаргіи, тяжело устремивъ свой усталый, пристальный взглядъ въ одно мѣсто передъ собою. Какое это было мѣсто, — спросите меня: я не знаю; надо полагать, что это была стѣна подъ высокою аркою, куда свѣтъ луны попадалъ какимъ-то рефлексомъ и печально обливалъ изображеніе... какое это было изображеніе? Это были какія-то фигуры, изъ которыхъ я не узнавалъ ни одной, кромѣ той, которой не могъ не узнать, потому что это... была моя мать. Чѣмъ я пристальнѣе въ нее вглядывался, тѣмъ она становилась яснѣе: это была она, я теперь ясно видѣлъ ея стройную фигуру, ея небесныя черты и эти ея превосходные золотистыя волосы, въ которыхъ только не было нынѣшнихъ бѣлыхъ нитей. Что это такое было: сонъ, видѣніе, или картина? Кто могъ изобразить эту картину, для которой моя мать послужила идеаломъ, и наконецъ, что представляетъ вся эта сцена, въ которой все казалось живымъ и движется, опять кромѣ ея, кромѣ этой святой для меня фигуры, которая стояла неподвижно, склонивъ подъ чѣмъ-то свою головку,—знакомое, прелестное движеніе, къ которому я такъ привыкъ, наблюдая ее въ тѣ минуты, когда она слушала о чѣмъ-нибудь горѣ и соображала: какъ ему помочь и не остаться къ нему безучастнымъ...

Я боялся не только встать, но даже пошевелиться, а межъ тѣмъ лунный свѣтъ все становился слабѣе и видѣніе темнѣло и меркло, и словно переносилось со стѣны внутрь души моей: я сталъ припоминать, какъ я былъ неправъ противъ матери; какъ я тяготился даже ея чистотою и неотступнымъ ко мнѣ вниманіемъ,—словомъ, какъ мнѣ хотѣлось выйти изъ-подъ ея оеки, и... мнѣ вдругъ показалось, что я изъ-подъ нея вышелъ, что матери моей болѣе нѣтъ во всемъ ея существѣ, а она остается только въ моей памяти, въ моемъ сознаніи и въ моемъ сердцѣ.

Я повернулся къ стѣнѣ и заплакалъ: спать или не спать я послѣ этого — не знаю, но только я слышалъ, какъ при-

Рѣка подходила подь самый паркъ и такъ терялась въ темной тѣни отражавшихся въ ней деревьевъ, что казалось, будто деревья эти ссунулись въ воду. Я не зналъ, какъ мы переберемся черезъ эту рѣку: моста нигдѣ не было видно и ни живой души нигдѣ не шевелилось; но пока я размышлялъ объ этомъ затрудненіи, нашъ извозчикъ сложилъ у рта трубкой свои ладоши и протрубилъ какой-то гулкой звукъ, въ отвѣтъ на который на томъ берегу что-то щелкнуло и изъ теменн густыхъ тѣней пополозъ на шести небольшой паромъ, сколоченный изъ двухъ плоскодонныхъ лодокъ.

Мы переѣхали и, очутясь подь самымъ паркомъ, хотѣли подниматься на гору, какъ одинъ изъ нашихъ перевозчиковъ остановилъ насъ и велѣлъ подвизать колокольчикъ.

— Зачѣмъ это?

— Баринъ не любить: у насъ для того больше и моста нѣтъ и съ того конца тоже чловѣкъ приставленъ... наблюдаетъ.

Мы сняли колокольчикъ и стали подыматься по довольно крутому взвозу, который шелъ въ огибъ парка и постоянно держалъ насъ въ какомъ-то секретѣ отъ замка и другихъ стросній, такъ что мы чѣмъ ближе къ нимъ приближались, тѣмъ меньше ихъ видѣли. Все это на меня дѣйствовало какимъ-то подготовляющимъ образомъ; мнѣ, невѣдомо почему, начало казаться, что я потерялъ въ моемъ сознани мѣру времени и связь событій: я никакъ не могъ себя увѣрить, что мое имя есть точно мое, что я имѣю мать, которой имя и лицо такое, какое оно есть, и что я ее покинулъ въ томъ, а не въ другомъ мѣстѣ, и что этому прошло уже нѣсколько времени, а все это случилось не сейчасъ, не сію минуту... Меня это даже испугало: мнѣ показалось, что нѣчто подобное долженъ чувствовать чловѣкъ, когда онъ начинаетъ терять рассудокъ, и между тѣмъ я не могъ искать на все это отвѣта у моего Лаптева, потому что я не могъ бы рассказать ему моего состоянія—и я съ прозорливостью провидца сознавалъ, что онъ меня не пойметъ и ничего мнѣ не въ силахъ будетъ отвѣтить.

Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что онъ сидѣлъ въ своемъ камлотовомъ плащѣ—и, высоко задравъ голову, что-то въ себя тянулъ носомъ.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ я.

— А воздухецъ кушаю: вы развѣ не чувствуете, какой

воздухъ? Вѣдь это, батенька, почкой пахнетъ, а въ почкѣ весь эликсиръ жизни: мнѣ, знаете, даже спать захотѣлось.

— Вотъ какъ!

— Да что же: я всегда возобновляюсь этимъ и вамъ то же совѣтую, а вотъ мы и вѣзжаемъ на дворъ.

Я взглянулъ впередъ и удивился: обогнувъ паркъ и взвѣхавъ на террасу, мы вдругъ очутились у двухъ каменныхъ столбовъ, замѣнявшихъ ворота, и затѣмъ намъ открывался дворъ не дворъ — скорѣе цѣлая площадь, размѣры которой въ моихъ глазахъ показались чудовищными, вѣроятно отъ страннаго фокуснаго освѣщенія. Солнце совсѣмъ уже сѣло и западъ, облитый багровымъ свѣтомъ, гасъ, но, угасая, онъ еще освѣщаль неотдѣланную половину дома и свѣтилъ черезъ незарамленные окна этой части на дворъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ окнахъ было темнешенько... Престранный это имѣло видъ: точно домъ этотъ — словно многоглазое чудовище, у котораго когда одни глаза спятъ, то другіе смотрятъ. Я былъ тогда очень молодъ, очень мечтателенъ и склоненъ къ фантастическому, а къ тому же въ этотъ день чувствовалъ себя въ особенномъ настроеніи и очень легко предался мечтамъ, которыя осѣтили меня, чуть только я коснулся головою подушки, которую подкинула мнѣ вмѣстѣ съ простынею и одѣяломъ какая-то женщина.

Мы, кажется, пріѣхали не во-время: въ домѣ что-то такое происходило, что пріятелю Лалтева было недосужно принять насъ, а вдобавокъ ко всему для насъ не оказалось и особаго помѣщенія—и мы должны были довольствоваться комнатою въ неоконченной части дома. Здѣсь намъ сдѣлали на сѣнѣ постель, на которую я и бросился, межъ тѣмъ какъ Лалтевъ пошелъ любоваться какими-то видами, представлявшими, по его словамъ, большой эффектъ при лунномъ освѣщеніи. Я за нимъ не послѣдовалъ, тѣмъ охотнѣе, что никакой луны не было—и я считалъ затѣю Лалтева о прогулкѣ пустою фантазією, а потому, проводивъ его, я уснулъ глубокимъ и сладкимъ сномъ, но... вдругъ совершенно неожиданно проснулся, — точно меня кто въ бокъ толкнулъ; я открылъ глаза: луна свѣтила въ окно, обливая длинную анфиладу огромныхъ опустѣлыхъ палатъ блѣднымъ дрожащимъ свѣтомъ. Сонъ мой былъ такъ крѣпокъ, что, и проснувшись, я еще никакъ не могъ прійти

шелъ Лаптевъ, какъ онъ долго зажигалъ свѣчу отсырѣвшими спичками и все шопотомъ на что-то ворчалъ, и очень долго укладывался, и потомъ опять всталъ, скрипѣлъ что-то дверями, вѣроятно запиралъ ихъ, и снова ложился. Все это мнѣ ужасно надоѣло. Утромъ я всталъ очень рано: часовъ съ нами не было, они остались съ прочими нашими вещами внизу, въ жилыхъ покояхъ управителя, — но по солнцу я видѣлъ, что еще очень рано, и, вскочивъ, тотчасъ же наскоро одѣлся и вышелъ на цыпочкахъ, чтобы найтн мое почное видѣнiе.

Пріотворивъ съ усиліемъ двери, съ которыми такъ долго возился ночью Лаптевъ, я пролѣзъ въ нихъ и остановился; передо мною былъ огромный круглый залъ недостроенный, но скорѣе заброшенный и теперь, повидимому, вновь реставрируемый, — по крайней мѣрѣ я такъ заключилъ по загромаздившимъ его подмосткамъ, изъ-за которыхъ выглядывали на меня поблѣднѣвшія головы фрескъ. Я повесть глазами вокругъ, боясь найти и боясь потерять обликъ, котораго искалъ, — и вотъ онъ: я увидаль его тамъ же, вверху нини стрельчатой арки, и не помня себя, побѣжалъ вверхъ по зыбкимъ подмосткамъ. Я былъ уже почти наверху, почти у самаго изображенія моей матери, какъ вдругъ вздумалъ взглянуть внизъ... земля подо мною вертѣлась, прямья доски косили и выгибались подъ моими ногами, — я какъ-то повернулся су-бочъ на одной ногѣ и почувствовалъ, что меня какъ будто что-то приятно щелкнуло по темени и затѣмъ вдругъ встряхнуло и вытянуло... Это было такъ непріятно, что я открылъ глаза — и увидаль какого-то высокаго брюнета съ прекраснымъ чужеземнымъ лицомъ и сейчасъ же позабылъ и себя, и его, и въ предѣлахъ земныхъ все земное. Когда я принель въ себя, была теплая, синяя ночь; комната, въ которой я лежалъ, была не высока, но воздухъ въ ней былъ необыкновенно легокъ и пропитанъ какимъ-то тонкимъ, живительнымъ ароматомъ. Я по всей строгой истинѣ рѣшительно не могъ сказать, гдѣ я нахожусь. Всѣ мои чувства были въ совершенномъ разбродѣ, но я ощущалъ какую-то невыразимо-пріятную тишину и разлитый въ воздухъ запахъ сирени — и, тихо приподнявшись, сѣлъ на постели. Въ открытое окно глядѣлъ мѣсяць и мерцали съ синяго неба яркія звѣзды, а внизу на подоконникѣ лежали сиреневыя грозди. Что же это: гдѣ

я наконецъ?.. Я никакъ ничего не могъ вспомнить, но въ это время за ковромъ, которымъ была завѣшана стѣна у моей постели, послышался вздохъ, глубокий, теплый, куда-то рвущійся вздохъ и раздались цинлющія за сердце металлическіе звуки цитры. Опытная и искусная рука играла хорошо знакомый мнѣ мотивъ псалма изъ старой гугенотской библіи, которая не сходила со стола моей матери.

— Все она, и все она! Кто же это здѣсь ею занятъ? Мнѣ показалось необходимою узнать это теперь же, сейчасъ, сію минуту, и я тронулся и пошелъ нетвердыми шагами, держась рукою стѣны. Мнѣ что-то понадалось подъ руку — я что-то обходилъ, за что-то зацѣплялся и слова освобождался и, наконецъ, очутился въ совершенно-тѣсномъ простраствѣ, которое, вѣроятно, должно было быть коридоромъ. Но чтѣ это за коридоръ? Я чувствовалъ подъ ногами обитый ковромъ полъ и обтянутыя какою-то матеріею стѣны и ничего болѣе. Куда ни двинешься—все то же самое. Но вотъ снова циннула цитра, и еще, и еще, и свѣжій, крѣпкій, мужественный баритонъ запѣлъ: «Eternel, aie pitié de moi, car je suis sans aucune force! Eternel, retourne toi, garantie mon ame». Это было опять ея пѣніе, ея манера; я не выдержалъ и куда-то подвинулъ впередъ руки и остановился; тяжелый коверъ, преграждавшій мнѣ путь, поднялся и открылъ обширную комнату, меблированную въ старинномъ французскомъ вкусѣ. Всѣ окна ея также выходили въ садъ и были растворены; свѣтъ и аромать въ нее лилъ еще раздражительнѣе и тутъ на длинной софѣ съ золоченымъ загибомъ сидѣлъ у небольшого легкаго столика... тотъ, кого я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда потерялъ сознание: высокій мужчина съ полусѣдою головою — и онъ пѣлъ этотъ чудный псаломъ.

Коверъ, которымъ я двинулъ, заставилъ его оглянуться, и глаза наши встрѣтились.

— Богу хвала: вы живы! — воскликнулъ онъ по-французски и, вскочивъ съ мѣста, заключилъ меня въ свои объятія, и, посадивъ въ кресло, подаль мнѣ стаканъ воды съ каплей какого-то вина.

— Живъ? — спросилъ я: — развѣ я былъ боленъ?

— Да; вы лежали долго.

— Долго?

— Да; объ этомъ, послѣ...

— Что же было со мною?

— Вы оступились съ высокаго мѣста.

— Помню. Что же, я расшибся?

— Нѣтъ; вы только получили большое сотрясеніе.

— Кто спасъ мнѣ жизнь?

— Конечно Тотъ, Кто вамъ далъ ее.

— Но я помню ваше лицо...

— Я былъ тамъ.

— Кто же вы?.. Какъ ваше имя?

— Мое имя Филиппъ.

— О, вы Кольбергъ!

— Я Кольбергъ, я тотъ, котораго мать ваша считаетъ своимъ другомъ; но теперь пока это все: пока болѣе ни слова. Слушайте меня: мы здѣсь одни, во всемъ имѣніи нѣтъ ни хозяина, ни управителя, ни Лаптева, который привелъ васъ; всѣ они развѣхались кто куда: я одинъ ждалъ васъ и дождался. За все это я попрошу у васъ повиннованія.

— Я долженъ повинноваться.

— Да; и она такъ хочетъ... она этого даже просила.

— Вы получили письмо отъ матушки?

— Да.

— Нельзя ли его видѣть?

— Нѣтъ; его нельзя видѣть, — отвѣчалъ Кольбергъ: — и вы должны не повторять этой просьбы до тѣхъ поръ, когда я самъ найду нужнымъ это исполнить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Онъ не скоро это исполнилъ — и зачѣмъ онъ исполнилъ это? О, сколько было бы лучше, если бы я никогда не узналъ того, что сдѣлалось съ тѣмъ, кого любилъ я, въ мое отсутствіе.

Съ этой поры я видѣлъ Кольберга всякій день — и, глядя на его вдохновенное лицо, думалъ:

«Что за тайна связываетъ этого человѣка съ моею матерью: можетъ-быть, она его любила, когда еще не была женою моего отца; можетъ-быть, онъ о-сю пору ее любить».

— Господинъ Кольбергъ! — спросилъ я его однажды, когда мы сидѣли вдвоемъ: я читалъ книгу, а онъ рисовалъ карандашомъ эскизъ будущей картины.

Онъ обернулся.

— Знаете, что я хочу васъ спросить?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не будетъ ли на этой картинѣ, которую вы сочиняете, лицо моей матери?

— Будетъ.

— Зачѣмъ вы его такъ часто рисуете?

— Потому, что оно прекрасно.

И онъ положилъ карандашъ и закрылъ руками глаза.

— Г. Кольбергъ!—продолжалъ я.

— Спрашивайте.

— Какъ это было?

— Что?

— Матап и вы...

Онъ разсказалъ мнѣ странную исторію, въ которой самъ игралъ роль жалкую, а моя мать по обыкновенію святую и миссіонерскую: онъ былъ дерптскій студентъ, буршъ, кутила и демократъ; мать — христіанка. Онъ былъ происхожденія ничтожнаго; она—баронесса. Онъ за нее сватался—ему отказали, — онъ не переставалъ ее любить, искалъ забвенія въ искусствѣ, искалъ смерти на баррикадахъ и остался живъ, для того, чтобы встрѣтить ее вдовою. Онъ снова предложилъ ей руку и снова получилъ отказъ, но на этотъ разъ уже не отъ ея родителей, а отъ нея самой.

— И вы знаете, кто этому былъ виноватъ?—заклучилъ онъ:—виновникъ всего этого *вы*.

— Я!

— Да; она отвѣчала мнѣ: «и половина сердца не можетъ отвѣчать цѣлому, а мое цѣлое принадлежитъ все моему сыну». Взамѣнъ любви она предложила мнѣ свою дружбу, и я жилъ ею, но когда ея не стало, я буду жить любовью къ вамъ!

— Кого не стало?—вскрикнулъ я.

— Кого?... *Друзьбы*, — отвѣчалъ Кольбергъ, повидному совершенно спокойно, но я видѣлъ, что онъ жгетъ, и спросилъ:

— Развѣ вы поссорились съ матап?

— Да, мы разладили.

— На чемъ?

— Я вамъ это скажу завтра.

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ этого завтра и не зналъ какъ

начать, но Кольбергъ предупредилъ меня самъ и довольно грубо; онъ сказалъ мнѣ:

— Вы теперь достаточно сильны, чтобы узнать о томъ, что случилось...

— Съ маман!

— Нѣтъ; съ дѣвушкою, которую зовутъ...

— Христа!

— Да.

— Что съ нею?

— Ровно ничего.

— Какъ это?

— Ея больше нѣтъ.

— Она умерла?

— Умерла. Хотите прочесть объ этомъ?

— Очень хочу.

И я взялъ изъ его рукъ письмо маман отъ довольно давней уже даты и прочелъ вѣсть, которая меня ошеломила. Маман, послѣ краткихъ выражений согласія съ Кольбергомъ, что «не все въ жизни можно подчинить себѣ», справедливость этого вывода примѣняетъ къ Христѣ, которая просто *захотѣла погибнуть* и погибла. Суть дѣла была въ томъ, что у Христа явилось дитя, рожденіе его было не благополучно—и мать, и ребенокъ отдали Богу свои чистыя души.

«Я укоряю себя за эту дѣвушку, — писала маман: — я слишкомъ высоко подняла въ ней тонъ—и это ее сгубило. Принимая вещи обыденнѣе, она была бы счастливѣе, и»...

Тутъ что-то было далѣе, но Кольбергъ, слѣдившій за моимъ чтеніемъ, вынулъ на этомъ мѣстѣ изъ моихъ рукъ письмо и сказалъ:

— Остальное къ дѣлу не идетъ.

Я совсѣмъ оправился и сталъ собираться домой. Кольбергъ возвращался въ Петербургъ. Мы разстались въ городѣ очень дружно — и на прощаньѣ онъ взялъ съ меня слово, что если мнѣ когда-нибудь понадобится другъ, то я не стану искать никого другого кромѣ его. Я далъ ему это слово.

— А на дорогу совѣтъ, — добавилъ онъ: — не поднимайте очень высоко тона...

— Не понимаю, говорю.

— Берите жизнь попроще, а то спутаетесь и другихъ

спугаете. Я пострадалъ отъ этого, — смотрите вы не пострадайте, — зато и выработалъ себѣ консервъ.

— Какой консервъ?

— Морали: я согласенъ, что не дѣлать того другому, чего себѣ не желаешь—мало; слова нѣтъ, что мало, потому что это одно отрицаніе зла, но не добро, — а вотъ какъ: faites ce que vous voulez qu'on vous fasse—и больше этого ничего не нужно... Прощайте.

Я ѣхалъ благополучно до самаго Кіева и уже перемѣняя лошадей на послѣдней станціи, какъ вдругъ смотритель мнѣ подаль пакетъ. Я взглянулъ на адресъ и узналъ руку Кольберга, а распечатавъ, нашелъ то же материно письмо, которое уже было въ моихъ рукахъ и не дочитано на буквѣ «и».

— «Дочитайте!»—подписалъ на немъ Кольбергъ.

— «Принимая вещи обыденнѣе, она могла бы быть счастливѣе, и это приложимо ко многимъ. Я часто думаю, что въ христіанскомъ мірѣ установился нѣсколько неправильный взглядъ на нашу собственную жизнь: отчего, изводя себя по мелочамъ, ради той или другой идеи, мы не въ правѣ дѣлать того же самаго en gros? Я этого рѣшительно не понимаю: тѣ, которые клали подъ топоръ свою голову за какую-нибудь высокую идею, развѣ въ сущности не тѣ же самоубійцы? Если сохраненіе жизни важнѣе всего, то они должны были ее сохранить, и тогда у насъ не было бы тѣхъ идеалистовъ, которыми хвалится и ими живетъ, не доходя до крайней низости, весь родъ человѣческій. Не укоряйте меня, мой другъ, что всѣ эти мысли приходятъ мнѣ, когда я думаю о моемъ сынѣ: онъ теперь прожилъ уже срокъ своего наказанія, получаетъ чинъ и былъ бы свободенъ: онъ бы ѣхалъ къ вамъ, вы бы открыли дорогу его художественному развитію, между тѣмъ, какъ со мною онъ погибнетъ здѣсь среди удушливой атмосферы канцелярской, но почему знать—можетъ-быть, со временемъ сживется съ нею и позабудетъ все, чтò я старалась въ него вдохнуть... Эта мысль не даетъ мнѣ покоя и я чувствую, что я съ нею не справлюсь: мое счастье развязать ему крылья и благословить его полетъ, искушивъ свое самовластіе надъ собою карою, какой буду заслуживать».

Внизу этого рукою Кольберга было отмѣчено: «Съ тѣхъ поръ писемъ не было».

Вы можете вообразить, въ какое состояніе пришелъ я, прочитавъ это письмо! Вообразите же другое мое состояніе, когда я, входя въ свою квартиру, не встрѣтилъ моей матери... Я не спросилъ никакого объясненія у нашей служанки и бросился къ Алтанскому.

Это былъ вечеръ: старикъ сидѣлъ дома, все въ томъ же креслѣ и въ томъ же халатѣ, и за тѣми же классиками.

— А, другъ мой! Это ты! Ну что же: ты прѣхалъ все-таки не поздно, чтобы узнать все горе.

— Моя мать... могъ я только проговорить.

— Твоя мать кончила съ собою (онъ не сказалъ мнѣ, какъ она отравилась). Она увлеклась своимъ самоотверженіемъ...

— О, я знаю это! Знаю! И это я во всемъ виноватъ.

— Чѣмъ же?

— Я не умѣлъ скрыть, что мнѣ скучно, что меня мѣшало что-то иное, — и я потерялъ ее, а съ ней все, что было мнѣ мило.

— Что же, она значитъ своего достигла: теперь она для тебя никогда не умретъ.

Онъ болѣе не утѣшалъ меня, да я и не требовалъ утѣшенія: я провелъ нѣсколько дней, молясь на могилѣ матери, и уѣхалъ отсюда навсегда, къ Кольбергу. Болѣе мнѣ ничего не оставалось дѣлать: я былъ выбитъ изъ старой колеи и долженъ былъ искать новой.

— Я не могу быть ученымъ, какъ вы, — сказалъ я Алтанскому: — въ душѣ моей горитъ другой огонь: огонь жизни; я хочу служить искусству.

— И служи ему, — отвѣчалъ онъ въ часъ нашей разлуки, когда я въ послѣдній разъ поцѣловалъ его въ блѣдныя уста.

Онъ остался на берегу Днѣпра, а я уѣхалъ къ Кольбергу. Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ старика, онъ умеръ — не отъ грусти, не отъ печали одиночества, а просто отъ смерти, и прислалъ мнѣ въ наслѣдіе своихъ классиковъ; а я... я вступилъ въ новую жизнь — въ новую колею ошибокъ, которая зашину когда-нибудь, конечно уже не въ эту тетрадь, заключающую дни моего дѣтства и юношества, проведенные между людьми, которымъ да будетъ мирный сонъ и вѣчная память.

Оглавленіє

XXXII ТОМА.

Блуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева)	СТР. 3

240

RECEIVED
JUN 10 1864
1369

1369

57
The following is a list of the
names of the persons who
were present at the
meeting of the
Board of Directors
of the
Company
held on
the
10th day of
June
1864
at
the
City of
New York

THE FILL
- CINCINNATI

